

Ричард Фостэр

Прославление дисциплины

Путь духовного роста

Каролин - жене, советнику, другу, вдохновителю

Выражение признательности

1978

Книги лучше всего пишутся в общине. Я глубоко благодарен тем, кто жил рядом со мною и наполнял содержанием идеи этой книги. Благодаря дружбе и учению Далласа Вилларда я впервые увидел значение и необходимость духовной дисциплины. В течение многих лет он был моим наставником в этой области. Его жизнь является воплощением принципов этой книги.

Я являюсь также должным Бесс Булгин, которая внимательно и молитвенно много раз перечитала каждую строчку в книге.

Ее чувство ритма помогло книге стать легко читаемой. Кен и Дорис Бойс помогли мне больше, чем они об этом догадываются, своим постоянным ободрением и энтузиазмом. Помощь Конни Ворс в печатании, исправлении ошибок и ее оптимизм тоже весьма значительны. Мэри Муртон совершала бесконечный труд по печатанию сначала черновиков, а затем - окончательного варианта книги. Стэн Торнбург учил меня и словом, и делом дисциплине служения. Рейчел Хиншоу любезно предложила свои услуги профессионального корректора. Моя особая благодарность — ньюбергской церкви Друзей за то, что мне обеспечено было время для завершения этой книги, и особенно Рону Вудварду, чья пасторская нагрузка неизбежно увеличивалась по мере того, как моя — уменьшалась.

Мои дети, Иоиль и Нафан, были невероятно терпеливы, позволяя своему папе часто сокращать совместные игры и истории. С завершением этой книги приходит новая радость, что можно опять эти игры и истории удлинить.

1988

Прошло десять лет с тех пор, как книга „Прославление дисциплины“ была впервые напечатана. Я по-прежнему верю, что лучшие книги пишутся в общине; единственная разница в том, что эта община, которой я столь обязан, теперь сильно выросла. В течение этих лет многие люди писали, чтобы

ободрить, исправить, стимулировать мое мышление. Кроме того, многие говорили со мной лично о своих стремлениях, учебе и росте. Все они многое открыли для меня в духовной жизни и внесли свой вклад в пересмотр прежнего издания.

Я хочу особенно поблагодарить свою жену, Каролин, которая в течение многих лет учила меня, как ходить с Богом, и так, что слова не могут этого выразить. Тот факт, что я посвятил эту книгу ей, теперь для меня имеет еще большее значение, чем тогда. И еще я хочу выразить свою признательность моему администратору Линде Грейбиль, которая неустанно трудилась над многими деталями этого издания.

Когда я пересматривал „Прославление“, я был просто поражен, насколько слабо слова выражают мысль. В лучшем случае они являются разбитыми и разорванными свидетелями Божьей истины. Действительно, мы видим как бы сквозь „тусклое стекло“. И еще больше я поражен тем фактом, что Бог может взять в Свои руки нечто такое несовершенное, глупое, как слова на бумаге, и использовать их для изменения жизни людей. Как это происходит, я не знаю. Это чудо милости, и если вы найдете в этих страницах то, что послужит вашей жизни, это не от меня. Единому Богу слава!

Ричард Фостэр, Пасха, 1988

Предисловие

Есть много книг, посвященных внутренней жизни, но лишь немногие из них сочетают в себе действительную оригинальность с интеллектуальной целостностью. Именно это сочетание удалось Ричарду Фостеру. Хорошо знакомый с классическим благочестием, автор дал нам внимательное его изучение, которое само по себе будет высоко цениться долгие годы. Хотя в этой книге показано, чем мы обязаны классике, она не является книгой исторической: это подлинно оригинальный труд.

Что нас поражает сразу, так это исчерпывающий характер данного исследования. Много книг написано о тех или иных сторонах внутренней жизни, но эта отличается тем, что имеет дело с удивительным разнообразием важных тем, и свежесть их изложения связана с его смелостью. Автор взялся рассмотреть широкий круг духовных проблем, начиная с исповеди и до простоты, до радости. Так как книга является результатом широкого круга чтения и внимательного его обдумывания, это не тот вид книг, которые можно бездумно отбросить.

Источники внутреннего видения весьма различны, и главные из них — Священное Писание и признанные классическими труды по благочестию, но они не являются единственными источниками, из которых черпает автор. Внимательный читатель скоро обнаружит, что книга в большой мере обязана также и мирским мыслителям. Учитывая тот факт, что сам автор является квакером, неудивительно, что широко использованы квакерские авторы. Сюда относятся Джордж Фокс, Джон Вульман, Ханна Витал Смит, Томас Келли и многие другие. Здесь цель не сектантская, но подлинно экуменическая, так как важные откровения никогда не могут быть ограничены той группой, где они возникли. То, что мы в результате получили, является примером всеобщности участия в этих откровениях.

Особенно ценным является рассмотрение простоты, частично потому, что это не просто — писать о простоте. Действительно, десять „контролирующих принципов“, относящихся к простоте, о чем говорится в шестой главе, сами по себе оправдают Появление еще одной книги о духовной жизни. Эти десять принципов, хотя и коренятся в древней мудрости, сделаны удивительно современными.

Автор понимает очень хорошо, что подчеркивание простоты может само по себе стать ловушкой. Вот почему он не останавливается ни на чем очевидном, как, например, простой гардероб, хотя он и может сказать выразительно: „Оставь моду. Покупай только то, что тебе нужно“. Здесь мы видим радикальное предложение, которое, если будет широко принято, в высшей степени послужит освобождению людей, являющихся жертвами рекламы, особенно по телевидению. Могла бы произойти подлинная культурная революция, если бы значительная часть людей повиновалась этому требованию: „Не накапливай, раздавай“.

Самыми большими проблемами нашего времени являются не технологические, так как мы с ними успешно справляемся. И даже не политические, не экономические, потому что они оказываются в значительной степени производными. Главнейшие проблемы — нравственные и духовные, и если в этих областях у нас не будет прогресса, мы можем даже и не выжить. Именно поэтому падали высокоразвитые культуры прошлого. По

этой причине я приветствую этот зрелый труд, посвященный культивированию жизни духа.

Д. Элтон Трублуд

1. Дисциплина духовной жизни — Это путь к освобождению

„Я иду сквозь жизнь, как транзитный пассажир на пути к вечности, созданный по образу Божию, но этот Образ унижен во мне, и потому мне нужно научиться, как поклоняться Богу, как уповать на Него, как о Нем мыслить“.

Доналд Коган, архиепископ Кентербери

Поверхностность — это проклятие нашего времени. Общее желание немедленного удовлетворения — это проблема не материальная, а духовная. Самая большая нужда нашего времени — это не люди интеллигентные или же люди талантливые, но люди глубокие.

Внутренняя дисциплина* требует от нас жизни на духовной глубине, не удовлетворяясь поверхностностью. Она побуждает нас быть ответом пустоте мира: хорошо жить на глубине, чтобы чувствовать и понимать дух людей.¹

Есть неправильное мнение, что духовная дисциплина существует только для неких гигантов духа, что она находится вне нашего постижения или что она предназначена только для созерцателей, посвятивших все свое время молитве и размышлению над духовными вопросами. Совсем нет! Бог предназначил дисциплину внутренней жизни для обычных людей, которые должны работать, которые имеют детей, моют посуду и убирают сады. Вообще говоря, внутреннюю дисциплину лучше всего практиковать именно среди наших повседневных дел. Если она назначена для преобразования нашей жизни, то она и должна проявляться именно в наших отношениях с мужем или женой, братьями и сестрами, друзьями и соседями.

Точно так же нельзя считать дисциплину какой-то тяжелой повинностью, назначенной уничтожить смех: наоборот, радость есть ключ любой дисциплины. Цель дисциплины — освободить нас от удушающего рабства страха и эгоистического расчета. Когда дух человека освобожден от всего, что его угнетает, это никак нельзя назвать „занудством“. Наоборот, возникает желание петь и радоваться пред Господом.

В каком-то смысле духовная дисциплина не тяжка.** Единственное требование — это чтобы душа жаждала Бога: „Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!“ (Пс. 41, 2).

Поэтому особенно приглашаются начинающие. Я сам — такой начинающий, хотя в течение целого ряда лет я на практике исполнял все то, что предлагается в этой книге. Как сказал Томас Мертон, „мы не хотим быть новичками, но пусть мы будем убеждены в том факте, что во всю свою жизнь мы никогда не будем ничем иным, как только новичками!“²

Мы читаем в том же псалме: „Бездна бездну призывает“ (ст. 8). Может быть, где-то в глубине своего существа вы уже слышали этот призыв — к более полной и более глубокой жизни. Может быть, вы уже устали от пустословия. Может быть, время от времени вы уже воспринимали намеки о том, что существует нечто большее, чем вы знали до сих пор. Внутри вас уже есть желание погрузиться в глубину.

Те души, которые услышали этот зов внутри себя, немедленно встречаются с двумя трудностями на пути к осуществлению этой глубинной потребности духа: первая трудность — философского порядка. Материализм нашего времени пустил столь глубокие корни, что люди сомневаются в возможности выйти за пределы физического мира. Многие первоклассные ученые побороли подобные сомнения, уверенные в том, что мы не можем быть заключенными в пространственно-временной коробке. Но средний человек находится под сильным влиянием популярной „научной“ литературы, которая уже на целое поколение отстала от времени в своих возражениях против существования нематериального мира.

Трудно переоценить тот факт, насколько мы все пропитаны подобной „наукой“, стремящейся все свести до своего умственного уровня. Вера, упование, молитва рассматриваются не как наш контакт с действительно существующим духовным миром, но как психологические явления. Нам необходимо „Мужество в преодолении подобных предрассудков и в утверждении, что существует нечто большее, чем только материальный мир. Чтобы быть интеллектуально честными, нам нужно иметь желание изучать и исследовать тот, другой, Мир со всей решимостью, какую мы бы приложили к исследованию в любой области.

Вторая трудность практического свойства. Мы просто не знаем ничего о закономерностях и путях исследования внутренней жизни. Так было не всегда. В первом веке и даже раньше не нуждались в инструкциях о том, как осуществлять эту внутреннюю дисциплину. Библия призвала людей к посту, молитве, набожности, прославлению Бога и почти не давала никаких указаний о том, как это делать. Легко видеть причину этого: подобные действия совершались столь часто и были столь неотъемлемой частью общей культуры, что все знали, как именно это надо делать. Пост, например, был столь известен, никто и не спрашивал, что надо есть до поста и как выходить него, или же как избежать при посте головокружений, — это знали!

С нашим поколением все обстоит иначе. Полнейшее невежество в практических вопросах внутренней духовной дисциплины. Поэтому в любой книге, посвященной таким (вопросам, нужно это учитывать и давать практические советы. Одно слово предостережения: знать механизм духовной дисциплины ни в коей мере не означает знания ее самой! Духовная дисциплина — это область внутренняя, и расположение сердца гораздо важнее для вхождения в область духа, чем исполнение всех практических советов. В своем энтузиазме немедленно воплотить в жизнь все предлагаемые дисциплины мы можем именно в этом и промахнуться. Жизнь, угодная Богу, — это не ряд религиозных обязанностей. Единственное, что нам нужно делать, — это жить жизнью близких отношений с Богом, „Отцом светов, у которого нет изменения и ни тени перемены“ (Иак. 1:17).

Рабство привычкам

Мы привыкли рассматривать грех как акт непослушания Богу. Это, конечно, верно, но Писание в этом вопросе идет гораздо дальше.* В своем Послании к Римлянам апостол Павел часто говорит о грехе как бедствии человечества (3:9-18): „Нет праведного ни одного“. Грех действует в членах наших, то есть через наши вьевшиеся в плоть, привычки. И нет большего рабства, чем это рабство привычкам.

В Книге пророка Исаии 57:20 говорится: „Нечестивые — как море взволнованное, которое не может успокоиться, и которого воды выбрасывают ил и грязь“. Морю ничего особенного не нужно делать, чтобы выбрасывать нечистоты, это является результатом его естественного движения. То же самое происходит с нами, когда мы находимся под властью греха. Естественное движение нашей жизни производит ил и грязь. Грех является частью внутреннего устройства нашей жизни. Для того чтобы грешить, не требуется никакого особого усилия. Неудивительно, что мы чувствуем себя как бы в ловушке.

Наш метод борьбы с грехом — это метод лобовой атаки. Мы полагаемся на силу своей воли и решимости. Неважно, что именно мучает нас — гнев, обжорство, гордость, похоть, алкоголь, страх; мы принимаем твердое решение: никогда в жизни больше этого не делать. Мы боремся с этим злом, всю свою волю собираем против него, даже молимся об этом, — и все напрасно. Мы снова оказываемся нравственными банкротами, или еще хуже — гордимся своей внешней праведностью, этим „гробом окрашенным". Мы не можем освободить и очистить собственное сердце, упражняя свою собственную волю.³

В своем Послании к Колоссянам апостол Павел перечислил некоторые внешние приемы, которые люди используют, чтобы контролировать свои грехи: „не прикасайся", „не вкушай", „не дотрагивайся". И добавил, что все это „имеет только вид мудрости в самовольном служении", то есть служении посредством своей воли (Кол. 2:20-23). „Самовольное служение"! Какая емкая фраза, как она точно описывает нашу жизнь! Как только мы чувствуем, что можем одержать победу над грехом силой одной своей воли, мы тут же начинаем поклоняться и служить своей воле! Павел взглянул на наши напряженные усилия в духовном хождении и назвал их идолопоклонством, не ирония ли это!?

Силой воли нам никогда не справиться с глубоко укоренившимися в нас греховными привычками. Один автор пишет так: „Как только вы начинаете умственно сопротивляться нежеланным обстоятельствам, вы тут же прибавляете им силу - силу, которую они используют против вас же, и вы истощите свои силы точно в той же степени".⁴ А другой автор заключает: "Пока мы думаем, что можем спасти себя силой своей воли, мы усиливаем зло в нас".⁵ Эта же истина была испытана всеми, кто когда-либо желал вести набожную жизнь, и всеми авторами, которые об этом писали.

„Самовольное служение" может иметь успех на какое-то время, но в поворотах и изломах нашей жизни наше истинное нутро всегда проявится. Иисус описывал именно это состояние, когда Он говорил о внешней праведности фарисеев: "... от избытка сердца говорят уста... Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда" (Мф. 12:34-36). Усилием воли можно какое-то время соблюдать благопристойность, но раньше или позже случится так, что „праздное слово" соскользнет с наших губ и раскроет истинное состояние нашего сердца. Если мы полны сострадания, оно проявится. Если мы полны горечи, она тоже выскажется. Не в том дело, что мы намеревались так сказать. У нас может не быть никакого желания взрываться от ярости или демонстрировать высокомерие, но когда мы общаемся с людьми, это просто случается с нами. Мы можем изо всех сил стараться о скрыть, но нас выдают наши глаза, наша речь, наш подбородок, руки, весь язык нашего тела. Сила воли бессильна против праздного слова, против случая. Воля имеет тот же недостаток, что и закон: она может иметь дело только со внешними атрибутами. Она недостаточна, чтобы произвести серьезные изменения во внутреннем состоянии нашего духа.

Дисциплина внутренней жизни открывает дверь

Когда мы приходим в отчаяние, стремясь добиться внутреннего изменения своими собственными усилиями, мы открываемся чудной истине: внутренняя праведность есть дар Божий, который нужно благодарно принять. Изменение внутреннего человека — это Божий труд, не наш. Требуется труд внутри нас, и только Бог может совершать труд внутри человека. Мы не можем ни достигнуть, ни заработать эту праведность Царства Божьего; это данная нам Благодать.

В Послании к Римлянам много места и внимания апостол Павел уделил тому факту, что праведность есть дар Божий.* Он тридцать пять раз использовал эти слова, каждый раз подчеркивая, что праведности невозможно достичь человеческими усилиями. Одним из самых ясных утверждений этого является стих 5:17: "... приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа". Это

учение, конечно, находится не только в Послании к Римлянам, но во всем Писании, и является краеугольным камнем христианской веры.

Когда же нам открывается эта захватывающая дух истина, нас тут же подстерегает опасность другой ошибки. Мы склонны считать, что нам самим вообще нечего делать. Если все человеческие усилия кончатся банкротством, и на своем опыте мы в этом убедились, тогда не логично ли прийти к заключению, что мы должны только уповать на Бога, что Он придет и изменит нас? Как ни странно, ответ будет: „Нет“. Рассуждение наше правильно, а вывод неправилен. К счастью есть то, что мы можем делать. Перед нами не стоит дилемма: либо человеческие усилия, либо бездействие. Бог дал нам дисциплину духовной жизни как средство получения Его дара. Внутренняя дисциплина дает нам возможность предоставить себя в распоряжение Бога, чтобы Он мог изменить нас.

Апостол Павел сказал: „Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную“ (Гал. 6:8). Фермер не может растить зерно, все, что он может делать, — это создать условия, при которых зерно будет расти. Он кладет зерно в землю, где естественные силы начинают действовать, и зерно растет. Таков же путь внутренней дисциплины: она есть сеяние в дух. Дисциплина — это Божий путь помещения нас в почву: в почве Он может выращивать нас и преобразовывать изнутри. Сами по себе все духовные упражнения ничего не могут произвести; они только помещают нас в то место, где с нами может быть сделано нечто. Они являются средствами Божией благодати. Внутренняя праведность не изливается на наши головы. Бог предназначил дисциплину внутренней жизни для того, чтобы посредством ее помещать нас туда, где Он может нас благословить.

В этом смысле было бы правильнее говорить о пути благодати через дисциплину: это — благодать, потому она дается даром, и это — через дисциплину, потому что есть что-то, что мы можем делать. В книге „Цена ученичества“ Дитрих Бонхёвер ясно выразил, что благодать — даровая, но не дешевая! Если мы рассчитываем расти, нам нужно принять определенный курс действий, касающихся как личной, так и церковной жизни. Такова цель духовной дисциплины. В нравственном богословии есть поговорка, что „добродетель легка“. Это правдиво только в том смысле, что Божий труд благодати производится в нашем духе и преображает врожденные привычки нашей жизни. Пока этот труд не завершен, добродетель трудна, действительно трудна. Мы стремимся проявить дух сострадания и любви, но это происходит, как если бы мы привносили что-то извне. А затем глубин нашей внутренней жизни всплывают мыльные пузыри духа критицизма и осуждения. Однако, если мы уже жили в состоянии наставляющей и обучающей нас благодати, мы обязательно обнаружим внутренние изменения в нас.

Мы всего-навсего приняли „да“, однако мы знаем, что изменения реальны. Мы знаем это потому, что дух сострадания, который когда-то мы считали для себя очень трудным, теперь легок. И для нас теперь гораздо труднее другое — исполниться горечи. Божественная любовь вошла в наше внутреннее существо и превозмогла наши прежние привычки; из него теперь истекают „любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание“ (Гал. 5:22-23). Не требуется этой утомительной обязанности — прятать от других свое внутреннее „я“, не нужно трудиться, чтобы быть хорошим и добрым. Напротив, потребовалось бы усилие, чтобы не быть таковым, потому что милость и доброта стали частью нашей природы. Точно так же, как естественное течение нашей жизни однажды производило „ил и грязь“, так теперь оно производит плод Духа. Шекспир однажды написал: „Милость не требует напряжения сил“, точно то же самое можно сказать о всех духовных добродетелях, когда они стали господствующими в нашей личности.

Путь смерти: превращение духовной дисциплины в законы

Духовные упражнения предназначены для нашего добра. Они должны наполнить нашу жизнь Божественным присутствием. Однако их можно превратить в новый набор убивающих душу законов.

Иисус учил, что наша праведность должна превосходить праведность книжников и фарисеев (Мф. 5:20). Однако нам нужно понимать, что их праведность была не малым делом!

Они были готовы следовать за Богом таким путем, таким образом, каким мы бы не смогли. Но одно было общим в праведности всех их; их праведность была внешней. Она была показной, чтобы все ее видели. Их праведность состояла в том, чтобы уметь контролировать свое внешнее поведение, включая сюда и контроль за поведением других людей. Наша праведность может превосходить праведность книжников и фарисеев лишь в той мере, в какой наши жизни являют собой труд Бога над нашими сердцами. Наша праведность будет иметь внешнее выражение, но весь труд будет внутренним. В своей ревности к духовной дисциплине мы легко можем превратить ее в показную праведность книжников и фарисеев.

Когда духовная дисциплина опускается до закона, она начинает контролировать и подвергать критике жизни других людей. Мы воспринимаем ее требования и начинаем их применять к другим. В результате в нас развивается гордость и... страх! Гордость возникает от сознания собственной праведности, а страх — от того, что, контролируя других, мы боимся потерять этот контроль или же испытать его на себе. Чтобы духовная дисциплина была благословением, а не проклятием, нам нужно достичь такой точки в нашей жизни, где и когда мы навсегда сложим в себя это вечное бремя — потребность управлять другими людьми. Именно эта потребность приводит к показному благочестию. Как только мы создали закон, мы пришли к внешним показателям того, кто подходит под него, а кто ему не соответствует. Без законов духовная дисциплина полностью является делом внутренним, и труд души контролировать невозможно. Когда мы искренне, от всей души верим, что труд в нас совершается Богом, а не нами, мы можем успокоиться от своей страсти „выпрямлять“ всех других людей.

Нам нужно бодрствовать и остерегаться, чтобы то или иное наше слово не превратилось в закон. Как только оно становится коном, мы попадаем под суровое осуждение: „Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плеча людям, а сами не хотят и перстом двинуть их“ (Мф. 23:4). Во всех этих вопросах нужно постоянно вспоминать слова апостола Павла: „Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа; потому что буква убивает, а дух животворит“ (2 Кор. 3:6).

Когда мы входим в мир духовной дисциплины, мы лицом к лицу встречаемся с опасностью превращения ее наставлений в законы. Но мы, к счастью, не предоставлены сами себе. Иисус истое обещал быть с нами всегда, быть нашим Учителем и руководить нами. Его голос различать не трудно. Понимать наставления не тяжело. Мы можем доверяться Его учению, ни мы блуждаем среди ложных идей и понятий, Он вернет назад. Если мы хотим и готовы слушать небесный голос, получим всякое наставление, в каком только нуждаемся. Ш Наш мир испытывает огромную нужду в людях, которые действительно были бы изменены Богом изнутри. Лев Толстой делал такое наблюдение: „Каждый думает о том, как изменить человечество, но никто не думает о том, как изменить самого Я“.б Пусть мы будем среди тех людей, которые верят, что внутреннее изменение нашей жизни есть цель, заслуживающая всяческих усилий с нашей стороны.

I. ДИСЦИПЛИНА ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

2. Размышление (Медитация)

„Истинное размышление — область не психологии, а богословской благодати и милости“.

В современном обществе враг преуспел в трех направлениях: шум, спешка и толпа! Если ему удастся держать нас во всем этом, то он удовлетворен. Один психиатр заметил: „Спешка не от дьявола, но сама есть дьявол”.¹

Если мы хотим избежать всего того, что находится на поверхности нашей культуры, нам должно быть свойственно желание погрузиться в глубины, в молчание, приносящее нам восстановление внутреннего мира. Это — мир размышлений. Все религиозные учителя, говоря о медитации, стараются пробудить в нас сознание, что вселенная гораздо больше, чем мы это знаем, и что также есть большие неизученные области внутренней жизни, которые столь же реальны, как и физический мир. Они говорят нам о волнующих возможностях новой жизни и свободы. Мы оказываемся новичками в их школе созерцательной молитвы.

Свидетельство Библии

Дисциплина медитации была, конечно, известна авторам Писаний. В Библии используются два различных еврейских слова для передачи идеи медитации, и вместе они используются примерно 58 раз. Эти слова имеют различное значение: слушать Божье Слово, размышлять о Божьих делах, о Божьем Законе и другие. В каждом случае подчеркивается изменение поведения в результате нашей встречи с живым Богом. Покаяние и послушание — таковы существенные черты библейского понимания медитации. Псалмопевец восклицает: „Как люблю я закон Твой! весь день размышляю о нем... от всякого злого пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое. От судов Твоих не уклоняюсь, ибо Ты научаешь меня" (Пс. 118:97-102). Именно эта постоянная сосредоточенность на послушании и верности отличает христианскую медитацию от европейской и мирской ее противоположности.

Те, кто путешествовал по страницам Библии, знают способы медитации. „При наступлении вечера Исаак вышел в поле поразмыслить..." (Быт. 24:63). „... вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в ночные стражи" (Пс. 62:7). Это были люди, близкие сердцу Бога. Бог говорил им не потому, что они имели особые способности, а потому, что они были готовы Его слушать! Псалмы воспевают размышления Божьего народа о законе Божиим: „Очи мои предваряют утреннюю стражу, чтобы мне углубляться в Слово Твое" (118:148). Псалом, открывающий всю Псалтирь, призывает подражать „блаженному мужу", который „о законе Господа размышляет день и ночь".

Старый священник Илий знал, как слушать Бога, и помог юному Самуилу узнать Слово Божие (1 Цар. 3:1-18). Илия провел много дней и ночей в пустыне, учась различать „тихий голос Иеговы" (3 Цар. 19:9-18). Исаяя видел Господа „высокого и превознесенного" и слышал Его голос, говорящий: „Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?" (Ис. 6:1-8). Иеремия обнаружил, что Слово Божие „как бы горящий огонь, заключенный в костях моих" (Иер. 20:9). И таких свидетелей много. Это были люди, близкие сердцу Божию. Бог говорил им не потому, что у них были особые способности слышать, но потому, что они хотели слышать.

Среди исключительно напряженного служения Иисус имел привычку удаляться в „пустынное место" (Мф. 14:13).^{*} Он делал это не для того только, чтобы удалиться от людей, но чтобы приблизиться к Богу. Что делал Иисус время от времени в этих безлюдных горах? Он искал Своего Небесного Отца; Он слушал Его, Он общался с Ним. И Он предлагает нам делать то же самое.

Слушать и слушаться

Если сказать одним словом, христианская медитация — это способность слышать Божий голос и повиноваться Его слову. Это просто. Я хотел бы это усложнить для тех, кто

любит трудности. Однако в медитации нет ни скрытых тайн, ни тайных мантр, ни умственной гимнастики, ни оккультного соединения с космическим сознанием. Истина в том, что великий Бог вселенной, Творец всего, желает общения с нами. В Эдемском саду Адам и Ева говорили с Богом, и Бог говорил с ними: они имели общение. Затем последовало грехопадение, и в известном, очень важном смысле ушло чувство постоянного

общения, потому что Адам и Ева спрятались от Бога. Но Бор продолжал достигать Своих мятежных детей, и в историях о таких людях, как Каин, Авель, Ной и Авраам, мы видим, что Бог говорит и действует, учит и ведет.

Моисей, после многих колебаний и поворотов, научился слышать Божий голос и повиноваться Его Слову. Писание; фактически свидетельствует, что Бог говорил с Моисеем „лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим“ (Исх. 33:11). Это было чувство личного общения, духовной связи. Израильтяне, однако, не были готовы к такому общению. Как только они немного узнали о Боге, они поняли, что быть в Его присутствии; — это дело рискованное, и они так сказали Моисею: „Говори ты с нами, и мы будем слушать; но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть“ (Исх. 20:19). Таким образом они могли поддерживать в себе видимость религиозности без сопутствующего ей риска. Здесь начинаются великие пророки и судьи, и Моисей — первый из них. Но это был также и шаг в сторону от чувства непосредственного присутствия, чувства облака днем и огненного столпа ночью.

Когда пришла полнота времени, явился Иисус и начал учить о реальности Царствия Божия и показывать, какой может быть жизнь в этом Царствии. Он установил живое общение с людьми, чтобы они знали Его как Исккупителя и Царя, слушая Его во всем и повинаясь Ему во все времена. В Своем личном общении с Отцом Иисус показал нам Его реальность и пример того, что означает жизнь слушания и соблюдения Слова. „Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего; ибо что творит Он, то и Сын творит также“ (Ин. 5:19). „Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу“ (Ин. 5:30). „Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела“ (Ин. 14:10). Когда Иисус сказал Своим ученикам, чтобы они пребывали в Нем, они не могли Его понять, потому что Он обитал в Отце. Он объявил, что Он — Пастырь добрый и что овцы Его знают Его голос (Ин. 10:4). Он сказал нам, что придет Утешитель, Дух Истины, который наставит нас на всякую истину (Ин. 16:13).

В своем втором томе („Деяния апостолов“) Лука ясно указывает, что после Своего воскресения и вознесения Иисус продолжает „делать и учить“, даже если люди и не могут видеть Его своими глазами (Деян. 1:1). И Петр, и Стефан указывают на Иисуса как на исполнение пророчества во Второзаконии 18:15 о пророке, подобном Моисею, которому должно говорить и которого люди должны слушаться и повиноваться Ему (Деян. 3:22 и 7:37).* В книге Деяний апостолов мы видим Христа воскресшего и правящего через Святого Духа. Он учит Своих детей и руководит ими: ведет Филиппа к неведомым ему культурам, не знающим Христа (Деян. 8), открывает Свое мессианство Павлу (Деян. 9), выводит Церковь из ее культурного плена (Деян. 15). Что мы видим снова и снова — это Божий люди, которые учатся жить на основе того, что они слышат от Бога и чему они повинуются.

Все это является библейским основанием для медитации, и здесь чудесной новостью оказывается то, что Иисус никогда не прекращал ни действовать, ни говорить. Он воскрес и трудится в нашем мире. Он не бездействует и не безмолвствует. Он жив и находится среди нас как наш Священник, чтобы нас прощать, наш Пророк, чтобы нас учить, наш Царь, чтобы править нами, и наш Пастырь, чтобы нас вести.

Все святые во все века свидетельствовали об этом. Как печально, что современные христиане столь невежественны в отношении океана литературы, посвященной христианской медитации, созданной верующими за все прошедшие века! У них у всех паразитическое единодушие в свидетельстве о радостной жизни постоянного общения с

Богом. От католической до протестантской, от восточной православной до западной свободной Церкви — нас все побуждают жить в Божием присутствии и непрерывном общении с Ним.² Русский мистик Феофан Реклюзский говорит: „Молиться — это значит спускаться разумом в сердце, и там стоять перед лицом Господа, Вездесущего, Всевидящего внутри вас".³ Английский святой Иеремия Тейлор заявляет: „Медитация — это долг каждого из нас".⁴ И в наши дни лютеранский мученик Дитрих Бонхоуфэр так ответил на вопрос, почему он занимается медитацией: „Потому что я — христианин".⁵ Свидетельство Писания и свидетельства благочестивых учителей так богаты, так полны живого присутствия Божьего, что было бы просто глупо с нашей стороны пренебрегать столь милостивым приглашением самим испытать „глубины Иисуса Христа",⁶ выражаясь словами мадам Гийон

Цель медитации

В медитации мы возрастаем в „близкой дружбе с Иисусом"(7), как выразился Фома Кемпийский. Мы погружаемся в свет и жизнь Христа, и нам удобно чувствовать себя в этом положении. Постоянное присутствие Господа (вездесущность, как мы говорим) становится из богословской догмы сияющий реальностью. „Он идет со мною и Он говорит со мной" — это перестает быть просто благочестивым выражением и становится действительным описанием повседневной жизни.

Пожалуйста, поймите меня: я не говорю о каких-то головокружительных или же приятельских отношениях. Всякая подобная сентиментальность только выдает наше невежество и то, как мы далеки от Господа, высокопревознесенного; открывающегося нам в Писании. Иоанн говорит нам в Откровении, что, когда он увидел царствующего Христа, Он упал к Его ногам, как мертвый, так и мы должны делать (Откр. 1:17). Нет, я говорю о реальности, более близкой тому, что пережили ученики в горнице, когда они испытывали и глубокую близость и страшный трепет.

Что происходит во время медитации, это то, что мы создаем эмоциональное и духовное пространство, которое позволяет Христу создать в нашем сердце внутреннее святилище. Чудный стих — „Стою у двери и стучу" относился первоначально к верующим, а не к неверующим (Откр. 3:20). Мы, отдавшие свои жизни Христу, должны знать, как Он хочет есть с нами; общаться с нами. Он желает постоянного праздника благодарения (евхаристии) во внутреннем святилище сердца». Медитация открывает дверь, и, хотя мы уделяем эти упражнениям известное время, Целью ее является ввести эту живую реальность во всю нашу жизнь. Это «портативное» святилище, которое мы вносим во все, что мы есть и что мы делаем.

Внутреннее общение подобного рода преображает внутреннюю личность. Мы не можем постоянно поддерживать огонь в святилище и при этом оставаться без изменений, потому что Божественный огонь поглотит все, что нечисто. Наш вездесущий Учитель всегда будет вести нас в „праведность и мир и радость во Святом Духе" (Римл. 14:17). Все, что чуждой Его пути, мы должны оставить. Нет, не «должны», а „хотим" потому что наши желания и устремления будут все более и более сообразовываться с Его Путем. Все внутри нас больше и больше будет поворачиваться, как магнитная стрелка, к звезде Его Духа.

Ошибочные взгляды, которые можно понять

Есть также некоторые, кто считает, что христианское понимание медитации синонимично тому, какое существует в восточных религиях. В действительности между ними — бездна. Восточная медитация — это попытка опустошить ум, достигнуть отсутствия каких бы то ни было мыслей; христианская же медитация — это старание его наполнить. В этом состоит коренное различие.

Все восточные формы медитации подчеркивают необходимость стать отделенным от мира, незаинтересованным в нем, потерять свою личность и слиться с космическим

разумом. В этом выражается желание человека — освободиться от бремени и боли этой жизни и испытать благословение парения в нирване. Личность человека растворяется в космическом разуме. Это желание освободиться от бремени и боли этой жизни и окунуться в безличность нирваны. Личность утеряна и вообще рассматривается как совершенная иллюзия. Это бегство от несчастного колеса существования. Нет Бога, к Которому можно было бы приблизиться и Которого можно было бы слышать. „Отделенность" от мира является конечной целью восточных религий.

Христианская медитация далеко превосходит идею простого „отделения". Отделение, конечно, необходимо, — „суббота созерцания", — как выражался Петр Сельс, бенедиктинский монах XII века.⁽⁸⁾ Но в „отделенности" есть и большая духовная опасность, на которую указал Иисус в истории о человеке, который освободился от злого духа, но не исполнился духа добра: „Когда нечистый дух выйдет из человека... он идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого" (Лк. 11:24-26).⁹

Нет, отделенность сама по себе недостаточна; нам нужно продвигаться к привязанности. Отделенность должна быть от мирского шума вокруг нас, чтобы иметь более полную привязанность к Богу. Христианская медитация ведет нас к внутренней целостности, необходимой для того, чтобы полностью и свободно отдаться Богу.

Другой ошибочный взгляд на медитацию — это тот, что ее считают делом очень трудным и сложным, и пусть ею занимаются профессионалы. Вовсе нет! Эта мысль очень рассмешила бы последних: они как раз считали, что делают столь же естественное дело, как дышат. Они бы сказали нам, что медитация не требует никаких специальных даров, ни психических сил.

Томас Мэртон пишет: „Медитация на самом деле очень проста и не нуждается в разработанной технике того, как это нужно делать".¹⁰

Третий ошибочный взгляд — это считать созерцательность чем-то непрактичным, уводящим от реальной жизни XX века и бояться стать кем-то вроде описанного Достоевским отца Ферапонта („Братья Карамазовы"), сурового, самоправедного человека, который с легкостью мог освобождаться от мира и затем свысока проклинать его. Такая „медитация" может повести только к нездоровому состоянию отрешенности от жизни и бесчувствию к страданиям людей.

Все эти взгляды на медитацию далеки от истины. В действительности медитация может успешно переориентировать наши жизни. Томас Мэртон писал: „Медитация бессмысленна, если она не коренится в реальной жизни".¹¹ Никто не был более созерцательным, чем квакеры, но и никто не был более практичным. Уильям Пени замечает: „Истинное благочестие не отворачивает людей от мира, но делает их способными жить в нем лучше и побуждает их исправлять его".¹²

Часто медитация приводит к откровениям, которые весьма практичны: как относиться к мужу или жене, как решить эту сложную проблему или даже как лучше преподавать студентам. Чудно, когда медитация ведет к экстазу, но гораздо чаще человек получает руководство в своих повседневных делах.

Медитация посылает нас в наш обычный мир, наделяя нас большим видением перспективы и большим равновесием.

Возможно, самая большая ошибка — это рассматривать медитацию как религиозную форму психологических упражнений. Она может снизить давление и уменьшить напряжение, она может помочь нам прикоснуться к подсознательному, но при этом мысль о действительном общении с Богом Авраама, Исаака, Иакова кажется совершенно ненаучной и поэтому неразумной. Если вы чувствуете, что мы живем исключительно в физическом мире, вы будете рассматривать медитацию как хороший

способ получать всегда известные мозговые волны. Но если вы верите, что мы живем во вселенной, сотворенной живым, личностным Богом, Который радуется иметь общение с нами, тогда вы увидите медитацию как общение между Любящим и любимым.

Эти два учения о медитации являются совершенно противоположными. Одно ограничивает нас чисто человеческим, психологическим переживанием, другое возносит нас к встрече человека с Богом. Одно говорит о развитии и использовании подсознательного, другое — о покое в Том, Кого мы нашли, Кто любит нас, Кто близок к нам, Кто приходит к нам, чтобы привлечь нас к Себе.¹³ Оба учения имеют религиозную внешность и даже используют ту же лексику, но для первого из них нет места в духовной реальности.

Итак, как же мы приходим к вере в духовный мир? Является ли это вопросом слепой веры? Ничуть. Реальность духовного мира доступна всем, кто ищет ее. Я часто обнаруживал, что люди, с легкостью отрицающие существование этого мира, никогда не потратили и десяти минут, чтобы исследовать, существует ли этот невидимый духовный мир или нет.

Позвольте мне предложить практический подход к духовным реалиям. Как при любом научном исследовании, мы предлагаем гипотезу и проверяем на практике, истинна она или нет. Если наш первый опыт не удастся, мы не отчаиваемся и не называем всего дела обманом. Мы пересматриваем путь эксперимента, возможно, уточняем гипотезу и делаем новую попытку. По крайней мере, нам нужно хотя бы быть честными, чтобы продолжать этот труд в той мере, в какой мы делали бы это в любой научной области. Тот факт, что многие просто не хотят этого делать, выдает не их разумность, но их предрассудки.

Желание слышать живой голос Бога

Бывают времена, когда все внутри нас соглашается с этими стихами поэта:

„Только сидеть и помышлять о Боге,
Какая это радость! Думать Его мыслью, дышать Его именем, —
Земля не знает большего благословения".¹⁴

Но чаще бывает иное: духовная инерция, холод и отсутствие желания. Человек, кажется, имеет постоянную нужду, чтобы кто-нибудь другой говорил ему о Боге. Мы довольствуемся тем, что получаем послание из вторых рук. На Синае люди кричали Моисею: „Говори ты с нами, и мы будем слушать; но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть" (Исх. 20:19). Одной из роковых ошибок жителей Израиля было их настойчивое желание иметь царя вместо того, чтобы покоиться в руках Божиих, под Его управлением. Мы слышим печаль в словах Господа: „Отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними" (1 Цар. 8:7). История религии — это история отчаянной борьбы за то, чтобы иметь царя, посредника, священника, кого» то между человеком и Богом. В таком случае нам не будет необходимости самим идти к Богу. Нам не нужно будет менять свою жизнь, ведь быть в присутствии Божиим значит меняться. Даже поверхностного взгляда на заказную культуру достаточно, чтобы понять, что она захвачена религией посредника.

Вот именно поэтому мы так боимся медитации: она смело зовет нас самих войти в присутствие Божие. Она утверждает, что Бог говорит в нашем и непрерывном „сегодня" и хочет обратиться к нам. Весь Новый Завет утверждает, что общение с Богом назначено не для „профессионалов" — священников, но для каждого человека. Все, кто признают Иисуса Христа Господом, являются всеобщим священством и как таковые могут войти во святое святых и беседовать с живым Богом.

Так трудно убедить людей, что они могут слышать Божий голос. Члены одной церкви были сами удивлены, узнав на опыте, что „можно и в XX веке получать столь же ясные указания от Бога, как те, которые были даны Анании: „... встань и пойдй на улицу, называемую Прямой...“¹⁵ Но почему бы и нет? Если Бог жив и участвует в делах человеческих сегодня, почему бы нам не слышать Его голоса и не повиноваться Ему? Он Учитель и Пророк наш.

Каким образом возникает в нас желание слышать Его голос? „Это желание есть дар благодати. Если кто-то воображает, что он может просто приступить к медитации, не молясь об этом, не прося о желании и даре милости на это, тот скоро откажется от всего этого дела. Но желание и милость на это должны быть взяты, как обетование будущих милостей“.¹⁶ Искать и принять этот „дар благодати“ — единственное, что побудит нас продвигаться вперед во внутреннем путешествии. Как сказал Альберт Великий, „созерцание святых воспламеняется любовью Того, Кого мы созерцаем, то есть Бога“.¹⁷

Освящение воображения

Спуститься разумом в сердце можно легче всего через воображение. В связи с этим великий шотландский проповедник Александр Уайт говорит о „Божественном! служении христианского воображения“.¹⁸ Вполне возможно, что некоторые люди способны испытывать присутствие Бога через одно только простое созерцание, но большинство из нас нуждается в более полной опоре на чувства. Не надо презирать этот простейший и более смиренный путь в присутствие Бога. Сам Иисус учил именно таким образом, постоянно обращаясь к воображению слушающих, и многие благочестивые учителя тоже ободряют нас на этом пути. Святая Тереза Авильская говорит: „... так как я не могла размышлять о Боге, имея такое малое Его понимание, я стремилась представить себе Христа во мне“.¹⁹ Многие из нас согласятся с этими словами, потому что мы тоже испробовали чисто умственный способ и нашли его слишком абстрактным, слишком отвлеченным. Более того: воображение помогает нам сконцентрировать свое внимание и углубить мысли. Франциск Сальский замечает, что „посредством воображения мы ограничиваем свой ум той тайной, о которой мы размышляем, чтобы он не блуждал туда и сюда, точно так же, как мы сажаем птицу в клетку или привязываем ястреба, чтобы он покоился на руке“.²⁰

Некоторые возражали против использования воображения, считая, что оно ненадежно и даже используется Лукавым. Для такого беспокойства есть основания, потому что наше воображение, как и все другие наши способности, участвовало в грехопадении. Но как мы верим, что Бог может взять наш разум (падший, как он есть) и освятить его и использовать для Своих добрых целей, так же мы верим, что Он может освятить и воображение и использовать его для Своих добрых целей. Конечно, воображение может быть извращено Сатаной, но это может случиться и со всеми другими нашими способностями. Бог создал нас с воображением, и, как Господь Своего творения, Он искупает его и использует для труда Царствия Божьего.

Другим беспокойством в связи с воображением является страх человеческого манипулирования и даже самообман. В конце концов, у некоторых слишком „живое воображение“, как мы это называем, и они могут вызвать все виды образов того, что они хотели бы видеть. Кроме того, Библия предостерегает против суетного мудрствования (Римл. 1:21). Беспокойство законно. Все это может быть не чем иным, как только суетными человеческими желаниями. Вот почему так жизненно важно для нас предать себя в полную зависимость от Бога в этих вопросах. Мы ведь ищем мыслить Божьими мыслями, наслаждаться Его присутствием, желать Его истины и Его пути. И чем больше мы живем именно таким образом, тем больше Бог использует наше воображение для Своих добрых целей. И действительно, общий опыт тех, кто следует за Господом, это тот, что им даются образы того, что может быть. Часто, когда я молюсь за людей, мне дается картина их духовного состояния, и, когда я делюсь с ними этими образами, они глубоко вздыхают или начинают рыдать. Потом они спрашивают меня: „Как вы узнали?“ Но я не узнал, я просто видел это.

Верить, что Бог может освятить и использовать воображение, — это просто значит серьезно относиться к учению о воплощении. Бог настолько вошел в наш мир, настолько отождествился с нами, став плотью, что Он использует образы, которые мы знаем и понимаем, чтобы учить нас истинам невидимого мира, о котором мы так мало знаем и который нам так трудно понять.

Подготовка к медитации

Нельзя научиться размышлять о Боге из книги. Это делается только из практики. Однако простые советы, данные вовремя, могут быть очень полезными. Они даны в надежде, что они могут помочь в практике медитации. Это не законы, и они не имеют своей целью вас ограничивать.

Существует ли правильное время для медитации? Когда есть известные достижения во внутренней жизни, возможно практиковать медитацию в любое время и почти при любых обстоятельствах. Брат Лоренс в XVII веке и Томас Келли в XX веке — оба красноречиво свидетельствуют об этом. Однако, сказав это, мы должны видеть, что очень важно, как для начинающих, так и для специалистов, уделять какую-то часть каждого дня для медитации.

Однако не надо думать, что раз мы выделили время для этого размышления, то это уже и есть „медитация“. Это труд, вовлекающий всю нашу жизнь! Это все двадцать четыре часа в сутки. Созерцательная молитва — это способ жизни, образ нашей жизни. „Непрестанно молитесь“, — призывает апостол Павел (1 Фее. 5:17). Петр Селли с известным юмором замечает, что „тот, кто храпит в ночи порока, не может знать света созерцания“.²¹

Поэтому нам нужно понять, как важен весь наш день в подготовке к определенному времени религиозного размышления. Если наша неистовая деятельность то и дело сшибает нас с ног, мы не сможем быть внимательными, когда наступит час молитвенного размышления. Ум, разодранный на кусочки внешними делами и событиями, не подготовлен к внутренней тишине. Святые отцы Церкви часто говорят о „священном досуге“. Имеется в виду равновесие в жизни, способность пребывать в мире и покое во всех делах жизни, иметь способность отдыхать и наслаждаться красотой, умерять свой шаг. Если мы хотим преуспеть в искусстве созерцания, то нам нужно культивировать этот „священный досуг“ с решительностью, безжалостной к нашему расписанию.

Что можно сказать о месте медитации? Этот вопрос мы подробно обсудим, когда будем говорить об одиночестве. Сейчас же достаточно будет нескольких слов. Найдите место, где вас никто и ничто не может потревожить. Не должно быть рядом телефона. Если можно найти место, с которого были бы видны деревья и другие растения, — тем лучше. Хорошо иметь одно постоянное место, чем каждый день искать новое.

Что сказать о положении тела при медитации? В каком-то смысле это совсем не имеет значения. Молиться можно в любое время, в любом месте, при любом положении тела. В другом же смысле это имеет огромное значение: тело, разум и дух неразделимы. Напряжение в духе тут же телеграфирует об этом телу. Внешнее положение тела не только отражает наше внутреннее состояние, но оно может и помочь питать внутреннее наше состояние. Если нас внутри разрывают противоречия, если мы рассеяны, то сознательно избранное положение тела может помочь нам успокоить наше внутреннее возбуждение.

Здесь нет какого-либо „закона“. Библия говорит о всех возможных положениях — от простирания на полу до положения стоя на ногах с лицом и руками, поднятыми к небу. Важно найти для себя самую удобную позицию, которая нас не отвлекла бы.²² Мне лично кажется всего удобнее сидеть на жестком стуле, опершись на спинку, и ноги на полу. Сутулиться — показывает невнимательность, нога на ногу мешает циркуляции

крови. Поместите руки на колени ладонями вверх, это положение готовности принимать. Иногда хорошо закрыть глаза, чтобы не отвлекаться и сосредоточиться на живом Христе. Иногда хорошо с той же целью смотреть на деревья и растения. Неважно, как это делается, целью является внимание тела, чувств, ума и духа, их сосредоточение на „славе Божией в лице Иисуса Христа" (2 Кор. 4:6).

Формы медитации

Христиане всех веков говорили о разнообразии способов слушать Бога, общаться с творцом неба и Земли, переживать; близость вечного Возлюбленного всего мира. Мудрость их опыта может очень помочь нам, когда мы, как и они, ищем близости с Богом и верности Ему.

Для всех учителей благочестия размышления над Писанием являются центральной точкой отсчета, вокруг которой располагаются все другие виды медитации, в известном порядке. В то время, как изучение Писания имеет своим центром экзегетику, размышления над Писанием имеют своим центром внутренний мир и личность человека. Написанное Слово становится живым Словом, адресованным лично вам. Это не время для анализа, собирания материала, чтобы поделиться этим с другими. Отложите все свои склонности и высокомерие и со смиренным сердцем примите Слово, насаждаемое в вас. Мне представляется, что это подходящее время, чтобы встать на колени. Дитрих Бонхёвер говорит: „Точно так, как вы не анализируете слова того, кого вы любите, но принимаете их такими, какими они вам сказаны, примите Слово Писания и обдумывайте его в своем сердце, как это делала Мария. Это все. Это и есть медитация".²³ Когда Бонхоуфэр основал семинарию в Финкенвальде, полчаса ежедневного молчаливого размышления над Словом были всеми приняты и практиковались всеми семинаристами на всех факультетах.

Нужно сопротивляться соблазну покрыть сразу много отрывков в Писании. Наша спешка отражает наше внутреннее состояние, которое как раз и нуждается в изменении. Бонхёвер рекомендовал проводить целую неделю за одним и тем же текстом! Поэтому я предлагаю взять для этого единичное событие или притчу, или несколько стихов, или даже одно слово и дать ему укорениться в вас. Старайтесь пережить его, памятуя о совете Игнатия Лойолы — использовать для этого все свои чувства. Вдыхайте запах моря, слушайте плеск волн. Старайтесь увидеть толпу. Почувствуйте солнце на своей голове и голод в своем желудке. Ощутите соленый воздух. Коснитесь края Его одежды. В связи с этим Александр Уайт советует нам: „Истинно христианское воображение никогда 'не дает Иисусу Христу исчезнуть из вида... Вы открываете свой Новый Завет... и силой своего воображения вы становитесь в этот момент одним из учеников Христа у Его ног.

Допустим, мы хотим поразмыслить над потрясающим утверждением Христа — „Мир Мой даю вам" (Ин. 14:27). Нашей задачей является не изучить этот отрывок, но войти в реальность того, о чем он говорит. Мы останавливаемся на той истине, что Он сейчас наполняет нас миром. Сердце, разум и дух оживотворяются этим вливающимся в нас миром. Мы чувствуем, как всякий страх стихает и побеждается „силой, любовью и целомудрием" (2 Тим. 1:7). Не анализируя этот мир, мы просто входим в него. Мы им окружены, поглощены, собраны воедино в Его мире. Самое чудесное в этом переживании то, что наше „я" при этом совершенно забыто. Мы больше не заботимся о том, как нам достигнуть мира, потому что мы переживаем его вливание в наши сердца. И мы больше не думаем о том, как нам действовать, чтобы приносить мир, потому что мир естественно изливается из нашего сердца.

Всегда помните, что мы входим в евангельскую историю не как пассивные наблюдатели, но как активные участники. Также помните, что Христос действительно пребывает с нами, чтобы учить нас, исцелять, прощать. Александр Уайт заявляет: „Со своим воображением, имеющим святое помазание, снова откройте ваш Новый Завет. В один раз вы — мытарь, в другой — блудный сын, в следующий раз — Магдалина или

Петр во дворе... До тех пор, пока весь Новый Завет не станет для вас автобиографичным".²⁵

Другой формой медитации является то, что средневековые созерцатели называли „собрание“, а квакеры часто именовали „концентрацией“. Это — время утихнуть, войти в созидательное молчание, позволить своему разорванному уму собраться воедино.

Вот два коротких упражнения, чтобы помочь вам „собраться“. Первое из них называется „ладони вверх, ладони вниз“. Поверните ладони вниз — это символически указывает на то, что вы отстраняете все свои заботы, поручая их Богу. Внутри себя при этом вы можете молиться: „Господи, я предаю Тебе свою обиду на Джона. Я освобождаю свой разум от страха перед приемом у зубного врача. Я предаю Тебе свои заботы о том, что мне не хватает денег, чтобы заплатить за квартиру. Я освобождаюсь от своего беспокойства, что сегодня некому посидеть с нашим малышом“. Каковы бы ни были ваши заботы, просто скажите: „Ладони вниз“. Освободитесь от них. Вы можете даже почувствовать это освобождение в своих руках.

Через несколько мгновений после такой отдачи поверните ладони кверху, как выражение готовности и желания принять от Господа. Возможно, вы будете тихо молиться при этом:

„Господи, я хочу принять от Тебя Твою Божественную любовь к Джону, Твой мир относительно приема у врача, Твое терпение, Твою радость“. В чем бы вы ни нуждались, скажите „Ладони кверху“. Собравшись, проведите следующие несколько мгновений в полном молчании. Ничего не просите. Дайте Господу соединиться с вашим духом, любить вас. Если придут какие-то указания, — прекрасно. Если не придут, — тоже прекрасно.

Третьим видом созерцательной молитвы является медитации о творении. Нет, это не детский пантеизм, но величественный монотеизм, когда великий Творец вселенной показывает нам нечто из Его славы через творение. Небеса действительно проповедают славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь (Пс. 18:1). Эвелин Андерхил советует: „... начните с этой первой и простой формы созерцания, которую мистики древности называли „открытием Бога в Его творении“.²⁶

Итак, обратите внимание на сотворенный порядок. Посмотрите на деревья, посмотрите на них по-настоящему. Возьмите цветок, и пусть его красота и симметрия проникнет вам глубоко в разум и сердце. Слушайте птиц, они — посланники Бога. Наблюдайте за маленькими тварями, ползающими по земле. Это все — смиренные действия, но Бог иногда глубоко касается нас таким простым образом, если мы затихнем, чтобы слышать Его голос.

Есть и четвертая форма медитации, которая в известном смысле противоположна всем рассмотренным выше. Это размышление над событиями нашего времени и стремление проникнуть в их значение. У нас есть духовный долг — проникать внутрь событий и понимать их значение, чтобы иметь пророческое их видение.

Томас Мэртон сказал однажды: „... тот, кто размышлял о страданиях Христа, но не задумывался над лагерями уничтожения в Дахау и Аушвице, тот не вполне еще пережил христианство нашего времени“.²⁷

Этот вид религиозных размышлений лучше всего совершать с Библией в одной руке и с газетой — в другой. Вам, однако, никак нельзя попадать под влияние современных пропагандистских стереотипов. Газеты вообще в этом смысле являются в большинстве своем пустыми и не очень полезными. Мы хорошо сделаем, если принесем события нашего времени пред Господа и попросим у Него пророческого видения для различения того, куда эти события ведут. Впоследствии мы сможем просить руководства в том, что

нам лично нужно делать, чтобы быть солью и светом в нашем упадочном и темном мире.

Вам не нужно отчаиваться, если вначале ваши медитации не будут иметь большого значения для вас. В развитии духовной жизни есть своя постепенность, и будет мудрым — начать с небольших высот, прежде чем достигать Эвереста души. Поэтому будьте терпеливы сами с собой. Кроме того, вы учитесь дисциплине, в которой у вас не было практики. И наша культура вовсе нас не ободряет в том, чтобы мы приобрели этот опыт. Здесь мы идем против течения, но имейте терпение: ваша задача имеет огромное значение.

Есть много других сторон дисциплины медитации, и все их было бы полезно рассмотреть.* Однако медитация — это не единичное, изолированное действие и не может быть завершена полностью, как бывает, когда делают, например, стул. Это есть образ жизни. Вы будете постоянно учиться и постоянно расти по мере того, как будете погружаться во внутренние глубины.

3. Дисциплина молитвы

„Я являюсь основанием твоей молитвы: прежде всего,

воля в том, чтобы ты молился; потом Я возбуждаю в те желание молиться; затем Я даю тебе молиться, и ты молишься. Как же может быть такое, чтобы твоя молитва не была, услышана?"

Джулиана из Норвич

Молитва мгновенно выводит нас на переднюю линию духовной жизни. Она является изучением неизученной территории. Медитация пробуждает в нас внутреннюю жизнь, пост является сопутствующим средством, но именно молитвенная жизнь приводит нас в глубины и высоты труда человеческого духа. Настоящая молитва является жизнесозидающей и жизнеизменяющей. „Молитва — тайная, пылкая, с верой — лежит в основе всякого личного благочестия",¹ — пишет Уильям Кери.

Молиться значит меняться. Бог использует именно молитву, чтобы нас преобразовать. Если мы не хотим меняться, мы забросим и молитву, она не будет характерной для нашей жизни. Чем ближе мы подходим к сердцу Божию, тем больше мы видим свою нужду, и тем больше желание уподобляться Христу. Нашей жизненной задачей является научиться выдерживать, испытывать на себе сияние Божией любви. Как часто мы сооружаем настоящие убежища против нее, чтобы! избежать нашего Вечного Возлюбленного. Но, когда мы| молимся, Бог медленно и милостиво раскрывает нам, что! именно мы используем как наши убежища, и освобождает нас от них.

„Просите и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вождлений" (Иак. 4:3). Просить! „на добро" включает в себя преобразованные страсти, полное} возрождение. В настоящей молитве мы начинаем мыслить; Божьими мыслями: желать того, чего и Он желает, любить то что Он любит. Постепенно мы приучаемся видеть вещи с Его точки зрения.

Все, кто ходит с Богом, рассматривают молитву как главное! дело своей жизни. Евангелист Марк пишет об Иисусе: „А" утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место и там молился" (Мк. 1:35). Это образ жизни Иисуса. Давид так сильно желает Господа, что это желание разбивает цепи сна: „Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я" (Пс. 62:2). Когда от апостолов требовалось быть активными во многих церковных делах, необходимых и важных, они приняли решение пребывать в молитве и служении слова (Деян. 6:4). Мартин Лютер объявлял: „У меня столько дел, что я не могу обходиться без трех часов молитвы ежедневно". Для него было духовной аксиомой, что, кто хорошо помолился, тот хорошо и потрудится.² Джон Веслей

говорил: «Бог действует, только отвечая на молитву»..3 Он подкреплял это убеждение ежедневной двухчасовой молитвой. Самой заметной чертой жизни Давида Брейнерда была молитва. Его дневник пестрит записями о молитве, посте, медитации. „Я люблю оставаться один в Своем домике, когда я могу много времени потратить на молитву“; „Сегодняшний день я отделил для тайного поста и молитвы Богу“.4

Для этих исследователей передовых рубежей веры молитва была не скромной привычкой где-то на периферии их жизни, нет, она была самой их жизнью. Это был самый серьезный труд самых активных лет их жизни. Уильям Пени свидетельствовал о Джордже Фоксе, что „больше всего он преуспевал в молитве“.5 Адонирам Джудсон искал возможности удалиться от дел компании семь раз в день, чтобы помолиться. Это была полночь и рассвет, девять, двенадцать, три, шесть и десять часов — время его тайной молитвы. Для всех них, кто отваживался входить в глубины внутренней жизни, дышать — значило молиться.

Многих из нас, однако, подобные примеры не вдохновляют, а, скорее, расхолаживают. Эти „гиганты веры“ оставили далеко за собой то, что испытываем мы, и потому мы склонны отчаиваться. Но прежде чем заниматься самобичеванием, давайте вспомним, что Бог всегда встречается нас там, где мы есть, и медленно продвигает нас к более глубоким вещам. Любители спорта не вдруг становятся участниками олимпийского марафона. Они долгое время тренируются и готовятся к этому, то же самое должны делать и мы. Когда мы постоянно, хоть и немного, продвигаемся, мы можем рассчитывать, что через год будем молиться с большей уверенностью и большим духовным успехом, чем сейчас.

Большой помехой в нашем продвижении является вложенное в нас понимание (предубеждение), что во вселенной все уже сделано и завершено, и поэтому ничего нельзя изменить. Но смутно мы ощущаем, что Библия этому не учит. Библейские молитвенники молились так, как если бы их молитвы могли произвести некоторое объективное изменение. Апостол Павел радостно объявил, что мы — «соратники у Бога» (1 Кор. 3:9), то есть мы трудимся вместе с Богом, определяя окончательный исход событий. Понятие о замкнутой вселенной — это стоицизм, а не Библия.

Когда люди признают со вздохом, что все существующее есть „по воле Божией“, то они гораздо ближе к Эпиктету, чем ко Христу. Моисей молился дерзновенно, потому что верил, что он может этим изменить обстоятельства и даже Божий разум! Фактически, Библия с силой и энергией подчеркивает открытость нашей вселенной, она говорит о том, что Бог постоянно меняет Свой ум в согласии со Своей неизменной Любовью. Посмотрите Исход 32:14: „И отменил Господь зло, о котором сказал, что наведет его на народ Свой“. Или Ионы 3:10: „И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел“.

Сознание этого факта оказывается настоящим освобождением для нас, но оно также накладывает на нас огромную ответственность. Мы — соратники Богу в том, что определяет будущее! Определенные события произойдут в истории, если мы будем молиться „на добро“. Мы должны изменить мир молитвой. В какой еще мотивации мы нуждаемся, чтобы постичь это возвышеннейшее человеческое занятие?

Молитва — это столь многосторонний и широкий объект исследований, что мы сразу же признаем невозможность даже слегка коснуться всех ее сторон в этой главе. Есть множество важных философских вопросов. Почему молитва необходима? Как она действует? То есть, как может ограниченное и конечное человеческое существо вступить в диалог с бесконечный Творцом Вселенной? Как может такая нематериальная вещь, как молитва, воздействовать на материальный мир? И много подобных вопросов. Есть также много видов молитвы, которые питали христиан во все века. Есть молитва-беседа, умственная молитва, молитва сосредоточения, молитва покоя, молитва покинутости и молитва о руководстве. И много других.

Написано множественно действительно хороших книг, молитве, и лучшей из них является классическая книга Эндрю Мюррея „Со Христом в школе молитвы". Нам хорошо было бы побольше читать, если мы хотим знать пути молитвы. Эта глава будет ограничена вопросом, как молиться за других и иметь в этом духовный успех. Наши современники столь отчаянно нуждаются в помощи, что мы должны самые большие наши усилия посвятить именно этой задаче.

Учимся молиться

Настоящей молитве нужно учиться. Ученики просили Иисуса: „Господи! научи нас молиться" (Лк. 11:1). Они молились всю свою жизнь, но в молитве Иисуса было что-то такое, что побудило их увидеть, как мало они знают о молитве. Если их молитве должно было изменять мир, значит, надо было научиться молиться.

С На меня самого оказала освободительное воздействие мысль, что молитва — это процесс обучения. Это значило, что мне можно было спрашивать, экспериментировать, даже ошибаться, потому что я знал, что я учусь. Целыми годами прежде я молился обо всем и очень интенсивно, но с весьма ограниченным успехом. Только тогда я увидел, что я что-то не так делаю и что мне нужно учиться делать это по-другому. Я взял Евангелие и выписал оттуда все упоминания о молитве и наклеил эти выписки на лист бумаги. Когда я имел возможность прочитать таким образом все, что говорится в Новом Завете о молитве, я был потрясен. Или же меня неправильно учили, что бывают молитвы без ответа, или слова Иисуса были неправильны. И я принял решение учиться молиться так, чтобы мой опыт согласовался со словами Иисуса, а не наоборот.

Может быть, самое удивительное в молитве Иисуса за других — это то, что Он никогда не завершал молитву словами: „Да будет воля Твоя". Никогда не делали этого также ни апостолы, ни пророки, молясь за других. Они со всей очевидностью верили, что воля Божия им известна еще до этой молитвы, молитвы веры. Они были столь исполнены Духа Святого, когда встречались с той или иной человеческой ситуацией, что знали точно, что должно быть сделано. Их молитва была столь уверенной, что часто принимала вид прямого требования: „ходи", „встань". Я увидел, что, когда они молились за других, у них не было и мысли о том, что это как бы „попытка" с полупонадеждой: „Если на то будет Твоя воля".

Есть, конечно, надлежащее время и место для молитвы „Да будет воля Твоя". Прежде всего, это в молитве о водительстве, когда наши сердца жаждут знать волю Божию. „Какова Твоя воля?", „Что будет угодно Тебе?", „Что продвинет Твое Царствие на Земле?" Это вид молитвы-поиска, который должен пронизывать весь наш жизненный опыт. А также в молитве покинутости мы готовы совершенно пренебречь своей волей, когда она находится в противоречии с волей и путем Божьими. Конечно, нашей целью является всегда учиться мыслить Божьими мыслями, но у нас всех бывают времена, когда преобладают человеческие желания. В такие времена мы должны следовать примеру нашего Учителя, Который молился в саду: „... впрочем не Моя воля, но Твоя да будет" (Лк. 22:42).

Затем я стал искать людей, которые были успешнее в молитве, чем я, и просил их научить меня всему, что они знали. В дополнение к этому я искал мудрости и опыта у молитвенников прошлого, читая каждую хорошую книгу, какую только мне удавалось найти. Я с новым интересом начал изучать молитвенников Ветхого Завета — Моисея, и Илию, и Анну, и Даниила.

В то же самое время я начал молиться за других с той надеждой и ожиданием, что изменение обязательно должно произойти. Я очень благодарен, что я не стал ждать того момента, когда я стану совершенным и только тогда смогу молиться, — в таком случае я бы никогда не смог начать. Как сказал один богослов, „молитва для религии то же самое, что исследование для науки".⁶ Каждая неудача вела к новому процессу

изучения. Христос был моим Учителем, так что постепенно Его Слово стало подтверждаться моим опытом:

„Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам" (Ин. 15:7).

Если мы поймем, что молитва включает в себя процесс обучения, то это сохранит нас от гордого пренебрежения ею как чем-то нереальным. Если мы включаем телевизор и он не работает, мы же не делаем из этого вывод, что не существует такой вещи, как телевизионные волны. Мы считаем, что нужно найти неисправность и устранить ее. Мы начинаем последовательно проверять выключатель, трубку, свечи, пока не обнаружим, что именно препятствует потоку этой таинственной энергии, которая передает картины по воздуху. И мы знаем, что проблема решена, когда телевизор начинает работать. Точно то же самое и с молитвой. Мы можем заключить, что с ней все в порядке, когда просьбы наши исполняются. Если же нет, то надо искать неполадки. Может быть, мы молимся неправильно, или в нас самих что-то нужно изменить, или нужно научиться новым принципам молитвы, или же требуется больше терпения и настойчивости. Мы слушаем, делаем исправления и снова пытаемся молиться.

Мы можем знать, что на наши молитвы имеется ответ, и знать это так же точно, как знаем, что телевизор работает.

Один из самых важных моментов в этой науке — это войти в такой контакт с Богом, чтобы Его жизнь и сила могли через нас передаваться другим. Часто мы считаем себя в контакте с Богом, когда этого вовсе нет. Например, сейчас, когда вы читаете эти строки, дюжины радио-и-телепрограмм проходят сквозь вашу комнату, но вы их не воспринимаете, потому что не настроились на канал. Часто люди молятся и молятся со всей верой в мире, но ничего не происходит: они не настроены на канал. Мы начинаем молиться за других, прежде всего сконцентрировавшись и слушая тихий гром Бога духов. Настраиваясь на Божественное дыхание, мы совершаем духовный труд, и без него наша молитва есть простое повторение слов: „А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны" (Мф. 6:7). Слушать Господа — это первая, вторая и третья необходимая вещь для успешного ходатайства. Серен Кьеркегор однажды заметил: „Человек молился, и сначала он думал, что молиться — это значит говорить. Но он потом все больше и больше затихал, пока, наконец, не понял, что молиться — это значит слушать".⁷

Медитация поэтому является прелюдией к молитве. Труд ходатайства, иногда называемый „молитвой веры", предполагает, что молитва о руководстве при этом постоянно восходит к Отцу. Мы должны слышать, знать волю Божию и повиноваться ей, прежде чем мы начинаем молиться за жизни других людей. Молитва о руководстве всегда предшествует молитве веры и окружает ее.

Таким образом, чтобы научиться молиться за других, нужно прежде научиться слушать указания. Нужно оставить в стороне артрит тети Сюзи, об исцелении от которого вы молитесь уже двадцать лет. Мы склонны всегда молиться за самые трудные ситуации, и это именно в начале своего обучения: рак, склероз и т.п. Но когда мы внимательны на слышание, тогда мы начнем с такого простого, как простуда. Успех в малом ободряет нас и дает дерзновение в более серьезных делах. Если мы затихнем, мы поймем не только то, каков Бог, но и как Он действует.

Иногда мы боимся, что у нас не хватает веры молиться за это дитя или этот брак. Все эти страхи нужно отложить, потому что Библия учит нас, что для великих чудес достаточно веры с горчичное зерно. Обычно тот факт, что у вас есть мужество идти и молиться за человека, говорит о том, что у вас есть вера. Чаще нам не хватает не веры, но сострадания. Кажется, что наши искренние чувства в отношении того, за кого мы молимся, как раз и производят всю разницу. Нам говорится в Библии, что Иисус был движим состраданием к народу. Сострадание было заметной характеристикой каждого

исцеления в Новом Завете. Мы молимся за людей не как за некие „объекты“, но как за личности, дорогие нам. Если у нас есть Божий дар сострадания и заботы о других, то наша вера будет расти и укрепляться по мере нашей молитвы. Если мы действительно любим людей, мы желаем для них гораздо большего, чем сами в состоянии дать им, и именно это побуждает нас за них молиться.

Внутреннее чувство сострадания является для нас ясным указанием от Господа, что нам поручается молиться за того человека. Во время медитации может возникнуть побуждение в сердце — молиться ходатайственной молитвой, и это побуждение сопровождается ободрением, потоком излияния Духа. Это внутреннее „да“ есть Божественное утверждение, что вы должны молиться за этого человека или за данную ситуацию. Если мысль об этом сопровождается чувством тяжести, то отложите эту мысль: Бог поведет кого-то другого молиться об этом деле.

Основы молитвы

Никогда не нужно усложнять молитву. Легко поддаться этому искушению, раз мы поняли, что надо учиться молиться. Но Иисус учил нас приходить, как дети к отцу. Открытость, честность, искренность, доверие — вот характерные черты общения ребенка со своим отцом. Есть интимность в этих отношениях: они допускают как серьезность, так и смех. Мейстер Экхарт (мистик средневековья) заметил, что „душа развивается в личность, если Бог смеется в ней, и она отвечает тем же“.8

Иисус учил нас молиться о хлебе насущном; дитя просит завтрака в полной уверенности, что он будет дан ему. Ему не нужно припрятывать хлеб на завтра из страха, что завтра он ничего не получит. Ребенку нетрудно говорить с отцом, и он не стесняется приходить к нему с самыми маленькими проблемами. Так же и нам не надо стесняться доверчиво приходить к Отцу с самыми простыми просьбами.

От детей мы можем научиться ценности воображения. Оно играет большую роль в молитве. Мы можем быть очень сдержанны в этом вопросе, чувствуя, что это ниже нас. У детей нет такой сдержанности. Не было ее и у святой Терезы Авильской: „Это был мой способ молиться; так как мне не удавалось размышлять, я создавала образ Христа внутри себя. Я верю, что моя душа много приобретала от этого, потому что я начинала молиться, даже не зная, что это такое“.9 Жанна д'Арк настаивала на том, что она слышала голоса, исходящие от Бога. Скептики говорили ей, что это ее воображение. На Жанну это не производило никакого впечатления. Она отвечала: „Да, именно таким образом Бог говорит мне“.

Воображение открывает дверь вере. Если мы можем „видеть“ своими внутренними очами, как разбитый брак восстанавливается или как больной человек выздоравливает, то это шаг к тому, что так и будет. Дети это мгновенно понимают и начинают молиться с воображением. Однажды мен» пригласили в дом, где была тяжело больная девочка. В комнате находился ее четырехлетний брат, и я сказал ему, что нуждаюсь в его помощи. Он был в восторге, и я — тоже, потому что знал о действенности детской молитвы. Он взобрался на стул рядом со мной. „Давай поиграем, — сказал я ему. — Мы знаем, что Иисус всегда с нами, поэтому давай представим себе, что Он сидит в кресле напротив нас. Он ждет терпеливо, пока мы сосредоточим свое внимание на Нем. Когда мы Его увидим, мы начнем думать больше не о том, как больна Джули, а о том, как Он любит нас. И вот Он улыбается, встает и подходит к нам. Тогда мы оба кладем наши руки на Джули, а Христос кладет Свои руки поверх наших. Мы представляем себе, как свет от Иисуса течет прямо в твою сестру и исцеляет ее. Давай представим себе, что свет Христа борется с болезнью, пока она не отступит. Хорошо?!“ Малыш серьезно кивнул. Вместе мы молились так по-детски, а потом поблагодарили Господа за то, что мы видели, что так все и произойдет, как мы просили. На следующее утро Джули была совершенно здорова.

Позвольте мне здесь вас предостеречь. Мы не стараемся произносить что-то вроде заклинаний, побуждая свое воображение видеть то, чего нет. Не пытаемся мы также манипулировать Богом и говорить Ему, что Он должен делать. Напротив, мы просим Бога сказать нам, что нам делать. Бог есть основа нашей мольбы, как выразилась об этом Джулиана из Норвича, и мы в высшей степени зависим от Него. Наша молитва должна быть ответным действием на Божию инициативу в воздействии на наше сердце. Идеи, картины, слова не помогают, если они не исходят от Святого Духа, который, как вы знаете, ходатайствует за нас „воздыханиями неизреченными" (Римл. 8:26).

Дети, которым трудно учиться в школе, очень откликаются на молитву. Мой друг, который преподавал детям с замедленным развитием, решил молиться за них. Конечно, он ничего об этом не сказал детям, просто начал молиться. Когда кто-то из детей залез под его стол и принял неприличную позу, мой друг взял его на руки и молился, чтобы свет и жизнь Христа исцелили самоненависть в этом мальчике. Чтобы не смущать мальчика, он начал ходить с ним по классу, продолжая молиться. Через некоторое время дитя расслабилось, и занятия возобновились. Иногда мой друг спрашивал мальчика, может ли он вспомнить, что это такое — победить в соревнованиях по бегу. Если мальчик говорил „да", он побуждал его вообразить себе, как приближается финиш, как кричат, приветствуя его, все друзья. Таким образом ребенок мог участвовать в молитве благодарения и укреплять свое самопринятие. (Не иронично ли то, что люди спорят так отчаянно по вопросу общественной молитвы в школе и так редко используют возможность молиться за детей таким образом, против которого нет никакого закона!). В конце года все дети, кроме двоих, смогли вернуться в нормальную школу. Случайное совпадение? Возможно, но, как выразился один архиепископ, такие „совпадения" происходят гораздо чаще, когда мы молимся.

Бог хочет, чтобы брак был здоровым, постоянным. Вы можете знать о каком-то браке, что он не таков. Семейная пара в горе и нуждается в вашей помощи. Может быть, у мужа любовная связь с другой женщиной. Расположитесь молиться за эту семью тридцать дней, каждый день. Представьте себе, как муж встречается с „другой женщиной" и смущен, сам в себе изумляясь, как он мог вообще когда-либо обратить на нее внимание. Наблюдайте, как сама мысль об измене становится ему отвратительна. Представляйте, как он подходит к своей двери и видит свою жену и переполнен любовью к ней. Представляйте, как они вместе отправляются на прогулку и влюбляются друг в друга, как это было когда-то, столько-то лет назад. „Видьте", как они все больше открываются друг другу и обретают способность выговариваться и заботиться друг о друге. В своем воображении возведите огромную кирпичную стену между мужем и „другой женщиной". Постройте дом из любви и внимательности для мужа и жены. Наполните его миром Христовым.

Ваш пресвитер и богослужения должны просто купаться в молитвах. Апостол Павел молился за своих людей; он просил их молиться за него. Чарлз Сперджен весь свой успех приписывал молитвам своей церкви. Франк Лобах сказал своему собранию: „Я очень чувствителен и знаю, когда вы молитесь за меня. Если кто-то из вас меня презирает, я чувствую это. Когда вы молитесь за меня, я чувствую странную силу. Когда каждый человек в собрании молится за пресвитера, во время его проповеди происходят чудеса".¹⁰ Насыщайте богослужения своими молитвами. Представляйте себе Господа, наполняющего Своим присутствием святилище.

Всякие сексуальные отклонения требуют молитвы, чтобы произошли реальные и долговременные изменения. Секс подобен реке: он хорош и прекрасен, когда введен в берега. Река, вышедшая из берегов, опасна. Так же опасны сексуальные извращения. Какие границы создал Бог для секса? Один муж с одной женой в браке на всю жизнь. Когда молимся за людей с извращенным сексом, то это большая радость — видеть реку, вышедшую из берегов, и просить Господа вернуть ее на ее естественный путь.

Ваши собственные дети могут и должны изменяться через ваши молитвы. Молитесь за них днем с их участием. Молитесь за них ночью, когда они спят. Чудесно — войти в комнату и легко положить свои руки на спящее дитя. Воображайте, как свет Христа

течет через ваши руки и исцеляет всякую эмоциональную травму и израненные чувства, — все, что пережило ваше дитя за день. Наполните его миром и любовью от Господа.

Как священник Христа, вы можете совершать чудное служение, беря ребенка на руки и благословляя его. В Библии родители приносили своих детей к Иисусу не для того, чтобы Он играл с ними или даже учил их, но чтобы Он мог возложить на них Свои руки и благословить их (Мк. 10:13-16). Он дал вам способность делать то же самое. Благословенно дитя, которое благословляют взрослые, знающие, как благословлять!

„Мгновенная молитва" — это чудесная идея, развиваемая Франком Лобахом в его многих книгах о молитве. Он поставил своей задачей научиться так жить, чтобы молиться о каждом, кого только увидишь, об этих детях, разговаривающих друг с другом или играющих, об этом плачущем мальчике." Такие „мгновенные молитвы" очень волнующи и могут привести к интересным результатам. Я тоже попробовал такие молитвы, прося радости от Бога и сознания Его присутствия в тех людях, о которых я молился, то есть в каждом встречном. Иногда в людях не было никакого ответа, но иногда они оборачивались и улыбались, как если бы я к ним обратился. В автобусе или самолете мы можем воображать, как Иисус проходит, касаясь людей и говоря: „Я люблю тебя. Мое величайшее желание — простить тебя и дать тебе все добро. В тебе есть много прекрасного, но как бы в зародыше, и Я бы дал этому распуститься, если только ты скажешь: „да". Франк Лобах предположил, что если бы тысячи из нас делали так с каждым встречным, мы бы могли изменить всю атмосферу в нашем народе. Отдельные молитвы соединяются, как капли воды, образуя океан, которому невозможно сопротивляться.¹²

Нам нужно научиться молиться против зла. Святые прошлых времен побуждали нас вести духовную войну против „мира, плоти и дьявола". Мы никогда не должны забывать, что это враг наших душ „ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить" (1 Пет. 5:8). Мы в своей молитве ведем борьбу „против начальства, против властей, против мироправителей тьмы века сего" (Еф. 6:12). И нам нужно молиться молитвой защиты, окружая себя жизнью Христа, покрывая себя кровью Христа, запечатывая себя крестом Христа.

Молясь за других никогда не нужно ждать, когда такое желание в нас возникнет. Молитва — это как любой труд. Хочется нам или не хочется, но мы начинаем и обнаруживаем, что желание работать приходит само. Нам может не хотеться играть на пианино, но, когда мы уселись и ск«4гько-то времени поиграли, нам уже хочется играть. Точно так же с молитвой: наши молитвенные мышцы должны быть разогреты, и тогда поток крови начнется, и польется молитва ходатайства.

Не нужно также беспокоиться, что этот молитвенный труд займет слишком много времени, потому что „он не требует времени, но занимает все наше время".¹³ Молитва не прибавляется к нашему труду, но идет одновременно с ним. Молитва и действие соединяются. Томас Келли выразил это так: „Можно организовывать свою умственную жизнь на разных уровнях. На одном уровне мы обсуждаем, спорим, думаем, соображаем, отвечаем на все требования внешнего мира. Но глубоко внутри, за „сценой", мы можем пребывать в молитве и поклонении, пении и в готовности принять Божественное дыхание".¹⁴

Нам нужно столькому учиться и так далеко идти. Желание нашего сердца высказано архиепископом Тайтом, который сказал: „Я хочу жизни молитвы, более великой, глубокой, истинной".¹⁵

4. Дисциплина поста

„Одни превознесли пост выше Писаний и выше разума, другие же совершенно пренебрегают им".

Пост долгие годы находился в пренебрежении. Я не мог найти ни единой книги о посте в период с 1861 до 1954 года, почти сто лет. Недавно возродился интерес к этому вопросу, хотя скорее в плане догматическом и часто не в библейской перспективе, не в равновесии с другими вопросами внутренней духовной жизни человека.

Как объяснить тот факт, что пост, столь пылко практиковавшийся христианами в течение веков, вдруг стал никому не интересен, хотя многократно упоминается в Писании? Здесь две причины. Во-первых, средневековый аскетизм. С падением внутренней реальности христианской веры всегда развивается внимание к ее внешней форме, и как только форме недостает ее внутреннего содержания, тут же возникает строгое законничество, а именно — принудительное. Поэтому пост сопровождался многими строгими правилами, достигая „умерщвления плоти“, пользуясь „самобичеванием“. Современная культура реагировала на все эти насилия и склонна была смешивать пост с самоумерщвлением.

Есть и вторая причина. Современная пропаганда убедила нас, что, если мы не имеем обильного трехразового питания каждый день, включая между ними еще несколько перекусов, — то мы умираем от голода. Если еще прибавить к этому мнению общую уверенность в том, что должно удовлетворять всякое человеческое желание, то понятно, что пост выглядит чем-то по меньшей мере устарелым. Каждый, кто решит серьезно относиться к посту, услышит с разных сторон возражения, что это — вредно, это лишает вас энергии, разрушает здоровье. Все это совершенный вздор, основанный на предрассудках. В то время, как человеческое тело не может прожить без воздуха и воды, оно может много дней обходиться без еды — до сорока дней, пока не начнется действительное голодание. Без всякого преувеличения можно сказать, что, если совершать пост правильно, он имеет благоприятные последствия для тела.

В Писании так часто говорится о посте, что и нам нужно хотя бы бросить взгляд на эту древнейшую духовную дисциплину. Прочитаем о Моисее, через которого был дан закон народу, о царе Давиде, об Илье пророке, о царице Есфири, о пророчице Анне, апостоле Павле, Иисусе Христе, воплощенном Сыне Божиим. Многие великие христиане всех веков христианской истории постились и свидетельствовали о ценности поста: Мартин Лютер, Жан Кальвин, Джон Веслей, Ионафан Эдварде и многие другие.

Пост не является только христианским делом: все главные мировые религии мира признают его достоинства. Заратустра практиковал посты, и Конфуций, и индийские йоги. Платон, Сократ, Аристотель — все постились. Даже Гиппократ, отец современной медицины, верил в пользу поста. Тот факт, что все эти люди уважали пост, не делает, конечно, его правильным и желанным в наших глазах, но дает нам основание остановиться с готовностью пересмотреть общий взгляд нашего времени на роль поста.

Пост в Библии

Во всем Писании пост — это воздержание от пищи в духовных целях. Он отличается от голодной забастовки, целью которой является привлечь внимание к тому или иному делу или же приобрести политическое влияние. Он отличается также от „диеты“ в лечебных целях. В наше время пост мотивируется чаще всего либо тщеславием, либо желанием власти. Библейский пост всегда имеет своим центром духовные цели.

В Писании говорится о посте как о воздержании от пищи, всякой пищи, но не от воды. О сорокадневном посте Иисуса в пустыне сказано, что Он не ел ничего и „взалкал“ и что Сатана искушал Его, предлагая Ему поесть, то есть воздержание было от пищи, а не от воды.

Иногда в Писании говорится о частичном посте. Хотя пророк Даниил имел обычай поститься, был такой случай, что в течение трех недель „вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входило в уста мои..." (Дан. 10:3). Все эти дни Даниил был в сетовании.

Есть в Писании также случаи, которые можно было бы назвать „полным воздержанием", то есть и от пищи, и от питья. Это, так сказать, срочная мера, по огромной нужде, как это случилось с царицей Есфирью, когда она говорила Мардохею: „Пойди, собери всех иудеев, находящихся в Сузах, и поститесь ради меня, и не ешьте и не пейте три дня, ни днем, ни ночью, и я с служанками моими буду так же поститься, и потом пойду к царю, хотя это против закона, и если погибнуть, погибну" (Есф. 4:16). Апостол Павел тоже имел три дня полного поста после своей встречи с живым Христом (Деян. 9:9). Нужно понять, что такой пост является исключением, и к нему не надо прибегать, если на то нет ясного Божьего указания.

В большинстве случаев пост — это дело между человеком и Богом. Есть, однако, времена общего поста или группового. В Моисеевом законе единственный раз в году требовался общий пост — это в День примирения (Лев. 23:27). Это должен был быть день смирения пред Богом и скорби за свои грехи, день очищения. (Постепенно добавлялись другие посты, и сейчас их установлено более двадцати!) Посты также назначались во времена критические для нации: „Вострубите трубою на Сионе, назначьте пост и объявите торжественное собрание" (Иоиль 2:15). Когда было нашествие на Иудею, царь Иосафат призвал народ поститься: „И убоился Иосафат, и обратил лицо свое взыскать Господа, и объявил пост по всей Иудее" (2 Пар. 20:3). В ответ на проповедь Ионы весь город Ниневия, включая животных (без их желания, естественно), постился. Перед своим возвращением в Иерусалим Ездра велел всем поститься, чтобы Бог сохранил их на пути от бандитов и грабителей: „И провозгласил я там пост у реки Агавы, чтобы смириться нам пред лицом Бога нашего, просить у Него благополучного пути для себя и для детей наших и для всего имущества нашего" (1 Езд. 8:21).

Групповой пост может быть делом чудным и могущественным, если люди, принимающие в нем участие, подготовлены к этому и единодушны в этом вопросе. Церкви или другие группы, имеющие серьезные проблемы, могут получить исцеление через общую молитву и пост. Когда достаточное число людей правильно понимает задачу, всенародный пост и молитва могут иметь благословенные результаты. В 1756 году король Британии призвал нацию к торжественной молитве и посту ввиду французского вторжения. Джон Веслей так записал об этом в своем дневнике 6 февраля: „День поста был славным днем, какого Лондон не видел со времени Реставрации. Каждая церковь в городе была переполнена, и на каждом лице была видна торжественная серьезность. Точно, Бог слышит молитву, и наш покой будет продлен". В сноске он написал: „Смирение превратилось во всеобщее ликование, потому что угроза вторжения была отвращена".¹

В истории христианства получило развитие то, что можно было бы назвать „регулярными постами". Ко времени пророка Захарии получили свое развитие четыре поста (Зах. 8:19). Похвальба фарисея в притче Иисуса описывает, по-видимому, установившуюся практику: „Пощусь два раза в неделю" (Лк. 18:12).* Книга евреев Дидах вменяла в обязанность два поста, по средам и пятницам. Регулярные посты были приняты обязательными на втором Орлеанском соборе в VI веке. Джон Веслей стремился вернуться к учению Дидахи и побуждал ранних методистов поститься по средам и пятницам. Он так серьезно к этому относился, что даже отказывался поставлять кого-нибудь на методистское служение, если тот не придерживался данных дней поста.

Регулярный пост имел такое глубокое влияние на жизнь некоторых людей, что они хотели найти для него библейское основание, чтобы потребовать его от всех христиан. Но поиски были напрасны. Нет в Библии ни закона, ни заповеди относительно регулярного поста. Наша свобода во Христе не должна, однако, повести к распущенности. Пост — это не закон, но это возможность, данная нам. Мы свободны

поститься в любой день. Для апостола Павла эта свобода состояла в том, что он часто постился (2 Кор. 11:27). Мы всегда должны помнить совет апостола: „К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти" (Гал. 5:13).

Существует еще один вид „дисциплины", он в наши дни становится все более популярным и похож на пост. Его называют „бдением", используя выражение апостола Павла в связи с его страданиями за Христа (2 Кор. 6:5). Оно относится к воздержанию от сна, чтобы молиться и исполнять другие духовные обязанности. Такое „бдение" может быть ценным, и Бог временами может призывать нас к тому, чтобы мы бодрствовали ночью для известных целей, но не нужно превращать это в нечто постоянное и важное. Нам нужно всегда помнить предостережение апостола Павла относительно многих якобы духовных вещей, которые имеют „только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти" (Кол. 2:23).

Является ли пост заповедью?

Многих занимает вопрос, является ли пост обязательным для христиан? Многие пытались найти ответ на этот вопрос. Самую удачную защиту поста мы находим в книге Томаса Катрайта „Святое упражнение в истинном посте" 1580 года (главы пуритан в XVI веке).

Хотя многие места Писания говорят о посте, только два из них являются самыми важными для решения этого вопроса. Первое — это поразительное учение Христа о посте в Нагорной проповеди.* Оно находится в прямой связи с Его учениями о милостыне и молитве. Здесь как бы подразумевается, что все три являются частями христианского богопоклонения. У нас не больше оснований исключать отсюда пост, чем исключать милостыню и молитву. Во-вторых, Иисус утверждал: „Когда поститесь..." (Мф. 6:16). Здесь выражается уверенность в том, что люди будут поститься, и речь идет о том, как делать это правильно. Мартин Лютер говорил: „Намерение Христа было не отбросить пост и не презирать его, а восстановить его в его настоящем значении".²

Сказав все это, мы, однако, должны сознавать, что эти слова Иисуса не являются заповедью. Он учил, как правильно делать то, что было частью повседневной жизни того времени. И Он ни слова не сказал, хорошо ли это было и должно ли так продолжать делать. И хотя Он сказал: „когда поститесь", Он не сказал: „вы должны поститься".

Второе решающее утверждение Иисуса относительно поста — это Его ответ на вопрос учеников Иоанна Крестителя. Озабоченные тем, что и они, и фарисеи постятся, а ученики Иисуса — нет, они спросили: „Почему?" Иисус ответил им: „Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься" (Мф. 9:15). Это, возможно, самое важное утверждение в Новом Завете относительно того, должно ли Христианам сегодня поститься.

В пришествии Иисуса начал рассветать новый день. Царство Божие явилось в силе среди людей. Жених был уже в их среде. Это было время праздника, а не поста. Однако для Его учеников придут времена поста, хотя и не в законничестве старого порядка.

Самое естественное объяснение о тех днях, когда ученики Иисуса будут поститься, — это дни Церкви, особенно в свете утверждения Иисуса о „новых мехах" Царствия Божия, которое наступит немедленно (Мф. 9:16-18). Артур Уоллес доказывает, что Иисус говорит здесь о периоде Церкви, а не только о тех трех днях между Его смертью и воскресением. Свое рассуждение он кончает следующими словами: „Итак, речь идет о днях Его отсутствия, начиная с Его Вознесения к Отцу и до того времени, когда Он

вернется с небес. Именно так и поняли Его апостолы, потому что мы видим их постящимися не раньше, чем Он вознесся к Отцу" (Деян. 13:2-3). Прежде чем покинуть их, Жених обещал им, что Он снова придет, чтобы взять их к Себе. Церковь все еще ожидает этого полночного зова: „Вот Жених идет!" Именно период Церкви есть то время, о котором Господь сказал: „Будут поститься. Сейчас, теперь именно то время!"³

Нельзя обойти вниманием ту силу, с которой Иисус произнес эти слова. Он сделал ясным для нас, что Он ожидал и рассчитывал видеть Своих учеников постящимися после Своего ухода с этой земли. Однако Его слова не облечены в форму заповеди, речь идет не о требовании Иисуса, а о побуждении сердец Его учеников. В этом месте Писания Христос одновременно высоко поднял дисциплину поста и предвидел, что Его ученики будут это делать.

Лучше в вопросе поста избегать слова „заповедь" или „требование", потому что в строгом смысле слова Иисус нигде не требовал, чтобы Его ученики постились. Но ясно, что Он исходил из того принципа, что дети Царствия Божия будут поститься. Человек, жаждущий более близкого хождения с Богом, будет притягиваться этими словами.

Где сейчас люди, которые ответили бы на зов Христа? Или мы привыкли к „дешевой" благодати и инстинктивно избегаем более требовательных призывов к повиновению? „Дешевая благодать — это благодать без ученичества, благодать без креста".⁴ Почему, например, жертвования безоговорочно были признаны как часть христианского богослужения, а пост оказался делом спорным? В Библии говорится о посте не меньше, чем о жертвованиях. Возможно, в нашем богатом обществе пост оказывается большей жертвой, чем деньги.

Цель поста

Очень отрезвляюще действует сознание того, что самое первое, сказанное Иисусом о посте, касается его мотивов (Мф. 6:16-18). Использовать добро для самовозвеличения — это всегда признак ложной религиозности. Как легко предпринять пост и затем пытаться получить от Бога то, что мы хотим. Иногда приходится слышать о таких огромных благословениях и преимуществах поста, что мы соблазняемся мыслью, будто, немного попостившись, мы можем получить и весь мир, и все милости Божий в свое собственное распоряжение.

Пост всегда должен быть сконцентрирован на Боге. Он должен быть Богом назначен и Богом начат в нас. Как Анна-пророчица, мы должны „служить Богу постом..." (Лк. 2:37). Всякая другая цель должна быть подчинена этой. „Когда они служили Господу и постились..." — сказано об апостолах и учениках в Антиохии, сказано на одном дыхании (Деян. 13:2). Чарлз Сперджен писал: „Времена поста и молитвы в нашей церкви были великими днями; никогда небесные врата не открывались столь широко, никогда наши сердца не были ближе к славе Божией".⁵

Бог вопрошал народ в дни Захари: „Для Меня ли вы постились? для Меня ли?" (Зах. 7:5). Если наш пост не для Бога, он и не нужен, он провалился. Физические преимущества, успех в молитве, духовные откровения — все это никогда не должно быть в центре нашего поста вместо Бога. Джон Веслей заявил: „Во-первых, пусть наш пост будет совершаться для Господа и наш взор да будет устремлен на Него. Пусть нашим единственным намерением будет только и единственно прославить Отца нашего Небесного".⁶ Только так мы спасемся от искушения любить благословения больше, чем Благословляющего.

Когда главная цель утверждена в нашем сердце, мы свободны понимать, что существуют также и второстепенные цели поста. Ничто другое, как только пост, раскрывает нам, что именно контролирует наше поведение. Это огромное преимущество для истинного ученика, желающего преобразиться в образ Иисуса Христа. То, что в нас мы покрываем едой и другим добром, но во время поста все это

прикрываемое оказывается на поверхности. Если мы подвержены гордости, это откроется почти сразу. Давид сказал: „Изнурял постом душу мою" (Пс. 34:13), „Плачу, постясь душою моею" (Пс. 68:11). Раздражение, обида, ревность, страх, если они есть внутри нас, они все во время поста проявятся. Сначала мы будем рассуждать, что раздражены из-за голода. Потом осознаем, что это дух раздражения, присутствующий в нас. Мы можем радоваться этому знанию, потому что знаем: исцеление доступно через силу Христа.

Пост напоминает нам о том, что человек жив „всяким словом, исходящим из уст Божиих" (Мф. 4:4). Не пища поддерживает нас; Бог нас поддерживает. Христом „все стоит". Поэтому во время поста мы не столько воздерживаемся от пищи, сколько пируем на Божьем Слове. Пост — это пир! Когда ученики принесли Иисусу обед, думая, что Он голоден, Он заявил им: „У Меня есть пища, которой вы не знаете... Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его" (Ин. 4:32,34). Это не мудреное сравнение, но подлинная реальность. Иисус в действительности питался и жил силою Божией. Именно по этой причине Он и дает такой совет относительно роста в Мф. 6. Нам сказано, чтобы во время поста у нас не было жалкого вида, потому что в действительности мы вовсе не жалки. Мы питаемся Богом и точно так, как израильтяне в пустыне жили чудесной манной с небес, мы живы Божьим Словом.

Пост дает нам возможность сохранять равновесие в жизни. Как легко мы позволяем всяким мелочам занимать первое место в нашей жизни! Как легко мы отдаемся желаниям иметь то, что нам вовсе не нужно. Апостол Павел писал: „Все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною" (1 Кор. 6:12). Наши человеческие прихоти и желания подобны реке, которая все время грозит выйти из берегов. Пост помогает удерживать их в известных границах. „Усмиряю и порабожаю тело мое", — говорил апостол Павел (1 Кор. 9:27). Подобно этому писал и Давид: „Изнурял постом душу мою" (Пс. 34:13). Это не аскетизм, это дисциплина, приносящая свободу. В IV веке некий Астериус сказал, что пост гарантирует, что желудок не будет кипеть, как чайник, препятствуя душе.⁷

Много написано и о других достоинствах поста, таких, как увеличение эффективности ходатайственной молитвы, руководство в принятии решений, повышенная способность к концентрации внимания, освобождение тех, кто находится в тех или иных узах греха, улучшение физического самочувствия, откровения и т.д. В этом деле, как и во всем, мы можем рассчитывать, что Бог вознаградит ищущих Его, ищущих лица Его.

Практические советы

Современные люди совершенно невежественны в вопросах поста, практическом его проведении.

Как всегда, нужно соблюдать постепенность. Сначала нужно научиться ходить, а потом — бегать. Начните с частичного поста длительностью в 24 часа. Многие считают, что лучше всего поститься с обеда до обеда. Это значит, что вы пропустите две еды. Для этого прекрасны фруктовые соки. Попробуйте такой пост раз в неделю в течение нескольких недель. Вначале вы будете увлечены физической стороной дела, но главное, что надо развивать, — это внутреннее состояние богопочтения. Внешне вы будете совершать свой повседневный труд, но внутренне будете пребывать в молитве и поклонении, пении и благоговении. Постарайтесь превратить каждое дело в священное служение перед Господом. Какими бы земными ни были ваши дела, пусть для вас они станут священными. Развивайте в себе восприимчивость к Божественному дыханию.⁸ Прерывайте свой пост легкой едой из соков и овощей. Испытайте и переживите большую внутреннюю радость.

Через две-три недели вы готовы к проведению нормального 24-часового поста. Используйте только воду, но достаточное количество ее. Многие считают, что лучше всего вода дистиллированная. Если вам неприятен ее вкус, то добавьте ложку

лимонного сока. Возможно, вы будете испытывать чувство голода прежде, чем ваш пост завершится, но это не настоящий голод, просто ваш желудок за долгие годы привык подавать сигналы голода в установленные часы. Во многих отношениях ваш желудок похож на избалованного ребенка, а таких детей нужно не баловать, а наказывать, относиться к ним требовательно. Мартин Лютер говорил: „Плоть имеет обыкновение устрашающе роптать”.⁹ Не поддавайтесь этому ропоту. Не обращайтесь на эти сигналы или даже прикажите своему „избалованному ребенку” успокоиться, и через некоторое время „голодные боли” пройдут. Если нет, то выпейте маленькими глотками другой стакан воды, и желудок удовлетворится. Вам нужно быть хозяином желудка, а не его рабом. Если вам это позволяют ваши семейные обязанности, посвятите время еды молитве и размышлению.

Конечно, не нужно и говорить о том, что хорошо помнить совет Иисуса и не привлекать внимания всех окружающих к тому, что вы делаете. Об этом должны знать только те, кому надо знать. Если вы привлечете внимание к своему посту, это произведет впечатление на людей и это, как говорил Иисус, будет вашим вознаграждением. Вы же поститесь для гораздо более великого и глубокого вознаграждения. Следующие мысли были записаны человеком, который, в виде эксперимента, постился раз в неделю в течение двух лет. Обратите внимание на то, как поверхностные стороны поста уступают место гораздо более глубокому вознаграждению.

1. Я чувствовал, что делаю нечто совершенно необыкновенное: целый день без еды! Поздравил себя с тем, что это оказалось легким.
2. Начал видеть, что это самочувствие вряд ли является целью поста. Мне помогло в этом чувство голода.
3. Начал соотносить пост с другими областями своей жизни, где я был более связан: я никогда не довольствовался тем, что мне досталось место в автобусе или что мне прохладно в жару и тепло в холод.
4. Размышлял о страданиях Христа и тех, кто голоден и имеет голодных детей...
5. Через шесть месяцев после того, как я начал входить в дисциплину поста, я стал понимать, почему был предложен именно двухлетний период. Опыт приходит по мере продвижения на пути. Голод в дни поста стал сильнее, и искушение поесть — тоже. Я впервые стал использовать день поста, чтобы найти Божью волю относительно моей жизни. Начал размышлять о том, что это значит — „предать Ему свою жизнь”.
6. Теперь я знаю, что молитва и пост должны быть сложно взаимосвязаны. Нет другого пути, но, однако, этот путь еще во мне не сложился”.¹⁰

Достигнув известного духовного уровня в посте, переходите к 36-часовому посту: пропускаются три еды. После того, как достигнете и этого, спросите Господа, хочет ли Он, чтобы вы продолжали продлевать пост. От трех до семи дней — это хороший период времени, и это, возможно, окажет серьезное воздействие на весь ход вашей жизни.

Хорошо представлять себе, что происходит в вашем теле в процессе более долгого поста. Самыми трудными оказываются первые три дня: физически плохое самочувствие и голодные боли. Тело начинает избавляться от токсических веществ, которые скопились в организме за все годы плохих привычек питания. Это процесс неприятный. Язык обложен и изо рта — неприятный запах. Не расстраивайтесь из-за этих признаков: благодарите за улучшение своего здоровья, которое за этим последует. Вы можете испытывать в это время головные боли, особенно если вы являетесь страстным любителем кофе и чая. Все эти ощущения пройдут.

К четвертому дню голодные боли утихают, хотя наступает слабость и головокружение. Это — явления временные, и головокружение случается только при резком изменении положения. Двигайтесь помедленнее. Слабость может достигнуть такой степени, что простая задача потребует больших усилий. Отдых здесь является лучшим лекарством. Многие считают это время самым трудным периодом поста.

К шестому или седьмому дню вы начнете чувствовать себя сильнее и подвижнее. Голодные боли продолжают уменьшаться, а к девятому или десятому дню они уже почти не беспокоят. Тело уже избавилось от основного количества токсинов, и вы будете чувствовать себя хорошо. Способность концентрировать свое внимание обострится, и вам даже будет казаться, что вы можете продолжать пост бесконечно. Физически — это самая радостная часть поста.

После двадцати первого дня или сорокового, в зависимости от индивидуальных особенностей, голодные боли возвращаются. Это первый этап голодания и сигнал о том, что тело использовало все свои излишки и начинает поглощать живые ткани. В это время пост должен быть прерван.

Потеря веса во время поста очень варьируется в зависимости от состояния человека. В начале поста потеря составляет 800 граммов в день и уменьшается по мере продолжения поста до 400 граммов в день... Во время поста вы будете острее чувствовать холод, просто потому, что тело не производит нужного количества тепла. Нужно теплее одеваться.

Всем должно быть ясно, что есть люди, которые по физиологическим причинам не должны голодать. Диабетики, будущие матери, сердечники — всем им голодать не следует. Если вы сомневаетесь относительно себя, попросите совета у врача.

Прежде чем начинать продолжительный пост, некоторые стараются побольше поесть „впрок“. Это очень неразумно. Легкая еда за день-два до поста — это самое лучшее. Хорошо также дня три воздерживаться от кофе и чая до поста. Если последняя перед постом еда состояла из свежих фруктов и овощей, у вас не будет проблем с запорами.

Длительный пост нужно прерывать фруктовыми или овощными соками. Сначала нужно принимать их небольшими порциями. Помните, что желудок сжался, и вся пищеварительная система как бы заморожена. Во второй день вы будете способны поесть фруктов и затем — молока или, кефира. Затем — свежий салат и вареные овощи. Избегайте всяких приправ и жиров. Особенно бойтесь переедания. Это хорошее время, чтобы пересмотреть свое обычное питание, чтобы контролировать свой аппетит.

Хотя физические стороны поста нас интересуют, нам никогда не надо забывать, что главный труд поста по Писанию совершается в области духовной. Что происходит в нашей духовной жизни, — гораздо важнее того, что происходит в теле, и имеет гораздо большие последствия. Вы будете вовлечены в духовную войну, для которой вам потребуются все оружие, указанное в Еф. 6. Один из самых критических моментов — это завершение поста, когда у нас есть желание как-то расслабиться. Но я не хочу оставить у вас впечатление, что пост — это тяжелая духовная борьба, — я лично этого не обнаружил. Я скорее увидел, что это — „праведность и мир и радость во Святом Духе“ (Римл, 14:17).

Пост может принести прорыв в область духовную, которой нельзя достичь никаким другим путем. Это средство Божией милости и благословения, которым нельзя пренебрегать. Веслей заявил: „Не одними только разумными соображениями Божьи люди во все времена направлялись использовать пост как средство: нет, они были научены Самим Богом, ясным и открытым изъяснением Его воли. Теперь, независимо от того, по каким причинам пост оживлял людей древности, ревностных в исполнении этого долга, они столь же сильны сегодня оживить нас“.11

Сегодня — время для всех, кто слышит голос Божий, повиноваться ему.

5. Дисциплина изучения

„Тот, кто изучает только людей, получит большое количество информации без души. Тот, кто изучает книги, получит знание души без тела. А тот, кто к тому, что видит, прибавляет наблюдение, и к тому, что читает, прибавляет размышление, находится на правильном пути к знанию, при условии, что, изучая сердца других, он не пренебрегает собственным“.

Кейлеб Колтон

Целью духовных дисциплин является полное изменение личности человека. Старые разрушительные привычки мысли должны замениться новыми, дающими жизнь привычками. Нигде эта цель не видна столь ясно, как в дисциплине изучения. Апостол Павел говорит нам, что мы преобразуемся обновлением ума (Римл. 12:2). А ум меняется, обновляется тем, что мы его прилагаем к вещам, способным его менять: „Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте“ (Фил. 4:8). Дисциплина изучения является первейшим средством привести нас к тому, чтобы мы только о таких вещах и помышляли. Поэтому нам должно радоваться, что мы не предоставлены своим собственным соображениям, но нам дано по милости Божией это средство для изменения нашего внутреннего духа.

Многие христиане, уже уверовав, остаются, однако, в плену страхов и озабоченности просто потому, что они не воспользовались дисциплиной изучения. Они могут быть верными в посещении церкви и в исполнении своих религиозных обязанностей, но быть в то же время не преобразованными внутри. Я здесь говорю не о тех, кто формально относится к Церкви, а именно о тех, кто искренне желает поклоняться и повиноваться Иисусу Христу как Господу своему. Они могут петь с воодушевлением, молиться в Духе, жить в таком послушании, в каком только могут, и даже иметь Божественные откровения, и в то же время общий уклад их жизни, ее смысл и содержание остаются неизменными. Почему? Потому что они никогда не использовали главный из Божиих путей, назначенный изменить нас, а именно — изучение. Иисус ясно выразил, что познание истины делает нас свободными (Ин. 8:32). Добрые чувства нас не освобождают. Экстаз — тоже. Без познания истины мы не будем свободными.

Этот принцип истинен в любой области человеческой деятельности. Это истинно в биологии и математике. Это истинно в браке и других человеческих отношениях. Но особенно это истинно в духовной жизни. Многие спотыкаются и запутываются в духовном хождении из-за простого невежества. И даже хуже этого: многие оказываются в духовном рабстве из-за ложных учений. „... обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного-; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас“ (Мф. 23:15).

Поэтому постараемся узнать, что составляет духовную дисциплину изучения, где находятся ловушки, поставленные на этом пути, и будем радоваться тому освобождению, которое приносит с собой эта дисциплина.

Что такое „изучение“?

Это особый опыт, при котором через внимательное наблюдение объективных устройств мы побуждаем мысль двигаться в определенном направлении. Мы видим это, чувствуем это. По мере того, как мы это делаем, наши мыслительные процессы приходят в тот порядок, который свойствен порядку в дереве или в книге. Когда мы это делаем сосредоточенно, многократно, то формируются навыки мышления.

Ветхий Завет наставляет нас, что законы его должны быть написаны на дверных косяках и на воротах, навязаны на руки так, чтобы они всегда были перед глазами (Втор. 11:18). Цель этого наставления в том, чтобы постоянно и регулярно направлять ум в определенном направлении, а именно — мыслить о Боге и человеческих отношениях. Конечно, Новый Завет заменяет законы, написанные на косяках, законами, написанными в сердце, и ведет нас к Иисусу нашему, вечно присутствующему Учителю.

Мы должны снова подчеркнуть, что вкоренившиеся привычки мышления будут соответствовать порядку того, что изучается. Что именно мы изучаем, определяет образ формируемых привычек. Вот почему апостол Павел побуждает нас сосредоточиваться на том, что истинно, честно, справедливо, чисто, любезно и достойно.

Процесс изучения отличается от процесса медитации. Медитация молитвенна, а изучение аналитично. Медитация наслаждается Словом, а изучение объясняет его.

Хотя медитация и изучение временами пересекаются и даже могут совпадать, процессы эти различны. Изучение обеспечивает известный объективный остов, внутри которого может успешно действовать медитация.

Изучаться должны две книги: выраженная в словах и бессловесная. Книги и лекции, таким образом, составляют только половину области изучения и, возможно, меньшую ее часть. Мир природы и, самое главное, внимательное наблюдение за событиями и действиями являются центральными в той области изучения, которая не выражена в словах.

Главной задачей изучения является проникновение в реальность данной ситуации, встречи, книги и т.д. Можно, например, пройти мимо уотергейтского скандала, совершенно не уразумев действительной природы этой трагической ситуации. Но если внимательно наблюдать и размышлять над тем, что происходит, можно многому научиться.

Четыре шага

Изучение состоит из четырех шагов. Первый — это повторение. Повторение — это постоянное направление ума в заданном направлении, выработка привычек мышления. Сегодня у повторения плохая репутация. Однако важно понимать, что даже простое повторение, без уразумения того, что повторяется, влияет на внутренний ум. Выработка привычек мышления может состояться даже при одном только повторении, и за этим последует изменение поведения. Этот факт лежит в основе психокибернетики, которая добивается изменения внутреннего мира человека, тренируя его повторением одних и тех же утверждений, таких, как, например: „Я люблю себя без всяких условий“. Здесь оказывается даже неважным, верит ли человек в то, что он повторяет, или нет, нужно только повторять. Внутренний мир, таким образом, тренируется и в итоге отвечает, изменяя поведение так, чтобы оно соответствовало утверждению.

Вот почему так важен вопрос о телевидении. Бесчисленные убийства, совершаемые каждый вечер на экране, одним своим повторением тренируют внутренний ум, создавая в нем разрушительную схему мышления.

Сосредоточение — это второй шаг в изучении. Когда к повторению прибавляется еще сосредоточенное внимание на том, что изучается, познание резко возрастает. Сосредоточенность собирает все внимание на изучаемом. Человеческий ум имеет необыкновенную способность сосредоточиваться. Он постоянно получает тысячи импульсов, каждый из которых откладывается в памяти, концентрируясь при этом только на нескольких из них. Эта естественная способность мозга усиливается единством цели, когда сознательно обращаем свое внимание на желанный объект изучения.

Когда мы не только направляем ум в определенном направлении и сосредоточиваемся на конкретном предмете изучения, но еще и понимаем то, что мы изучаем, мы достигаем нового уровня. Понимание — это третий шаг в дисциплине изучения. Оно ведет к пронизательности и различению. Оно обеспечивает истинное постижение реальности.

Требуется еще один шаг: размышление. Понимание определяет, что именно мы изучаем, а размышление определяет значимость этого для нас. Размышлять, раздумывать над событиями нашего времени — это поведет нас к внутренней реальности этих событий. Размышление подводит нас к видению вещей с Божией точки зрения. Размышляя, мы понимаем не только то, о чем думаем, но и самих себя. Иисус часто говорил об ушах, которые не слышат, и о глазах, которые не видят. Когда мы обдумываем значение того, что мы изучаем, мы начинаем видеть и слышать по-новому.

Очень скоро становится очевидным, что изучение требует смирения. Оно просто не сможет осуществиться, если мы не готовы подчиниться предмету нашего изучения. Мы должны подчиниться его системе. Мы должны подойти к нему, как студент, а не как учитель. Изучение не только зависит от смирения, но и ведет к нему. Высокомерие и способность учиться взаимно исключают друг друга.

Все мы знаем людей, которые взялись за какой-то курс изучения или даже достигли известных степеней и гордятся этим, гордятся полученной информацией. Нам нужно глубоко жалеть таковых. Они не понимают духовной дисциплины изучения. Они приняли сбор информации за знание. Они поставили знак равенства между разглагольствованием и мудростью. Как трагично! Апостол Иоанн определил вечную жизнь как познание Бога: „Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого, истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (Ин. 17:3). Даже легкого прикосновения к этому познанию достаточно, чтобы дать нам глубокое чувство смирения.

Теперь, положив основание, двинемся дальше, рассматривая практическое применение дисциплины изучения.

Изучение книг

Когда мы говорим об изучении, то первым делом мы имеем в виду книги и другие письменные материалы. Хотя они составляют только половину области изучения, как было сказано, они, конечно, очень важны.

К несчастью, многие думают, что изучение книги — дело простое. Это несерьезное отношение отражает ложные привычки чтения у столь многих читателей. Изучение книги — это очень сложное дело, особенно для новичка. Как в теннисе или печатании на машинке, кажется, что существует тысяча деталей, на которые надо обратить внимание, и вы можете только изумляться, как это вообще возможно — держать все их в голове в одно и то же время. Однако по мере научения механика становится автоматической, и вы в состоянии уделить внимание самой игре или же печатаемому материалу.

То же оказывается истинным относительно изучения книги. Это искусство, и очень требовательное искусство, включающее в себя множество деталей. Главным препятствием к овладению этим искусством является убеждение многих людей, что если они умеют читать слова, значит, они умеют читать. Вот почему столь многие люди так мало получают от чтения книг!

Три внутренних и три внешних правила подчиняют себе успешное изучение книги.*

Три внутренних правила таковы, что для них вначале потребуется три отдельных прочтения книги. Впоследствии все это может происходить одновременно. Первое

чтение — это понимание книги: что говорит автор? Второе чтение — это истолкование книги: что автор хочет сказать? Третье чтение включает в себя оценку книги: прав автор или нет? Большинство из нас склонно к третьему виду чтения и часто никогда не совершает ни первого, ни второго. Мы начинаем критически оценивать книгу, так еще и не поняв, о чем в ней говорится. Мудрый автор Екклесиаста сказал, что есть время для всякой вещи под небесами, и время для критического анализа книги приходит после понимания и истолкования ее.

Внутренние правила изучения не являются сами по себе достаточными. Чтобы успешно читать, нам нужна помощь внешнего опыта, иного, чем чтение книг и их обсуждение.

Опыт — это то единственное, на основании чего мы можем истолковывать то, что мы читаем. Опыт, который был нами понят и обдуман, просвещает наше изучение.

Другие книги могут включать в себя словари, комментарии, но более значительными являются великие книги, которые предшествуют или последуют тому объекту, который мы изучаем. Книги часто имеют значение только в соотношении с другими книгами. Почти невозможно понять Послания к Римлянам или к Евреям, не зная Ветхого Завета. Почти невозможно читать федералистские газеты, не прочитав сначала Статьи Конфедерации и Конституции Соединенных Штатов. Великие произведения, имеющие дело с главнейшими вопросами жизни, друг с другом взаимодействуют. Их нельзя читать изолированно друг от друга. Жизненно важные дискуссии — это обычное взаимодействие, случающееся с людьми, когда они занимаются определенным направлением в изучении. Великие книги, касающиеся главных проблем жизни, взаимодействуют друг с другом. Нельзя читать их изолированно.

Часто бывает так, что я со своими студентами читаю отрывки из Платона или Августина, и у нас возникает весьма приблизительное понимание значения или важности того, что мы только что прочитали. Но когда мы собираемся для обсуждения, то возникает такое глубокое проникновение в сущность сократического диалога, которого никогда бы не было без такого обмена мнениями. Мы взаимодействуем с автором, друг с другом, и рождаются новые творческие идеи.

Первая и самая важная книга, которую нужно изучать, — это Библия. Псалмопевец спрашивал: „Как юноше содержать в чистоте путь свой?“ И сам отвечал на этот вопрос: „Хранением себя по слову Твоему“. И добавлял: „В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою" (Пс. 118:9,11). Возможно, „слово“, о котором говорил псалмопевец, относится к Торе, но христиане всех веков находили эти слова истинными в своем изучении всего Писания: „Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности" (2 Тим. 3:16). Обратите внимание, что главной целью является не чистота учения (хотя она без сомнения входит сюда), но внутреннее преобразование человека. Когда мы приходим к Писанию, то не для того, чтобы собирать информацию, но чтобы изменяться.

Однако нужно понимать, что существует огромное различие между изучением Писания и богослужбным чтением его. При изучении главное значение имеет истолкование: что означает то или иное место Священного Писания? При чтении Писания в целях поклонения Богу главное место принадлежит применению его в жизни: что оно значит для меня? При изучении мы не ищем экстаза, он даже является помехой. Мы хотим уразуметь намерение автора, мы полны решимости слышать, что он говорит, а не то, что мы хотели бы услышать. Мы готовы проводить день за днем, пока нам не прояснится смысл написанного. Этот процесс революционизирует жизнь.

Апостол Петр находил, что некоторые места из писаний Павла „неудобовразумительны“, их трудно понимать (2 Петр. 3:15-16). Если Петр находил их таковыми, мы тоже можем затрудняться в том или ином месте. Нам нужно будет поработать над ним. Ежедневное чтение для богослужения очень желательно, но оно

не является изучением. Каждый, кто желает Божьего Слова на сегодняшний день, не интересуется дисциплиной изучения.

Среднего уровня воскресные школы для взрослых слишком поверхностны и слишком направлены на поклонение Богу, чтобы помочь нам изучать Слово Божие, хотя в некоторых церквях изучение Слова считают важным и потому уделяют ему серьезное внимание. Может быть, вы живете недалеко от семинарии или университета, где вы можете прослушать аудиокурсы. Если так, то вам повезло, особенно если вы нашли учителя, который делится жизнью так же, как информацией. Если, однако, это не так (и даже если это так!), вам нужно сделать некоторые вещи, чтобы начать изучение Библии.

Самое успешное изучение у меня началось, когда я сумел выделить для этого время и место одиночества. Обычно это два-три дня. Вы, конечно, возразите, что при вашем занятом расписании у вас нет такой возможности. Я хочу вам сказать, что мне было сделать это не легче, чем вам. Я боролся и сражался за это время уединения, внося его в мое расписание задолго до срока, за несколько недель до него. Я предлагал эту идею многим людям и обнаружил, что самые занятые люди и домохозяйки с большими семьями могут практически найти время для этого уединения с целью изучения Библии. Я обнаружил также, что проблема не в том, как найти время, а в том, чтобы убедить себя, что оно мне необходимо.

Писание говорит нам, что после чудесного воскрешения Тавифы Петр „довольно дней пробыл... в Иоппии у некоторого Симона кожевника" (Деян. 9:43). Именно там, пока он медлил в Иоппии, Дух Святой обнаружил в Петре и обличил его расизм! Что случилось бы, если бы вместо остановки в Иоппии Петр немедленно отправился в путь, проповедуя о воскресении девушки? Смог ли бы он прийти к этому сокрушающему пониманию: „Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему" (Деян. 10:34, 35). Я не знаю. Но зато я знаю, что Бог для каждого из нас желает мест задержки", где Он может особым образом учить нас.

Для многих людей конец недели является подходящим временем для такого опыта. Другие могут найти такое время среди недели. Если можно освободить только один день, то для этого очень подходит воскресенье.

Лучшим местом является любое место, лишь бы оно было удалено от дома. Оставить дом — это значит не только освободиться от телефона и домашних дел, но также — настроиться на учебный лад.

Групповое уединение никогда не делает изучение серьезным, поэтому нужно поискать возможность уединиться одному. И вам нужно будет ввести в строгие рамки и себя и свое время. Если вы новичок в этом деле, вы будете склонны к лени и ваше время растрачено. Нужно отвести 10-12 часов хорошей учебы каждый день.

Что именно изучать? Это зависит от того, в чем вы нуждаетесь. Я не знаю ваших нужд, но я знаю, что крупнейшей нуждой христиан сегодня является просто чтение больших кусков Писания. Наше библейское чтение случайно и разорвано. Я знал студентов Библейских курсов, которые так никогда и не прочитали всю книгу Библию, которую они так долго изучали. Подумайте о том, чтобы взять одну из крупных книг Библии, например Бытие или пророка Иеремию, и прочитать ее всю, за один раз. Обратите внимание на построение книги и на развитие ее, на трудные места, к которым позже вернетесь. Запишите мысли и впечатления. Иногда мудрым оказывается сочетать изучение книги Библии с чтением классических произведений, посвященных богопоклонению. Такие времена уединения могут изменить всю вашу жизнь.

Другой подход к изучению Библии — это взять небольшую книгу из нее, например Послание к Ефесянам или 1 Иоанна, и читать ее каждый день в течение месяца. При

этом вся книга отпечатается в вашем уме. Читайте безо всяких усилий выстроить ее по известным схемам. Ожидайте услышать совершенно неведомые вам вещи. Ведите дневник подобных открытий. В процессе такого изучения вы, конечно, захотите прочитать и имеющиеся комментарии к этим книгам.

В дополнение к изучению Библии не пренебрегайте изучением классических книг, посвященных христианскому опыту. Начните с „Исповеди“ блаженного Августина. Обратитесь к „Подражанию Христу“ Фомы Кемпийского. Не пренебрегайте „Присутствием Божиим“ брата Лоренса. Для своего наслаждения читайте „Цветочки святого Франциска“ брата Уголино. Возможно, вы захотите почитать что-то посложнее, как „Мысли“ Блеза Паскаля. Насладитесь „Застольными беседами“ Мартина Лютера. Обратитесь потом к „Правилам христианской религии“ Кальвина. Почитайте умиротворяющие дневники Джорджа Факса или Джона Веслея. Внимательно прочитайте Уильяма Лоу „Серьезный призыв к благочестивой и святой жизни“. Из произведений XX века читайте „Завет благочестия“ Томаса Келли, „Ученичество“ Дитриха Бонхоуфера и „Сущность христианства“ Льюиса.

Конечно, это только примерный круг чтения. Я пропустил „Откровения Божественной любви“ Джулианы из Норвича, „Введение в благочестивую жизнь“ Франциска Сальского и многое другое. Многие из этих мыслителей имеют необыкновенное проникновение в человеческие трудности. Восточные писатели, такие как китайский Лао Цзы и персидский Заратустра, Шекспир, Милтон, Сервантес и Данте, Толстой и Достоевский, а в наше время — Даг Хаммерхольд.

Одно слово предостережения: не отчаивайтесь от обилия книг, которых вы не читали. Может быть, вы не читали книги, упомянутые здесь, зато читали многие другие, которых тут нет. Перечисленные здесь книги должны только продемонстрировать прекрасную литературу, находящуюся в вашем распоряжении, чтобы руководить вами в вашем духовном странствии. Многие другие прошли этим путем и оставили об этом свои заметки. Помните, что ключ к дисциплине изучения — это не чтение многих книг, а переживание того, что мы читаем.

Изучение „бессловесных“ книг

Мы сейчас обращаемся к наименее признанной, но, может быть, наиболее важной области изучения: наблюдению жизни в предметах, событиях, действиях. Начнем с природы. Нетрудно заметить, что сотворенный порядок содержит в себе то, чем он может нас научить.

Исайя говорит нам: „... горы и холмы будут петь пред вами песнь, и все деревья в поле рукоплескать вам“ (55:12). Творение Творца может говорить нам и учить, нас, если мы готовы слушать. Мартин Бубер рассказал историю о раввине, который каждый день на заре ходил на пруд, чтобы научиться „песне, которой лягушки славят Бога“.1

Мы начинаем изучение природы с того, что просто обращаем на нее внимание. Мы видим цветы или птиц. Мы наблюдаем за ними внимательно и молитвенно. Андре Жид описал время, когда во время лекции в классе он наблюдал, как мотылек вылупляется из куколки. Он был переполнен восхищением и радостью при этой метаморфозе, этом воскресении. В великом энтузиазме он показал это профессору, который сказал неодобрительно: „Что? Ты разве не знал, что всякая бабочка появляется из куколки?! Это совершенно естественно!“ Дальше писатель пишет: „Да, конечно, я знал естествознание и, может быть, не хуже учителя. Но как же он не видел, что, хотя процесс был совершенно естественный, он был тем не менее чудом? Бедняга. С этого времени я невзлюбил его и презирал его уроки“.2 Кто не поступил бы так же? Этот учитель имел массу информации, которую он не изучал. Таким образом, первый шаг в изучении природы — это уважительное наблюдение. Даже листик может говорить о порядке и разнообразии, сложности и симметрии. Ивлин Андерхил писал: „Сосредоточьтесь, как вы были научены, через упражнения. Затем, со всем вниманием,

не отвлекаемым всякими мелочами вашей повседневной жизни, обратитесь усилием любви и воли к одному из множества проявлений жизни, которая окружает вас, которую вы обычно едва замечаете, пока нужда не заставит. Излейте на ваш объект, не притягивайте к себе его образ. Это глубокое внимание, превосходящее весь ваш разум, — таково условие успеха. Сам по себе объект вашего внимания неважен. Альпы или насекомое — все годится, при условии, что ваше отношение правильно: все в этом мире, в котором вы простираетесь, связано между собой, и если их верно постигать, станут воротами к познанию остального .

Следующий шаг — это подружиться с цветами и деревьями и со всякими насекомыми, ползающими у вас под ногами. Как сказочный персонаж Дулиттл, разговаривайте с животными. Конечно, вы по-настоящему не можете говорить с ними... или можете? Есть некое общение, происходящее без слов, и животные, даже растения, кажется, отвечают на нашу дружбу и сострадание. Я знаю это потому, что экспериментировал в этой области, как и некоторые первоклассные ученые, и нашел это истинным. Возможно, истории о Франциске Ассизском, укрощающем волка и проповедующем птицам, не так уж далеки от правды. Во всяком случае мы можем быть уверены: если мы любим творение, мы сможем научиться от него. В „Братьях Карамазовых" Достоевский советовал: „Люби Божие творение, и в целом, и каждую песчинку его. Люби каждый листик, каждый луч Божьего света. Люби животных, люби растения, люби все. Если ты любишь все, ты постигнешь Божию тайну в вещах. А постигнув ее, ты начнешь понимать эту тайну лучше с каждым днем".4

Есть, конечно, много других „книг", кроме природы, которые мы должны изучать. Если вы будете наблюдать за человеческими взаимоотношениями, вы получите как бы высшее образование. Понаблюдайте, например, какая большая часть наших речей направлена на то, чтобы оправдать себя, свои действия. Мы находим почти невозможным просто действовать и предоставить нашим поступкам говорить самим за себя. Нет, у нас возникает такое побуждение? Это от гордости и страха. Ставкой является наша репутация!

Эта черта особенно заметна у продавцов, писателей, служителей, профессоров — всех тех людей,

которые зарабатывают на жизнь своим умением говорить. Если же, однако, мы сделаем самих себя объектом подобного изучения, мы постепенно освободимся от этой надменности. Мы будем не способны молиться молитвой фарисея: „Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди..." (Лк. 18:11).

Станьте внимательными к обычным отношениям и встречам каждого дня: дома, на работе, в школе. Замечайте, что именно руководит людьми. Помните, что вы не пытаетесь осуждать людей, но стараетесь учиться. Если вы заметите в себе дух осуждения, наблюдайте и это, и учитесь.

Как я уже говорил, главным объектом изучения должны стать мы сами. Нам нужно постараться понять, что именно руководит нами. Наблюдайте за своими внутренними чувствами и переходами настроений. От чего зависят ваши настроения? Что вы можете узнать о себе из этого?*

Делая так, мы не стараемся стать психологом или социологом-любителем. Не одержимы также излишним самокопанием. Мы изучаем все это в духе смирения и нужды в милости. Мы хотим следовать изречению Сократа — „Познай самого себя". И через благословенный Дух Святой мы ожидаем, что Иисус будет нашим живым и вечно присутствующим Учителем.

Мы хорошо сделаем, если станем изучать организации и культуры и те силы, под воздействием которых они образуются. Нам нужно также размышлять о событиях нашего собственного времени, отмечая, что именно в нашей культуре считается (или не

считается) „великим событием". Посмотрите на систему ценностей в вашей культуре, не на то, что люди сами о себе думают, а на то, что они есть в действительности.

Задавайте вопросы. Каковы преимущества и обязательства технологического общества? Какие изменения внесла пищевая индустрия в традицию сбора семьи за столом? Почему в нашей культуре оказывается таким трудным делом — найти время для общения? Является ли западный индивидуализм чем-то ценным или разрушительным? Что в нашей культуре соответствует Евангелию, а что расходится с ним? Одной из важных ролей христианских пророков нашего времени является их способность предвидеть последствия различных изобретений и других действующих в обществе сил и произносить о них веские суждения.

Изучение производит радость. Для новичков вначале это тяжкий труд. Но чем больше наши способности, тем больше и наша радость. Александр Поп сказал: „Нет такого изучения, которое было бы не способно приносить нам радость после того, как мы хоть немного сумеем его применить".⁵ Изучение заслуживает самых серьезных наших усилий.

II. ДИСЦИПЛИНА ВНЕШНЕГО ПОВЕДЕНИЯ

6. Простота

„Когда мы действительно пребываем во внутренней простоте, то все наше внешнее поведение делается искреннее, естественнее. Эта истинная простота побуждает нас осознавать, что такое открытость, мягкость, невинность, веселость, спокойствие, которые так притягательны, когда мы созерцаем их вблизи и постоянно, чистыми глазами. О, как любезна такая простота! Кто бы дал ее мне!? Я все оставляю ради нее. Это — жемчужина Евангелия".

Франсуа Фенелон

Простота — это свобода. Двойственность — это рабство. Простота производит радость и уравновешенность. Двойственность приносит с собой озабоченность и страх. У Екклесиаста мы находим такое наблюдение: „Бог создал человека правым, а люди пустились во многие помыслы" (7:29). (Бог создал человека простым, а все сложные человеческие проблемы — его собственного изобретения). Многие из нас испытывают, какое освобождение Бог дает нам через простоту, поэтому споем старинный гимн:

„Это дар — быть простым, Это дар — быть свободным, Это дар — спуститься вниз, где нам должно пребывать И где мы видим самих себя, как должно нам видеть. Тогда мы будем жить в долине любви и восхищения! Когда достигнута настоящая простота, Мы не будем стыдиться ни жить, ни любить, Поворачиваться туда и туда будет нашей радостью, Пока, так поворачиваясь, мы не обретем устойчивости".

Христианская простота — это внутреннее качество, которое производит определенный стиль жизни. И внутренняя, и внешняя стороны простоты — обе существенны. Мы обманываем себя, если думаем, что можно обладать внутренней простотой, которая не выражается в нашем образе жизни. А попытка организовать внешнюю простоту жизни ведет ко все убивающей законности.

Простота начинается с внутренней собранности. Она есть проявление того, что Томас Келли называл „Божественным центром". Кьеркегор выразил сущность христианской простоты в глубоком заглавии своей книги: „Чистота сердца есть желание Одного".

Переживание внутренней реальности освобождает нас и внешне. Речь становится правдивой и честной. Уходит жажда положения в обществе, потому что мы более в этом положении не нуждаемся. Мы удаляемся от всего показного и экстравагантного не потому, что мы себе не можем этого позволить, но из принципа. Наше имущество становится доступным для других. Мы испытываем то, о чем Ричард Бирд записал в своем дневнике после одиноких месяцев в Арктике: „Я познаю тот факт, что человек может жить глубокой жизнью, обходясь без массы вещей".¹

Современная культура не имеет ни внутренней реальности простоты, ни внешнего ее выражения в образе жизни. В своей внутренней жизни современный человек весь разорван. Он пойман в ловушку массы противоречивых желаний и привязанностей. В один момент он принимает решение на основе здравого смысла, но уже в следующее мгновение — на , основе страха перед общественным мнением. У него нет того центра, вокруг которого была бы организована его жизнь.

Из-за того, что в нас не хватает Божественного центра, а мы нуждаемся в чувстве безопасности, эта нужда влечет нас к нездоровой привязанности к вещам. Нам нужно ясно сознавать, что тяга к изобилию в современном обществе — это психоз. Это психоз потому, что она утратила всякую связь с реальностью. Мы жаждем вещей, которые и не нужны нам, и не приносят радости: „Мы покупаем вещи, которые нам не нужны, — сказал один автор, — чтобы произвести впечатление на людей, которые нам вовсе не нравятся".² Нам стыдно носить вещи до того, что они изнашиваются, и водить машины до тех пор, пока они не сломаются. Средства массовой коммуникации уверили нас в том, что немодное — нереально. Пришло время пробудиться и понять, что, соглашаясь с большим обществом, мы сами становимся больными. Пока мы не увидим, насколько разбалансированно наше общество в этом отношении, мы не сможем справиться с духом маммоны внутри нас и не сможем желать христианской простоты.

Психоз проник даже в нашу мифологию. Современным героем является бедный юноша, ставший богатым, а не богатый юноша, который добровольно становится бедным, в согласии с францисканским и буддистским идеалами. А девушку в такой роли мы вообще не можем даже и вообразить. Завистливость мы называем честолюбием. Жадность мы называем изобретательностью. Накопительство — благоразумием.

Далее, очень важно понять, что современная контркультура вряд ли исправляет дело. Это поверхностное изменение в стиле жизни, без серьезного решения коренных проблем потребительского общества. Так как контркультуре всегда не хватало определенной позиции и положительной программы, она неизбежно вырождалась в пустяки. Артур Риш утверждает, что „в основе своей контркультура — это зеркало худших черт старого, больного общества. Революция вовсе не состоит в даровых наркотиках, свободе секса и абортах по первому желанию... Псевдосвободная эротика, элементы садомазохизма и сексуальные объявления в большей части подпольной прессы — это извращения старого порядка и выражение смерти".³

Мы должны иметь мужество назвать новые, более человеческие образы жизни. Нам нужно стать исключениями в современном психозе, при котором люди определяются тем, сколько они могут произвести или сколько заработать. Современная система — путь к смерти, поэтому нам нужен эксперимент с новыми альтернативами. Простота образа жизни — это не утраченная мечта, а постоянно, сквозь всю историю обновляющееся видение. Им можно овладеть и сегодня. Должно.

Библия и простота

Прежде чем пытаться выковать христианский взгляд на простоту, необходимо разрушить господствующее мнение, будто взгляд Библии на экономику двусмыслен. Наше отношение к богатству сугубо индивидуально. Учение Библии в этом вопросе зависит от истолкования. Мы также стараемся уверить себя, будто Иисус вообще не касался экономических проблем.

Серьезное прочтение Библии не может поддержать подобную точку зрения. Библейские установления, направленные против эксплуатации бедного и накопления богатства, ясны и прямолинейны. Библия бросает вызов почти всем экономическим ценностям нашего времени. Например, Ветхий Завет возражает против общепринятого мнения об абсолютном праве на частную собственность. Земля принадлежит Богу и потому не может находиться в вечном владении того или иного человека (Лев. 25:23). В юбилейный год вся земля должна была возвращаться к первоначальному владельцу. Фактически назначением юбилейного года было постоянное перераспределение богатства, так как и само богатство рассматривалось как принадлежащее Богу, а не человеку. Такой радикальный экономический взгляд опрокидывает все современные учения и практику в этой области. Если бы только Израиль верно соблюдал юбилейный год, он нанес бы смертельный удар вечной проблеме „богатые богатеют, а бедные беднеют“.

Библия постоянно и определенно указывает на внутренний дух порабощения, возникающего от идолопоклонства и привязанности к богатству. „Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца“, — советует псалмопевец (61:11). Десятая заповедь направлена против зависти, внутренней похоти „иметь“, которая ведет к кражам и насилию. Мудрец понимал, что „надеющийся на богатство свое упадет“ (Прит 11:28).

Иисус объявил войну материализму того времени. Арамейский термин для богатства был „маммона“, и Иисус осудил его как противника Бога: „Никакой слуга не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне“ (Лк. 16:13). Он часто говорил об экономических проблемах. Он сказал: „Блаженны нищие... ибо ваше есть Царствие Божие“ и „Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение“ (Лк. 6:20, 24). Он графически изобразил, как трудно богатому войти в Царствие Божие: это так же трудно, как верблюду пройти сквозь игольное ушко. С Богом, конечно, все возможно, но Иисус ясно понимал трудность этого положения. Он видел ту хватку, с которой богатство может держать человека. Он знал, что, „где сокровище ваше, там будет и сердце ваше“, и Своим последователям Он заповедал: „Не собирайте себе сокровищ на земле“ (Мф. 6:21, 19). Он говорил не о том, что сердце должно или не должно быть там, где сокровище. Он констатировал простой факт, что, где бы ни было сокровище, там будет и сердце.

От молодого богатого юноши Иисус потребовал не просто внутреннего, психологического „отстранения“ от своих богатств, но чтобы он буквально от него избавился, если он действительно желал Царствия Божьего (Мф. 19:16-22). Он сказал: „Смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени“ (Лк. 12:15). Он советовал людям, которые приходили, ища Бога: „Продавайте имена ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища (кошельки) неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах...“ (Лк. 12:33). Он рассказал притчу о богатом земледельце, жизнь которого сводилась к накопительству, и назвал его безумным (Лк. 12:16-21). Он сказал, что, если мы действительно желаем Царствия Божия, мы должны, как купец в поиске драгоценных жемчужин, быть готовыми продать все, чтобы иметь его (Мф. 13:45-46). Он призывал всех, кто последует за Ним, к радостной, беззаботной жизни, свободной от бремени обладательства: „Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад“ (Лк. 6:30).

Иисус говорил об экономике больше, чем о любой другой общественной проблеме. Если в сравнительно простом обществе наш Господь подчеркивал духовные опасности богатства, насколько же серьезнее должны относиться к этому вопросу мы, живущие в высшей степени богатой культуре.

Послания отражают ту же самую озабоченность. Апостол Павел говорил: „Желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу“ (1 Тим. 6:9). Епископ не должен быть „сребролюбив“ (1 Тим. 3:3). Дьякон не должен быть „корыстолюбив“ (1

Тим. 3:8). Автор Послания к Евреям советовал: „Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя" (13:5). Апостол Иаков осуждал убийства и войны из-за жадности обладания: „Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? Желаете — и не имеете; убиваете и завидуете — и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете — и не имеете" (4:1,2). („Вы желаете и не имеете, поэтому вы убиваете. Вы завидуете и не можете получить, поэтому вы воюете"). Апостол Павел называл зависть идолопоклонством, а от коринфян требовал, чтобы они принимали суровые меры против виновных в корыстолюбии и жадности (Еф. 5:5 и 1 Кор. 5:11). Он считал лихоимство среди блуда и воровства и утверждал, что живущие во всем этом Царствия Божия не наследуют. Он советовал богатым не полагаться на свое богатство, но уповать на живого Бога и благодетельствовать окружающим (1 Тим. 6,17-19).

Сказав все это, я спешу прибавить, что Бог заботится о нас и о том, чтобы мы имели и материальное обеспечение. Нищета — это тоже несчастье, как и стремление обогащаться. Насильственная нищета — это зло и должна быть отвергнута. Библия не поощряет крайнего аскетизма. Писания постоянно утверждают, что творение — хорошо, и надо ему радоваться. Аскетизм производит небиблейское разделение на мир духовный и мир материальный, как мир добра и мир зла, и, таким образом, предлагает спастись тем, чтобы как можно меньше внимания уделять физическому существованию.

Аскетизм и простота — взаимно несовместимы. Случайные внешние черты сходства никогда не должны затемнять решительное различие между ними. Аскетизм отказывается от всякого обладания, простота рассматривает имение в должной перспективе. Аскетизм не находит места для „страны, где течет молоко и мед". Простота может радоваться этому чудному обеспечению из руки Божией. Аскетизм находит удовлетворение только в унижении. Простота может удовлетворяться и скудостью, и изобилием (Фил. 4:12).

Простота есть то единственное, что способно переориентировать наши жизни так, что мы сможем наслаждаться тем, что мы имеем, и оно не будет оказывать на нас разрушительного действия. Без простоты мы либо капитулируем перед духом маммоны, правящим этим злым веком, либо впадем в законнический аскетизм. И то и другое ведет к идолопоклонству. Оба смертельны для духа.

В Писании много говорится, как Бог дает материальное изобилие для Своего народа: „Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю добрую... в землю, в которой... ни в чем не будешь иметь недостатка" (Втор. 8:7-9). Но столь же много говорится и о том, что материальное благополучие опасно, если не воспринимается в должной перспективе: „Смотри..., чтобы ты не сказал в сердце твоём: моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство сие" (Втор. 8:17).

Духовная простота как раз и обеспечивает эту требуемую перспективу. Простота освобождает нас для принятия материального обеспечения как дара Божьего, который не является нашим, чтобы нам его хранить, но чтобы делиться им с другими. Как только мы признаем, что Библия с одинаковой энергией отвергает и материалистический, и аскетический подход, мы готовы с вниманием отнестись к христианскому пониманию простоты.

Точка опоры

Архимед сказал: „Дайте мне точку опоры, и я переверну землю". Такая опорная точка важна во всякой духовной дисциплине, но особенно это относится к простоте. Из всех духовных дисциплин простота является самой видимой и потому наиболее открытой для порчи. Большинство христиан никогда серьезно не занималось вопросом простоты, игнорируя для своего удобства многие предостережения Христа, касающиеся этой области. Причина этого ясна: здесь бросается вызов нашей любви к богатой жизни. Но

тот, кто воспринимает библейское учение серьезно, подвергается тут же суровым искушениям легализма: мы склонны канонизировать свой выбор одежды или дома, как „простоту“, простой образ жизни. Эта опасность делает особенно важным выбор „точки опоры“. Мы находим ее в следующих словах Иисуса: „Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи и тело — одежды?... Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам“ (Мф. 6:25-33).

Точка опоры для духовной простоты — это искать Царства Божия и правды Его прежде всего, и тогда все необходимое придет в должном порядке. Невозможно переоценить пронизательность Иисуса в этом вопросе. Все держится на том, чтобы первое было первым. Ничто не должно стоять впереди Царства Божия, даже желание простого образа жизни.

Простота может стать идолопоклонством, если стоит прежде нашего поиска Царства Божия. Кьеркегор писал: „Ищите прежде Царства Божия и правды Его“. Что это значит, что мне нужно делать, какие усилия прилагать, чтобы исполнить эти слова? Должен ли я постараться получить работу, соответствующую моим талантам и возможностям, чтобы как можно больше влиять на общество? Нет, я должен прежде всего искать Царства Божия. Тогда, может быть, я должен отдать все мое богатство бедным? Нет, я должен прежде всего искать Царства Божия. Должен ли я в таком случае идти и проповедовать это учение всему миру? Нет, я должен прежде всего искать Царства Божия. Но в таком случае я в известном смысле ничего не должен делать? Да, конечно, в известном смысле все является ничем, совершенным ничем перед лицом Божиим. Научись быть молчаливым. В этом молчании есть начало того, чтобы искать Царства Божия прежде всего".*

Сосредоточение на Царстве создает внутреннюю реальность, а без нее мы дегенерируем в мелочи законничества. Ничто, кроме Царства, не может быть главным. Даже желание выбыть из тараканьих бегов жизни, или перераспределение богатств мира, или забота об экологии не могут быть главнее Царства.

Искать Царства Божия и правды Его прежде всего, и в плане личном, и в плане общественном, — это единственная главная вещь в духовной дисциплине простоты.

Человек, который не ищет Царствия Божия прежде всего, не ищет его вовсе. Как ни важны другие заботы, они превращаются в идолов, как только мы делаем их центром внимания. Мы объявляем, что именно наша деятельность и есть христианская простота. В действительности же, когда Царство Божие искренне ставится нами на первое место, прежде всего другого, тогда и все другие наши заботы — экология, бедные, равное распределение и многое другое — оказываются на своем месте, получают должное внимание.

В приведенном нами отрывке Иисус так ясно выразил мысль, что свобода от озабоченности есть внутреннее свидетельство того, что мы действительно ищем Царства Божьего прежде всего. Внутренняя реальность простоты предполагает жизнь радостной беззаботности относительно своего имени. Ни жадный, ни нищий не знают этой свободы. Эта свобода не зависит ни от обилия имени, ни от нехватки его. Это внутренний признак доверия. Сам по себе факт, что какой-то человек живет вообще без вещей, не является доказательством того, что он живет просто. Апостол Павел учил нас, что сребролюбие есть корень всех зол, и часто те, у кого меньше его, любят его всех больше. Человек может внешне жить просто, а внутри быть исполненным забот. Точно так же и богатство не приносит с собой свободы от озабоченности. Кьеркегор пишет: „... богатство и изобилие приходят, лицемерно одетые в овечью шкуру, претендуя, что они будто бы являются гарантией против озабоченности, но они тут же становятся именно источником этой озабоченности... они являются гарантией безопасности в той же мере, в какой ею является волк, пасущий овец".5

Свобода от озабоченности характеризуется тремя внутренними позициями. Если то, что мы имеем, мы принимаем как дар, если о нашем имении заботится Бог и если то, что мы имеем, доступно другим, то мы обладаем этой свободой. Это и есть внутренняя реальность простоты. Если же, наоборот, мы верим, что свое имение заработали сами и сами должны его держать и никому его не давать, тогда мы будем осаждаемы заботами. Таковые никогда не познают простоты, независимо от того, в каких условиях они живут и как стараются показать внешний стиль простоты.

Воспринимать все, что мы имеем, как дар от Бога — это первое условие простоты. Мы трудимся, но не наш труд дает нам то, что мы имеем. Мы живем милостью даже тогда, когда речь идет о „хлебе насущном". Мы зависим от Бога в простейших элементах жизни: воздух, вода, солнце. То, что мы имеем, не является результатом нашего труда, но милостивого попечения Божия. Достаточно небольшой засухи или несчастного случая, чтобы сразу показать нам, насколько во всем мы зависим от Бога.

Знать, что это Божье дело, а не наше — заботиться о нашем имении, — это второе условие простоты. Бог способен защитить то, чем мы обладаем. Мы можем довериться Ему. Значит ли это, что не надо и дверей запирать? Конечно, нет. Но мы знаем, что не замок охраняет дом. Если мы будем считать, что наша осторожность и предусмотрительность защитят нас и наше добро, то озабоченность оседлает нас. Простота означает полное доверие Богу во всем.

Делиться своим имением с другими — это третье условие простоты. Мартин Лютер как-то сказал: „Если наше добро недоступно общине, то это краденое добро". Нам трудно понять эти слова, потому что мы боимся будущего. Вместо того, чтобы делиться своим даром, мы прилепляемся к нему, потому что беспокоимся о завтрашнем дне. Но если мы действительно верим, что Бог таков, как о Нем говорил Иисус, то нам не надо бояться. Когда мы видим Бога как Всемогущего Творца и нашего любящего Отца, тогда мы можем делиться, потому что Он будет заботиться о нас. Если кто-то нуждается, мы свободны помочь ему. И опять же простой здравый смысл поможет нам не делать здесь глупостей.

Когда мы действительно ищем Царства Божьего прежде всего, тогда все эти три черты будут характеризовать нашу жизнь. Взятые все вместе, они и есть то, что Иисус называл „не заботьтесь". И мы можем быть уверены, что, живя в этой реальности, получим все остальное, необходимое для „жизни с избытком".

Внешнее выражение простоты

Если мы ограничимся описанием простоты как чего-то исключительно внутреннего, мы сфальшивим... Переживая действие освободительного духа внутренней простоты, мы обязательно изменим и внешний образ своей жизни. Мы уже предостерегали об опасности законничества при переносе центра тяжести на внешнее, а не на внутреннее. И, однако, я должен пойти на этот риск, потому что ограничиться только характеристикой внутреннего состояния — это значит дать только теоретическое освещение вопроса. В конце концов все авторы Писаний идут на этот риск.*

Я хочу перечислить десять основных проявлений простоты человека в жизни. Не надо их рассматривать как законы, но как попытку материализовать значение простоты в применении к XX веку.

Первое — покупайте вещи по принципу их нужности для вас, а не ради престижа. Если вам практически удобнее велосипед, покупайте его, а не машину. В выборе жилья ориентируйтесь тоже на удобство, а не на то, какое впечатление на других оно произведет. Размер жилья тоже должен быть разумным.

Пересмотрите свои одежды. Большинству людей вовсе не требуется обширного гардероба. Они покупают новые вещи не по необходимости, а желая следовать моде.

Покупайте только то, что вам нужно. И носите свою одежду, пока она не износится. Перестаньте стараться производить на людей впечатление своими вещами, лучше делайте это своей жизнью. Если это возможно в вашем положении, научитесь радости шить самой. Делайте вещи практичные, а не вычурные. Джон Веслей говорил: „Что касается внешнего, то я предпочитаю покупать вещи самые прочные и самые простые, какие я только могу найти. Из мебели я покупаю только самое необходимое и дешевое".6

Второе — отбросьте все, что вызывает в вас приверженность или склонность. Научитесь различать, где у вас действительная психологическая нужда (например, в бодром окружении), а где — приверженность. Откажитесь от таких напитков, как алкоголь, кофе, чай, кока-кола и т.п. Если вы привыкли к телевизору, избавьтесь от него любыми средствами, продайте его или отдайте. Избавьтесь от всех видов информации, без которых вы можете обойтись — радио, стерео, газеты, кино, журналы, книги. Для многих людей серьезной привязанностью стал шоколад. Если вы привязаны к деньгам, отдайте часть их, и вы почувствуете внутреннее облегчение. Простота — это свобода, а не рабство. Не будьте рабом ничему и никому, кроме Бога.

Помните, что приверженность к чему-либо по своей природе это нечто, находящееся вне вашего контроля. Волевые решения здесь бесполезны. Вы не можете принять решение — освободиться от чего-то. Но вы можете решиться открыть эту область своей жизни для прощающей милости и целительной силы Бога. Вы можете решиться позволить своим друзьям, знающим путь молитвы, встать вместе с вами. Придет день, который вы сможете решиться прожить в простоте, в спокойной зависимости от Божьего вмешательства.

Как различить эту привязанность? Очень просто: понаблюдайте за своими произвольными проявлениями. Один студент, мой друг, рассказал мне, как однажды утром, когда он спустился за газетой, он не нашел ее в ящике. Он пережил настоящую панику, не представляя, как начнет день без газеты. Затем он увидел утреннюю газету во дворе соседа и начал соображать, как бы туда проникнуть и выкрасть ее. И тут он понял, что речь идет об истинной его привязанности. Тогда он помчался домой и позвонил на почту, чтобы отменить свою подписку. Служащий, видимо заполняя заявление, вежливо его спросил: „Почему вы отменяете свою подписку на газету?" Мой друг выпалил прямо: „Потому что я к ней привязан!" Бестрепетный служащий задал следующий вопрос: „Хотите ли вы отменить всю подписку или же хотите сохранить воскресный выпуск?" На это он ответил: „Нет, я уезжаю". Конечно, это не значит, что каждый должен отказаться от своей газеты, но для этого молодого человека это был важный шаг.

Третье — развейте в себе привычку отдавать. Если вы обнаружили, что привязались к чему-то в своем добре, поразмыслите, кому его отдать, кто в этом нуждается. Я до сих пор помню Рождество, когда я принял решение — не покупать подарка и не мастерить его, а отдать что-то очень для меня ценное. Причина такого моего желания была эгоистичная: я хотел познать то освобождение, которое происходит от простого акта добровольной бедности. В данном случае речь шла о велосипеде с десятью скоростями. Когда я ехал на нем к дому моего друга, я впервые пел со значением известный гимн для общего пения: „Даром получили, даром давайте!" И вот теперь мой шестилетний сын услышал, что у его одноклассника нет коробочки для завтрака, и он спрашивает меня, нельзя ли отдать ему свою собственную коробочку. Аллилуйя!

Не накапливайте вещей. Они усложняют жизнь. Их надо перебирать, перетряхивать, чистить, сортировать до тошноты. Большинство из нас легко может расстаться с половиной своего имущества. Мы сделаем хорошо, если последуем совету Торо: „Упрощайте, упрощайте".

Четвертое — откажитесь от всяких услуг рекламы и так называемых полезных советов. Советы по экономии времени никогда его не экономят. Берегитесь таких слов: „Это оправдывает себя через шесть месяцев". Большинство таких рекламных материалов

только усложняет нашу жизнь. Особенный вред они наносят производству игрушек. Нашим детям вовсе не нужны куклы, которые плачут, едят, потеют, писают и плюют. Старая драная кукла может быть и более любимой и более долговечной. Часто дети находят гораздо больше радости в играх со старым горшком, чем с космическим устройством. Ищите игрушки, которые могут иметь воспитательное воздействие и которыми можно долго пользоваться. Некоторые игрушки делайте сами.

Обычно всякие механические приспособления ведут к совершенно излишней трате мировых энергетических ресурсов. В США живет менее 6% населения мира, однако мы тратим около 33% всей мировой энергии. Одни только кондиционеры потребляют столько же энергии, как весь Китай.⁷ Ответственность за экологическое состояние среды должна удерживать нас от покупки большей части приспособлений, производимых сегодня.

Рекламы пытаются убедить нас, что мы должны продать старую вещь и купить новую, более модную. Швейные машины делают новый вид стежков, а у магнитофона больше кнопок. Реклама соблазняет нас купить вещь, которая нам не нужна. Старый холодильник, может быть, прослужит до конца моих дней, даже и не имея автоматической морозильной камеры и не будучи раскрашен в цвета радуги.

Пятое — научитесь радоваться и тому, чем вы не владеете. Обладание — это одержимость нашей культуры. Если мы чем-то владеем, мы можем этим управлять и потому испытываем большее наслаждение. Это все иллюзия. Можно многим наслаждаться, вовсе этим не владея. Гуляйте по пляжу, не стремясь обладать кусочком его. Пользуйтесь общественными парками и городскими библиотеками.

Шестое — развейте в себе более глубокое отношение к творению. Будьте ближе к земле. Ходите пешком, когда только можете. Слушайте птиц — они посланники Божий.

Наслаждайтесь травой и листьями, их формой, строением. Подивитесь на богатые краски везде. Простота означает умение снова и снова открывать, что „Господня — земля и что наполняет ее" (Пс. 23:1).

Седьмое — со здоровым скептицизмом относитесь к призывам: „Купи сегодня, а платить — потом!" Это ловушка и узы. И Ветхий, и Новый Завет осуждают ростовщичество, получение какого бы то ни было процента. Это рассматривалось как использование несчастья другого. Иисус отвергал ростовщичество, как признак старой жизни, и наставлял своих учеников: „Взаймы давайте, не ожидая ничего" (Лк. 6:35).

Эти слова Писания не должны рассматриваться как всеобщий закон для всех культур. Но нельзя их и рассматривать как совершенно не относящиеся к нашему времени. За этими библейскими предписаниями стоят века нажитой мудрости и, возможно, горького опыта. Благоразумие советует нам не делать долгов.

Восьмое — повинуйтесь наставлениям Христа, относящимся к простой и честной речи: „Но да будет слово ваше: „да, да", „нет, нет"; а что сверх этого, то от лукавого" (Мф. 5:37). Если вы согласились выполнить работу, сделайте ее. Избегайте лести и полуправды. Пусть отличительной чертой вашей речи будет честность. Откажитесь от жаргонных словечек, а также — от абстрактных рассуждений, которые скорее затемняют смысл, чем просвещают и наставляют.

Простая речь трудна, потому что мы так редко живем Божественным центром, так редко отвечаем только на Божественные побуждения. Часто нас сковывает страх того, что скажут о нас другие, часто мы исходим из совершенно других мотивов, произнося наши „да" и „нет". Мы легко меняем свои решения, когда возникает новая, более благоприятная для нас ситуация. Но если наша речь исходит из повиновения Божественному центру, то у нас не будет причины менять свои решения. Кьеркегор писал: „Если вы совершенно послушны Богу, то в вас нет ничего двусмысленного, вы в

простоте своей ходите перед Богом. Существует одна-единственная вещь, которую никакие сатанинские ухищрения и соблазны не могут заставить .врасплох, и это — простота".⁸

Девятое — отбросьте все, что может служить к подавлению других. Возможно, никто не выразил этот принцип яснее, чем квакер XVI века, портной Джон Вульман. Его знаменитый „Дневник" полон частых высказываний его желания — жить так, чтобы не подавлять других. „И вот, пересматривая свою жизнь, я спрашиваю себя, насколько я, как личность, воздерживался от всего, что возбуждает войны или связано с ними, будь это здесь или в Африке; мое сердце глубоко озабочено тем, чтобы в своем жизненном хождении я мог бы во всем держаться чистой истины и жить в простоте искреннего последователя Христа... И вот я вижу всю эту роскошь и зависть и многочисленные насилия, связанные с ними, и это причиняет мне страдания, и я вижу в этом некую неизменность, семена великого бедствия и разорения посеяны на этой земле и быстро растут на нашем континенте".⁹ Христианам XX века очень трудно посмотреть в лицо этим фактам. Попиваем ли мы кофе или едим бананы, не делаем ли мы это за счет эксплуатации латиноамериканских крестьян? В мире ограниченных ресурсов не означает ли наша похоть богатства — нищеты для других? Должны ли мы покупать продукты, произведенные насильственным принуждением томительного труда на конвейере? Что касается нашей собственной работы, пользуемся ли мы иерархическими отношениями на фабрике или в компании, которые держат других под нами? Не подавляем ли мы наших детей или жену, заставляя их выполнять труд, который считаем ниже своего достоинства? Часто подавление связано с национальностью или полом: кто-то из-за этого получает меньшую зарплату. Да пошлет нам Бог современных пророков, которые, как Джон Вульман, призвали бы нас воздержаться от „желания богатства" так, чтобы мы были способны „разбить иго подавления".¹⁰

Десятое — избегайте всего, что может отвлечь вас от вашей главной цели. Джордж Фоке предостерегал: „Существует «; соблазн и опасность для вас быть поглощенным своим бизнесом и едва ли быть способным сделать что-либо для вашего Бога, Которому вы служите. Вы погрузитесь в проблемы и не сможете быть над ними... И тогда, если Бог остановит вас на море и на земле и возьмет ваши богатства и отнимет ваши привычки, чтобы ваш ум ими не затруднялся, тогда ваш ум, который так обременен, будет мучиться, находясь вне силы Божией".

Да даст нам Бог мужество, мудрость и силу всегда держаться главнейшего в жизни — „искать прежде всего Царства Божия и правды Его", понимая все, что входит в эти слова. Поступать так — это и значит жить в простоте.*

7. Дисциплина уединения

„Обоснуйся в одиночестве, и ты наткнешься на Него в себе самом".

Тереза Авильская

Иисус зовет нас от одиночества к уединению. Страх остаться одному приводит людей в оцепенение. Приезжий новый ребенок плачет матери: „Никто со мной не играет!" Студентка колледжа тоскует по своим школьным годам, когда она была центром внимания: „Теперь я — никто". Должностное лицо сидит в своем офисе: он могуществен, но одинок. Старая женщина лежит в приюте, ожидая, когда она пойдет „домой".

Наш страх остаться одному гонит нас к шуму и толпе. Мы непрерывно говорим, хотя слова наши бессодержательны. Мы покупаем радио и привязываем его к кисти или прилаживаем к ушам, чтобы, когда никого нет с нами рядом, мы по крайней мере не были бы обречены на молчание. Т. С. Элиот хорошо понимал нашу культуру, когда

писал: „Где найти мир, где услышать слово? Не здесь, потому что здесь не хватает молчания".1

Но быть одиноким или же быть окруженным грохотом — не единственные существующие альтернативы. Мы можем развивать внутреннее одиночество и молчание, которые освобождают нас как от страха, так и от чувства, что мы одиноки в мире. Одиночество — это внутреннее осуществление. Это не место, где мы одни, а состояние ума и сердца.

Есть одиночество (уединение) сердца, которое можно поддерживать в себе все время. Толпы или же их отсутствие мало влияют на эту внутреннюю внимательность. Вполне возможно быть отшельником в пустыне и никогда не испытать этого уединения. Но если мы обладаем им, мы не будем бояться одиночества: мы знаем, что мы не одни. Не будем также бояться быть с другими людьми, потому что они не контролируют нас. Среди шума и смешения мы погружены в глубокое молчание.

Внутреннее уединение проявится и внешне. Будет свобода оставаться одному не для того, чтобы избежать людей, но для того, чтобы лучше слышать Божественный шепот. Иисус жил во внутреннем „уединении сердца". Он также часто бывал и внешне одиноким. Он начал Свое служение с сорока дней в пустыне (Мф. 4:1-11). Перед избранием двенадцати Он провел всю ночь в горах (Лк. 6:12). Когда Он узнал о смерти Иоанна Крестителя, Он „удалился... в пустынное место один" (Мф. 14:13). После чуда с хлебами Он понудил учеников Своих отправиться на лодке, потом Он отпустил толпу и „взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один" (Мф. 14:23). После длинной ночи трудов Он, „утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился" (Мк. 1:35). Когда двенадцать вернулись со своей миссии проповеди и исцелений, Иисус наставил их: „Пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного" (Мк. 6:31). После исцеления прокаженного Иисус ушел „в пустынные места и молился" (Лк. 5:16). С тремя учениками Он искал молчания пустынной горы, как места Преображения (Мф. 17:1-9). Готовясь к самому большому Своему труду, Иисус искал уединения в Гефсимании (Мф. 26:36-46). Можно продолжить, но, возможно, этого достаточно, чтобы показать, что Иисус постоянно искал уединенных мест. То же самое должны делать и мы.

В своей книге „Жизнь вместе" Дитрих Бонхоуфэр одну из глав назвал „День вместе", а следующую — „День в одиночестве". И то и другое важно для духовного роста. Он писал: „Пусть тот, кто не выносит одиночества, остерегается общества. Пусть тот, кто не в обществе, остерегается быть одному... И то, и другое само по себе чревато многими опасностями. Кто желает общения, не зная одиночества, тот погружается в пустоту слов и чувств. Кто ищет одиночества и избегает общения, тот погибает в бездне тщеславия, самообольщения и отчаяния".2

Поэтому мы должны искать восстанавливающей тишины одиночества, если хотим полноценного общения. Мы должны искать общения и ответственности за других, если мы хотим сделать свое одиночество безопасным. Нам нужно развивать то и другое, если хотим жить в послушании.

Одиночество и молчание

Без молчания нет одиночества. Хотя молчание — это отсутствие речи, оно включает в себя слушание. Если просто воздерживаться от разговора, а сердцем не слушать Бога, — это не молчание. День, заполненный шумом и голосами, может быть днем молчания, если этот шум и эти голоса становятся для нас эхом Божьего присутствия, если они являются для нас Его посланиями и просьбами. Когда же мы заняты сами собой, то это не молчание.3

Нам нужно понять связь между внутренним одиночеством и внутренним молчанием. Они нераздельны. Все, знающие законы внутренней жизни, говорят о молчании и

одиночестве на одном дыхании. Например, „Подражание Христу“ — ни с чем не сравнимый шедевр, посвященный благочестивой, набожной жизни и остающийся таковым уже пять столетий, имеет раздел, озаглавленный „Любовь к одиночеству и молчанию“. Я сам долго колебался, как мне озаглавить этот раздел, — „Дисциплина молчания“ или „Дисциплина одиночества“, столь тесно они друг с другом связаны в духовной литературе. В силу этой необходимости нам нужно понять и испытать преображающую силу молчания, если мы хотим познать, что такое одиночество.

Есть старая поговорка, что „человек, который открывает свой рот, закрывает свои глаза“. Целью молчания и одиночества является способность видеть и слышать. Ключ к молчанию — это не отсутствие шума, а присутствие контроля. Апостол Иаков ясно видел, что человек, который может контролировать свой язык, — это человек совершенный (Иак. 3:1-12). Дисциплина молчания и одиночества научает нас, когда говорить и когда воздерживаться от этого. Кто рассматривает дисциплину как законы, тот сразу превратит молчание в абсурд: „Я не буду говорить сорок дней!“ Это всегда является суровым испытанием для любого настоящего ученика, желающего жить в молчании и одиночестве. Фома Кемпийский писал: „Легче вовсе молчать, чем говорить умеренно“.4 У Екклезиаста говорится, что „есть время молчать и время говорить“ (3:7). Контроль — это ключ.

Когда апостол Иаков сравнивает язык то с удилами, то с рулем, он утверждает, что язык и направляет, и контролирует. Язык определяет курс нашей жизни во многих отношениях. Если мы солжем, то скоро будем вынуждены лгать еще и еще, чтобы покрыть первую ложь. Вскоре мы будем вынуждены и вести себя соответственно, чтобы подтвердить всю ложь и вызвать к ней доверие. Неудивительно, что Иаков называет язык „огонь, прикраса неправды“ (3:6).

Дисциплинированный человек — это тот, который может сделать то, что нужно сделать и тогда, когда это нужно сделать. „Золотые яблоки в серебряных прозрачных сосудах — слово, сказанное прилично“ (Прит. 25:11). Если мы молчим, когда нам нужно говорить, — это так же вне всякой дисциплины, как и то, когда мы говорим, а должна бы молчать.

Жертвоприношение невежд

Когда мы начинаем по собственной, человеческой воле религиозный разговор, — это и есть жертва невежд и глупцов. «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги» (Еккл. 5:1).

Когда Иисус взял Петра, Иакова и Иоанна на гору и там преобразился перед ними, Моисей и Илия явились и беседовали с Иисусом. В греческом тексте написано: „И отвечая, Петр сказал им...“. Вот это именно тот тип разговора, против которого я говорю: никто не обращался к Петру! Но он взялся отвечать.

В „Дневнике“ Джона Вульмана есть трогательный рассказ о контроле над языком. Я процитирую этот отрывок полностью.

„Я ходил на собрания в ужасном состоянии духа, пытаюсь, однако, говорить языком истинного Пастыря. Однажды я встал и сказал несколько слов на собрании, а затем добавил много других, которые от меня вовсе не требовались. Скоро я почувствовал свою ошибку, и несколько недель провел без всякого света и утешения, я не мог ни в чем найти удовлетворения. Я обратился к Богу, и Он сжалился надо мною в глубине моего отчаяния и послал Утешителя. И я испытал Его прощение, мой ум успокоился, я искренне благодарил моего милостивого Избавителя за Его помощь. Через шесть недель после этого я почувствовал, как во мне открылся источник Божественной любви и явилось желание говорить. И я сказал несколько слов на собрании и нашел в них покой. Получив этот опыт смирения под крестом, я укрепился в способности различать

чистый дух, движущийся в моем сердце, который учит меня иногда целые недели молчать, пока не почувствую в своем сердце тот подъем, который делает меня как бы трубой, через которую Господь говорит к Своим овцам".⁵

Это прекрасное описание того процесса обучения, через который проходит каждый желающий научиться дисциплине молчания! Здесь очень важно, что в результате этого опыта он получил способность „различать чистый дух, движущийся в сердце". Есть одна причина, почему нам трудно дается молчание: оно делает нас беспомощными. Мы так привыкли полагаться на слова и через них управлять другими. Если мы будем молчать, кто же возьмет на себя контроль над другими? Бог возьмет; но мы никогда не позволим Ему этого сделать, если мы не доверяем Ему полностью и совершенно. Молчание, таким образом, соотносится с доверием.

Язык является нашим могущественным орудием манипулирования другими. Слова так и льются из нас, потому что мы находимся в постоянном процессе создания и корректировки своего образа в глазах людей. Мы так боимся того, что люди увидят в нас и что о нас подумают, и вот мы говорим, стремясь „выпрямить" их понимание. Если я что-то сделал неправильно и понял, что и вы знаете об этом, я очень хочу помочь вам понять мои действия! Молчание — это одна из глубочайших дисциплин духа уже потому, что она останавливает все подобные искушения.

Одним из плодов молчания является свобода — предоставить Богу оправдывать нас. Нам самим не надо за себя вступаться. Есть история об одном средневековом монахе, которого несправедливо обвинили в каких-то проступках. Однажды он выглянул в окно и увидел собаку, которая кусала и рвала коврик, повешенный для просушки. Пока он смотрел на это зрелище, Господь сказал ему: „Вот именно это Я делаю с твоей репутацией. Но если ты доверишься Мне, тебе не будет нужды заботиться о мнении других людей". Возможно, более, чем что-либо другое, именно молчание приводит нас к уверенности, что Бог может оправдать нас и выправить всю ситуацию.

Джордж Фокс часто говорил о „духе рабства" (Римл. 8:15) и о том, что мир пребывает именно в этом духе. Он часто отождествлял дух рабства с раболепством перед людьми. В своем „Дневнике" он писал о том, как вывести „людей из людей", прочь от этого духа, рабства закону через других людей. Молчание — это главное средство для нашего освобождения.

Язык — как термометр: он говорит о нашей духовной температуре. Но он является также термостатом: он контролирует нашу духовную температуру. Обуздание языка может означать все. Свободны ли мы настолько, что можем контролировать свой язык? Бонхоуфэр писал: „Действительное молчание, настоящая тишина, обуздание языка — все это последствия духовной тишины".⁶ Говорят, будто Доминик посетил Франциска Ассизского и во все время встречи не произнес ни единого слова. Только когда мы научимся быть действительно молчаливыми, мы станем способными сказать слово, когда оно действительно нужно.

Кэтрин де Хек Догерти пишет: „Все во мне молчит и... я погружена в молчание Бога".⁷ Только находясь в одиночестве, мы можем испытать „молчание Бога" и так принять от Него то внутреннее молчание, которого жаждут наши сердца.

Темная ночь души

Если серьезно относиться к дисциплине одиночества, это будет, в какой-то степени, означать путешествие в „темную ночь души". Это не есть что-то разрушительное или плохое. Напротив, можно приветствовать этот опыт, как больной человек может приветствовать операцию, которая обещает ему здоровье и хорошее самочувствие. Цель этой „темноты" — не наказать нас, но освободить. Святой Иоанн определял эту „темную ночь души" как Божественное назначение, привилегию, возможность

приблизиться к Божественному центру. Он называл „темную ночь“ „явной милостью“. Святой Иоанн назвал это „чистой милостью“, к тому:

О, милостивая ночь!
О, ночь, прекрасней утреннего восхода!
О, ночь, которая объединяет
Любимого и Его любимых,
переменяет любимых в Его любви.⁸

Что означает „войти в темную ночь души“? Это может быть чувство сухости, депрессии, даже потерянности. Мы перестаем слишком зависеть от своей эмоциональной жизни. Часто приходится слышать в наше время, что такого опыта следует избегать, что нам должно жить в мире, радости, удобстве и празднике, но это только выдает, обнажает тот факт, что наш современный опыт — это всего лишь поверхностная грязь. „Темная ночь“ — это один из путей, которым Бог останавливает нас на пути, приводит в молчание, чтобы Он мог трудиться над внутренним преображением души.

Как выражается эта „темная ночь“ в повседневной жизни? Если мы серьезно стремимся к одиночеству, то мы обычно в этом преуспеваем и переживаем сначала подъем, а потом — упадок, и тогда даже испытываем желание вовсе от этого отказаться. Чувства уходят, и возникает ощущение, что мы никак не можем пробиться к Богу. Святой Иоанн описывал это следующим образом: „... темнота в душе, упомянутая здесь, усыпляет чувственные и духовные аппетиты, умерщвляет их, лишает возможности находить удовольствие в чем бы то ни было. Она связывает воображение, препятствует ему совершать свой труд. Память останавливается, интеллект затемняется и делается неспособным что-либо понимать, и воля, таким образом, тоже связывается, все способности пустеют и делаются бесполезными. Над всем этим висит густое, тяжелое облако, которое огорчает душу и отделяет ее от Бога“.⁹ В своей поэме святой Иоанн дважды использовал фразу: „Мой дом теперь весь затих“.¹⁰ В этом предложении он указал на важность успокоения всех физических, эмоциональных, психологических и даже духовных чувств. Каждое отвлечение тела, ума, духа должно оказаться как бы в подвешенном состоянии, прежде чем этот глубокий труд Бога над душой может начаться. Перед операцией больному дают эфир, его усыпляют. Приходит внутреннее молчание, мир, одиночество. Во время этой темноты чтение Библии, проповеди, интеллектуальные споры — все отходит.

Когда Бог в любви Своей вовлекает нас в темную ночь души, всегда возникает искушение обвинять все и всех за нашу внутреннюю пустоту и стремиться от нее избавиться. Проповедник так скучен, пение гимнов такое слабое. Мы даже можем начать поиски другой церкви или другого опыта, который бы нас „взбодрил“. Это серьезная ошибка. Признайте „темную ночь“ за то, что она есть. Будьте благодарны, что любящий Бог уводит вас прочь от любого развлечения, чтобы вы могли видеть Его. Не боритесь с этим состоянием, а успокойтесь и ждите.

Я здесь говорю не о той вялости и бесчувственности к духовным вещам, которая является результатом греха или непослушания. Я говорю о человеке, ищущем лица Божия и который не скрывает какого-либо известного ему греха в сердце. „Кто ходит во мраке, без света, да уповаet на имя Господа и да утверждается в Боге своем“ (Ис. 50:10).

Смысл этого библейского отрывка в том, что возможно бояться, повиноваться и уповать на Господа и все же „ходить во мраке, без света“. Вы живете в послушании, но вы вошли в „темную ночь души“.

Святой Иоанн Креститель указывал, что на протяжении всего этого опыта существует милостивая защита от пороков и дивное продвижение в Царстве Божием. „... если в течение этого опыта вести наблюдение, то человек ясно увидит, как мало наши возможности и способности отвлекаются на бесполезное и вредное в жизни, как

безопасен он от тщеславия, гордости, самонадеянности, от пустой и ложной радости, от многого зла. Идя в темноте, душа не только не сбивается в пути, но быстро продвигается, потому что вырабатывает добродетели".

Что нам делать во время этого внутреннего страдания? Прежде всего не обращайтесь внимания на совет друзей — „выбраться из этого". Они не понимают, что с вами происходит. Наш век — век невежественный в отношении всего этого, поэтому я вам советую ни с кем даже и не говорить о том, что вы переживаете. И не оправдывайтесь ни перед кем, что вы „не в своей тарелке". Бог — ваш Оправдатель, предайте свой вопрос в Его руки. Если у вас есть возможность при этом действительно удалиться в „пустыню" на время, сделайте это. Если нет — продолжайте свои ежедневные занятия. Но в „пустыне" или дома храните в своем сердце глубокое, внутреннее, внимающее молчание — и там будет покой до окончания труда одиночества.

Возможно, все эти рассуждения ведут нас в более глубокие воды, чем мы хотели бы войти. Святой Иоанн Креститель говорит о тех областях, которые мы видим „как бы сквозь тусклое стекло". К этим вопросам нужно подходить осторожно. Но, возможно, он расшевелил в вас тяготение к более глубокому и высокому опыту. Это как приоткрытая дверь в эту область. Это все, чего просит Бог и в чем Он нуждается.

В заключение нашего путешествия в „темную ночь души" давайте поразмыслим над следующими словами того же автора: „О, тогда, душа, когда ты увидишь, что твои желания померкли, намерения высохли, способности исчезли и ты ничего не можешь делать для своего внутреннего упражнения, — не огорчайся: думай об этом, как о милости Божией, так как Бог освобождает тебя от тебя самой и твоей собственной активности. Как бы ни были успешны твои дела, ты не могла трудиться по-настоящему, потому что они не были ни чисты, ни совершенны, как это будет теперь, когда Бог Сам ведет тебя за руку в темноту, как слепого, по пути, которого ты не знаешь. Ты никогда не достигла бы того места, в которое Он тебя ведет, сама по себе, как бы ни были хороши твои глаза и твои ноги".¹²

Шаги в одиночество

Духовная дисциплина есть то, что мы делаем, а не говорим. Это — опыт, и мы имеем дело с действиями, а не состоянием ума. Недостаточно сказать: „Я обладаю внутренним одиночеством и молчанием, мне ничего для этого не нужно делать". Все, действительно обладающие этим, известным образом организовали свои жизни. Нам нужно перейти от теоретического к практическим жизненным ситуациям.

Каковы шаги в одиночество? Первое, что мы можем сделать, — это использовать те маленькие возможности для одиночества, которые предоставляет нам повседневная жизнь. Рассмотрите моменты пробуждения, когда вся семья еще спит. Подумайте о том времени, когда вы пьете свой утренний кофе до начала рабочего дня. Есть времена покоя во время движения в час пик. Могут быть моменты отдыха и освежения, когда мы поворачиваем за угол и видим цветы или деревья. Вместо произносимой молитвы перед едой пригласите всех присоединиться к нескольким моментам молчания. Однажды, когда я вел машину, полную щебечущих детей и взрослых, я предложил: „Давайте поиграем и посмотрим, сможем ли мы помолчать до аэропорта?" (это было пять минут). Предложение благословенно сработало. Найдите новую радость и значение, чтобы пройти пешком от шоссе до дома. Выскользните из дома на минуту, чтобы посмотреть перед сном на молчаливую ночь. Все эти маленькие моменты часто оказываются для нас потеряны. Какая жалость! Их нужно вернуть обратно — искупить. Это моменты внутренней тишины и покоя для того, чтобы переориентировать нашу жизнь, поправить ее по компасу. Они помогают нам действительно присутствовать там, где мы есть.

Что еще можно сделать? Мы можем найти или создать „тихое место", предназначенное для молчания и одиночества. Почему бы не ввести в план строительства дома маленькое святилище, куда члены семьи могли бы уходить, чтобы побыть одному и

помолчать? Что нас от этого удерживает? Если у вас уже есть дом, рассмотрите возможность отгородить часть гаража или балкона. Я знаю семью, которая выделила для этого кресло: кто садился в него, того нельзя было тревожить!

Найдите места вне вашего дома: место в парке, незапертую церковь. Кто-то построил прелестную беседку на одного человека, специально предназначенную для размышления и одиночества. Ее называли „тихое место“. Церкви тратят миллионы долларов для строительства. Как насчет того, чтобы человек мог иметь место для уединения на несколько дней?

Кэтрин де Хек Догерти является пионером в деле развития таких „пустынь“ („необитаемых мест“) в Северной Америке. Это места, специально предназначенные для уединения и молчания.*

В предыдущей главе мы говорили о том, как необходимо наблюдать за своей речью и видеть, как часто мы много говорим из желания объяснить и оправдать себя, свои поступки. Поэкспериментируйте в том, чтобы совершать дела без слов и всяких объяснений. Обратите внимание на то чувство страха, которое будет овладевать вами, что люди не поймут вас или неправильно истолкуют ваше поведение. Постарайтесь предоставить Богу быть вашим оправданием.

Дисциплинируйте себя в том, чтобы ваши слова были немногочисленны и значимы. Станьте человеком, о котором известно, что если он говорит, то, значит, имеет что сказать. Говорите просто. Делайте то, что обещали: „Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить“ (Еккл. 5:4). Когда наш язык под контролем, то с нами происходит, по словам Бонхоуфэра, следующее: „Остается несказанным многое, в чем нет необходимости. Но важное и то, что в помощь, говорится в нескольких словах“.13

Сделайте следующий шаг. Попробуйте прожить целый день вообще без слов. Это не закон и требование к вам, но сделайте это как опыт. Обратите внимание, насколько вы беспомощны и как зависите от слов, чтобы общаться. Постарайтесь найти новые пути для связи с другими, не зависящие от слов. Учитесь в этот день молчания, радуйтесь.

Раза четыре в год удаляйтесь на несколько часов с целью подправить ориентацию своей жизни и ее целей. Это легко сделать в один из вечеров. Задержитесь на работе, или сделайте это дома, или найдите тихий уголок в общественной библиотеке. Оцените и пересмотрите свои жизненные направления. Чего бы вы хотели достигнуть через год? Через десять лет? У нас есть склонность переоценивать то, что можно сделать за год, и недооценивать то, что можно сделать через десять. Ставьте перед собой достижимые цели, но не отказывайтесь и помечтать, простереться вперед. (Эта книга жила в моем уме несколько лет, прежде чем она стала реальностью). В тишине этих коротких часов прислушайтесь к грому Божьего молчания. Записывайте то, что приходит к вам.

Переориентация жизни вовсе не должна совершаться холодно и расчетливо, как некоторые думают. Возможно, когда вы войдете в это внимающее молчание, в вас возникнет желание научиться в этом году ткать или же делать керамическую посуду. Вам кажется, что это слишком земная, недуховная цель? Но Бог очень заинтересован в таких вещах. А вы? Может быть, вы захотите, как это случилось с одним моим другом, научиться помогать, быть слугою. А может быть, вы захотите прочитать в следующем году всего Льюиса? А через пять лет — научиться работать с обездоленными детьми-калеками? Эти цели дают направление всей вашей жизни. Все равно вы собираетесь куда-то идти, так насколько лучше идти в направлении, установленном общением с Божественным центром.

Мы рассматривали идею — уединяться для изучения на два-три дня. Этот опыт усиливается, если соединен с внутренним погружением в молчание Бога. Как Иисус, мы должны уходить от людей, чтобы действительно присутствовать, когда мы с ними. Уединяйтесь хотя бы раз в году, не имея иной цели, как только одиночество.

Плод одиночества — это возросшая чувствительность к нуждам других людей и сострадание к ним. Возникает новая свобода — быть с людьми. Новая внимательность к ним, новая готовность идти навстречу их нуждам. Томас Мэртон отметил: „Именно в глубоком одиночестве я нахожу ту кротость, с которой я могу действительно любить моих братьев. Чем более я уединен, тем больше я к ним привязан. И это чистая привязанность с уважением к одиночеству других. Одиночество и молчание учат меня любить моих братьев такими, какие они есть, а не как они о себе говорят".¹⁴

Не чувствуете ли вы побуждение, жажду погрузиться в молчание и одиночество Бога? Не жадете ли вы чего-то больше? Не умоляет ли каждое дыхание о более глубоком и полном раскрытии в Его присутствии? Именно дисциплина одиночества откроет дверь. Вы приглашаетесь войти и слушать речь Божию „в Его чудесном, ужасном, мягком, любящем, всеобнимающем молчании".¹⁵

8. Дисциплина покорности

„Христианин — это самый свободный человек, господин всего, не подчиненный никому; христианин — это верный слуга всех, подчиненный каждому".

Мартин Лютер

Никакая другая духовная дисциплина не была столь искажена, как эта. Каким-то образом род человеческий имеет особенную склонность к тому, чтобы взять самое лучшее учение и превратить его в самое худшее. Нет цепей более обременительных, чем религиозные, и в религии нет ничего более разрушительного для человека, как учение о смирении и покорности. Поэтому нам нужно с большой осторожностью и различием прокладывать свой путь сквозь эту дисциплину, чтобы быть уверенными в том, что мы — служители жизни, а не смерти.

Каждая дисциплина имеет свою, соответствующую ей свободу. Если я обучился искусству риторики, я чувствую большую свободу, когда приходится произносить речь. Демосфен был великолепным оратором, но это после того, как он научился перекрывать своим голосом рокочущий океан, и это — с камешками во рту. Цель любой дисциплины — свобода. Нашей целью является именно свобода, а не дисциплина. Как только мы превращаем ее в цель, мы тут же оказываемся под законом и лишены всякой свободы.

В самой по себе в дисциплине нет никакой ценности. Она хороша только как средство поставить нас перед Богом, чтобы Он мог дать нам то освобождение, которого мы ищем. Освобождение — это цель и конец. Дисциплина — средство, а не ответ: она только ведет нас к ответу. Мы должны ясно понимать эту ограниченность дисциплины, чтобы избежать рабства. Мы должны не только понимать это, но и всегда помнить, насколько силен для нас соблазн сконцентрироваться именно на дисциплине. Давайте будем сосредоточиваться только на Христе и рассматривать духовную дисциплину как путь, приближающий нас к Его сердцу.

Свобода в покорности

Я уже отметил, что всякая дисциплина имеет свою, соответствующую ей свободу. Какая свобода соответствует покорности и смирению? Это способность сложить с себя ужасный груз необходимости все делать по-своему. Тяжким рабством в современном обществе является одержимость требованием, чтобы все в жизни происходило так, как мы этого хотим. Люди готовы проводить недели, месяцы и даже годы в постоянном изнеможении, потому что какая-то мелочь не устраивается так, как они бы этого желали. Они теряют разум от этого. Они ведут себя так, как будто вся их жизнь от этого зависит. От переживаний можно даже получить раковую опухоль.

Смирясь, мы освобождаемся от этой ноши и в силах ее сбросить, забыть о ней. Откровенно говоря, большинство жизненных проблем не так важно, как мы о них думаем. Наша жизнь от них не зависит.

Если вы внимательно понаблюдаете, вы увидите, например, что почти все церковные проблемы возникают из-за того, что у людей нет внутренней свободы уступить друг другу. Мы настаиваем, что на карту поставлен важнейший момент, что мы сражаемся за священный принцип. Может быть, это так и есть. Но гораздо чаще — нет. Мы стоим твердо просто потому, что иначе все получилось бы не по-нашему. Только в смирении мы можем подчинить себе этот дух, чтобы он больше не господствовал над нами. Только в смирении мы сможем различить, где искренние убеждения, а где — простое упрямство.

Если бы мы только могли видеть, что большинство жизненных проблем не важно, мы бы к ним относились гораздо проще. Мы так часто говорим „мне все равно“, когда в действительности нам далеко не все равно. Именно здесь важна дисциплина молчания! Обычно лучшим путем улаживания большинства вопросов является именно молчание — „ничего не говорить“. За любой речью или поступком должен быть всеохватывающий дух благодати. Когда мы так поступаем, мы освобождаем и себя, и других вокруг себя.

Библейское учение о смирении обращает наше внимание прежде всего на то, в каком духе мы смотрим на других людей. Писание не стремится выстроить иерархические отношения людей, напротив, оно создает в нас внутреннее расположение к взаимоподчиненности. Петр, например, призвал рабов того времени жить в подчинении своим хозяевам (1 Петр. 2:18). Совет кажется излишним, пока мы не осознаем, что вполне возможно повиноваться хозяину без внутренней покорности ему. Мы можем внешне исполнять то, чего люди просят, но внутренне быть в состоянии бунта. Эта забота о внимании к другим пронизывает весь Новый Завет. Ветхий Завет ставил условием, чтобы мы не убивали. Иисус, однако, подчеркнул, что проблема состоит во внутреннем духе убийства, с которым мы относимся к людям. То же самое можно сказать и о внутреннем духе покорности, смирения в нас, когда мы имеем дело с другими людьми: нам нужно быть к ним уважительными, предупредительными.

Имея смирение, мы, наконец, оказываемся свободными ценить других людей. Их мечты и планы становятся важными для нас. Мы оказываемся в новой, чудной и славной свободе: отказаться от собственных прав ради блага других. Впервые мы можем любить людей безо всяких условий. Мы отказываемся от своих требований на их ответную любовь. Мы больше не чувствуем, что к нам „не так“ относятся. Мы можем радоваться их успехам. Мы искренне сожалеем об их неудачах. Нам неважно, что наши планы не состоялись, раз осуществились планы других людей. Мы делаем открытие, что гораздо лучше служить своему ближнему, чем делать все По-своему.

Знаете ли вы, какая это свобода — отказаться от своих прав? Вы освобождаетесь от злости и горечи, когда кто-то относится к вам не так, как, по-вашему, должен был бы. Вы разрываете этот порочный „коммерческий круг“, в котором принято: „Ты почешешь мою спину, и я тебе почешу. Ты расквасил мой нос, и я сделаю то же с твоим“. Вы входите в такую свободу, которая делает вас способными повиноваться заповеди Иисуса: „Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас“ (Мф. 5:44). В первый раз мы начинаем понимать, как это можно отказаться от возмездия: „Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую“ (Мф. 5:39).

Камень преткновения

Как вы, возможно, заметили, я подошел к вопросу смирения через „черную лестницу“. Я начал объяснять, что означает для нас смирение, не определив, что это такое. Это было сделано намеренно. Большинство из нас знакомо со столь искаженным библейским учением о смирении, что мы либо принимаем его во всей его

искаженности, либо отвергаем вовсе. Первое ведет к самоненависти, а второе к гордости. Рассмотрим третий вариант.

Камнем преткновения для библейского понимания смирения являются слова, записанные в Евангелии от Марка 8:34: „И подзвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною". Почти инстинктивно мы отступаем прочь от этих слов. Мы гораздо больше воспринимаем слова „самоосуществление", „самосовершеншение", чем „самоотрицание". (В действительности учение Иисуса о самоотрицании есть то единственное, что приводит к самоосуществлению). Самоотрицание в наших умах соединяется с ненавистью к себе. Мы воображаем, что это означает — отказаться от своей индивидуальности и в итоге — умертвить себя.

Но Иисус, напротив, звал нас к самоотрицанию без ненависти к самому себе. Самоотрицание — это просто путь к пониманию того, что мы вовсе не должны отстаивать свой собственный путь. Наше счастье не зависит от того, получим ли мы то, чего хотим.

Самоотрицание также не означает потери личности, как некоторые думают. Без личности мы даже не сможем подчиняться друг другу. Потерял ли Иисус Свою личность, когда Он повернулся лицом к Голгофе? Потерял ли свою личность Петр, когда он отозвался на зов Иисуса — „Следуй за Мною", зная, какую смертью он прославит Бога? (Ин. 21:19). Потерял ли свою личность Павел, когда он предал себя в руки Того, Кто сказал ему: „Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое"? (Деян. 9:16). Конечно, нет. Мы знаем, что истинным является прямо противоположное. Они нашли себя в акте самоотрицания.

Самоотрицание не есть то же самое, что презрение к себе. Последнее говорит нам, что мы ничего не стоим, и даже если бы мы что-то стоили, нам нужно это отбросить. Самоотрицание объявляет, что мы — бесконечно ценные, и показывает нам, как эту ценность реализовать, осуществить. Презрение отрицает доброту творения. Самоотрицание утверждает это добро. Иисус говорил о нашей любви к самим себе как условию, предпосылке нашей возможности достигнуть других людей. Любовь к себе и самоотрицание не находятся в конфликте. Иисус говорил, что самоотрицание есть единственный верный путь любить самого себя: „Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее" (Мф. 10:39).

Мы должны уяснить для себя, что самоотрицание означает свободу уступать дорогу другим. Оно означает — ставить интересы других выше собственных. Таким образом, самоотрицание освобождает нас от саможалости. Иначе мы будем требовать, чтобы все было по-нашему, а если не так, то мы обращаемся к саможалости: „Бедный я!" Внешне мы можем покориться, но мы делаем это, чувствуя, что приносим жертву. Этот дух саможалости, жертвенности — верный знак того, что дисциплина смирения уменьшилась до точки. Самоотрицание — это базис смирения, оно спасает нас от саможалости.

Современные люди находят для себя чрезвычайно трудным — читать великих авторов набожной литературы, посвященной благочестию, потому что эти авторы широко используют язык самоотрицания. Нам трудно принять слова Фомы Кемпийского: „Не быть высокого мнения о себе, но зато всегда быть высокого мнения о других есть великая мудрость и совершенство".¹ Нам столь же трудно слушать слова Иисуса: „Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною". Всё это потому, что мы не сумели понять учение Иисуса: путь к самоосуществлению лежит через самоотрицание. Спасти душу — это потерять ее, а потерять ее ради Христа значит сберечь ее. Джордж Матисон так выразил в церковном гимне этот парадокс:

„Плени меня, Господи,
И тогда я буду свободным;

Дай мне отказаться от меча,
И тогда я буду завоевателем;
Я погибаю в жизненных тревогах,
Когда я стою сам по себе;
Заклучи меня в Свои руки,
И моя рука станет твердой".2

Возможно, ситуация прояснилась, и мы можем уже посмотреть на самоотрицание как на освобождение, чем оно, собственно, и является. Нам нужно быть в этом убежденными, потому что самоотрицание — это камень преткновения и камень краеугольный для дисциплины смирения.

Революционная покорность

Самым радикальным учением Иисуса было Его полное переосмысление современного понятия о величии. Власть раскрывается в покорности. Главнейшим символом этого служения является Крест: „Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной" (Фил. 2:8). Но заметьте: Христос не только умер на кресте, но и жил жизнью креста. Путь Креста, путь страдающего слуги был существенно важным для Его служения. Иисус жил жизнью Креста в смирении перед Своими братьями, другими людьми. Он совершенно отверг всякие знаки власти и положения: „А вы не называйтесь учителями... и не называйтесь наставниками..." (Мф. 23:8-10). Иисус разбивал обычаи своего времени: Он беседовал с женщинами и хотел встречаться с детьми. Он жил жизнью Креста, когда Он, подвязавшись полотенцем, омыл ноги Своих учеников. Иисус мог бы призвать легионы ангелов Себе на помощь, но Он выбрал крест Голгофы. Жизнь Иисуса была жизнью Креста, жизнью покорности и смирения. Смерть Иисуса была крестной смертью победы путем страдания.

Невозможно переоценить революционный характер жизни и учения Иисуса в этом вопросе. Он покончил со всеми требованиями привилегированной позиции и статуса. Он ввел совершенно новый взгляд на руководство. Крестная жизнь Иисуса подорвала все общественные устройства, основанные на власти и выгоде.

Как я уже упоминал, Иисус призвал Своих учеников жить жизнью Креста. Он прямо сказал Своим ученикам: „Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою" (Мк. 9:35). Когда Иисус обессмертил принцип жизни Креста, омыв ноги Своим ученикам, Он добавил: „Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам" (Ин. 13:15).

Жизнь Креста есть жизнь добровольного подчинения. Жизнь свободно принятого служения.

Революционная покорность как об этом учат Послания

Пример Иисуса и Его зов — следовать путем Креста во всех человеческих взаимоотношениях образуют основу учения в Посланиях. Апостол Павел основывает свое требование почитать других выше себя — смирением и самоотрицанием Господа для нашего спасения: в вас должны быть те же чувствования, что и во Христе Иисусе: „...уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным людям и по виду став как человек" (Фил. 2:4-7). Апостол Петр среди своих наставлений о смирении прямо обращается к примеру Иисуса как причине для смирения: „Ибо вы к тому призваны; потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его... будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному" (1 Петр. 2:21-23). В качестве предисловия к Посланию к Ефесянам мы читаем „Домашнюю таблицу"*: „Повинуясь друг другу в страхе Божиим" (Еф. 5:21). Призыв к христианам — жить жизнью Креста коренится в крестной жизни Самого Иисуса.

Дисциплина смирения была ужасно извращена из-за неспособности видеть этот более широкий контекст. Смирение — это этическая тема, проходящая сквозь весь Новый Завет. Это положение, обязательное для всех христиан: мужчин, как и женщин, отцов, как и детей, рабов, как и господ. Нам заповедано жить жизнью смирения, потому что Иисус жил так, а не почему-либо другому. Самоотрицание — это положение, подходящее для всех тех, кто следует за распятым Господом. Пример Иисуса — это единственная причина для смирения.

Эта единственная причина смирения оказывается головокружительной, когда мы ее сравниваем с причинами, выставленными в других писаниях I века: нужно смиряться, потому что боги так создали или потому что таково наше положение в жизни. Ни один автор Нового Завета не призывает к смирению на таком основании. Учение это революционно. Авторы Нового Завета совершенно игнорировали современные им обычаи господства и подчинения и призывали каждого почитать „один другого высшим себя" (Фил. 2:3).

Послания прежде всего призывают к подчинению тех, кто в условиях данной культуры уже является подчиненным: „Жены, повинуйтесь мужьям своим... Дети, будьте послушны родителям вашим... Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти..." (Кол. 3:18-22). Революционным в этом учении оказывается то, что к этим людям обращаются, как к имеющим свободу выбора, свободным личностям, хотя в I веке им никакого выбора и не предоставлялось. Павел дает личную нравственную ответственность тем, кто не имел ни законного, ни морального положения в той культуре. Он призывает принимать решения тех, кому не разрешалось принимать никаких решений...

Удивительно, что Павел призывает к подчинению тех, кто уже по своему общественному положению подчинен. Единственной причиной для этого является тот факт, что, благодаря евангельской вести, они стали видеть себя в новом свете, не как подчиненных по положению. Евангелие отрицало всякое „второсортное" гражданство, и они это знали. Павел побуждал их к добровольному подчинению не потому, что таково было их общественное положение, а потому, что это „прилично в Господе" (Кол. 3:18).

Эта черта — обращаться с нравственным учением к тем людям, которые были в той культуре людьми „второсортными", — тоже является контрастной в литературе того времени. Стоики, например, обращались только и исключительно к человеку, находящемуся на вершине социальной лестницы; они побуждали его делать хорошо тот труд, к которому он и так был уже призван, находясь в привилегированном положении. Но Павел обращался к тем, к кому в той культуре не положено было обращаться, и призывал их к крестной жизни Иисуса.

Далее Послания направлены и к тем, кто по своему положению является господствующим, и тоже призывает и их к жизни Иисуса. Требования смирения — взаимно! „Мужья, любите своих жен... Отцы, не раздражайте детей ваших... Господа, оказывайте рабам должное и справедливое..." (Кол. 3:19-4:1). Здесь речь как будто не идет о смирении. Но мы не замечаем, как много смирения требуют эти предписания, если их рассматривать на фоне культуры того времени. Для отца, мужа и господина I века слова Павла должны были значит очень много и полностью изменить его поведение, чего нельзя было сказать о поведении жены, ребенка и раба. Центр учения падает именно на тех, кто занимает верховное положение.³

Нам нужно также увидеть в требованиях, обращенных к мужьям, отцам, господам, иную, другую форму самоотрицания. Если муж любит свою жену, он будет жить, сообразуясь с ее нуждами. Он будет желать сдаться ей, уступить. Он свободен рассматривать ее как существо высшее. Он может видеть нужды своих детей и в этом ставить их выше себя (Фил. 2:3).

В своем Послании к Ефессянам Павел требовал, чтобы рабы жили в духе радостного, охотного, добровольного служения своим земным господам. Затем он требовал от господ: „И вы, господа, поступайте с ними так же" (Еф. 6:9). Такая мысль была невероятной для I века. Рабы вообще не считались людьми. Однако апостол Павел с Божественной властью советовал господам уступить нуждам своих рабов.

Возможно, самой яркой иллюстрацией этого является письмо Павла Филимону. Онисим, беглый раб Филимона, стал христианином. Он добровольно возвращается к Филимону, так как это значит быть учеником Христа. Павел побуждает Филимона принять Онисима „не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного" (Фил. 16). В этом скрывается невысказанное прямо пожелание, чтобы Филимон отпустил Онисима на свободу.⁴ Онисим должен подчиниться Филимону по возвращении. Филимон должен послужить Онисиму, освободив его. Оба призваны жить, „повинуясь друг другу в страхе Божиим" (Еф. 5:21).

Послания не отказываются от существующей в мире иерархии: такова была общественная структура того времени. Но, требуя всеобщего взаимного подчинения, они делали эту иерархию относительной и фактически ее подрывали. Они призывали христиан жить как граждане нового порядка, и характернейшей чертой этого нового порядка было взаимное подчинение.

Границы смирения

Границы смирения проходят там, где смирение становится разрушительным. Тогда оно становится отрицанием закона любви и вызовом действительно библейскому смирению (Мф. 22:37-39).

Петр призывал христиан к покорности государству, когда он писал: „Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли..." (1 Петр. 2:13-14). Однако когда властное правительство того времени потребовало от новорожденной Церкви прекратить проповедовать Христа, то именно Петр ответил на это: „Судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали" (Деян. 4:19-20). В подобных же обстоятельствах он просто ответил: „Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам" (Деян. 5:29).

Подразумевая крестную жизнь Иисуса, Павел сказал: „Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены" (Римл. 13:1). Когда он, однако, увидел, что государство не обеспечивает справедливости, т.е. не выполняет назначенной Богом функции, он призвал его к ответу: „Нас, римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас" (Деян. 16:37).

Находились ли дела апостолов в противоречии с их словами? Нет. Они просто понимали, что у смирения есть свои пределы, за которыми оно становится разрушительным. Они отказались от разрушительного требования и были готовы взять на себя последствия этого отказа. Немецкий мыслитель Иоханнес Хамель сказал, что подчинение включает „возможность духовного сопротивления, готового принять страдания за это".⁵ Иногда границы покорности легко увидеть. От жены потребовали, чтобы она беспричинно побил своего сына. От ребенка взрослые потребовали участия в чем-то противозаконном. От гражданина потребовали нарушить указания Писания и совести ради „блага государства". В каждом случае последователь Христа отказывается с кротостью и смирением, а не с вызовом и гордостью.

Иногда границы смирения определить очень трудно. Что можно сказать о супруге, которая чувствует себя задавленной и свою жизнь — неосуществленной из-за карьеры своего мужа? Это законная форма самоотречения или это разрушительно? Или, например, учитель несправедливо оценивает труд учащегося. Нужно покориться или

протестовать? Что сказать о предпринимателе, который продвигает служащего на основании личных отношений и взаимного интереса? Что делать обойденному, особенно если повышение зарплаты жизненно необходимо для его семьи?

Это все очень сложные вопросы, потому что и отношения человеческие очень сложны. Они не поддаются простым решениям. И относительно смирения не написано никаких законов, которые покрывали бы все возможные ситуации. Да мы и должны относиться скептически к законам, которые предусматривали бы все ситуации. Казуистическая мораль всегда проваливается.

Определяя границы покорности, мы оказываемся в глубокой зависимости от Святого Духа. В конце концов, если бы у нас были законы на все случаи жизни, мы не нуждались бы в такой зависимости. Дух способен точно различать мысли и намерения сердца, как нашего, так и другого. Он наш Учитель и Пророк и наставляет нас, что делать в каждой ситуации.

Поступки смирения

Смирение и служение действуют в согласии. Поэтому очень много о практических проявлениях смирения будет сказано в следующей главе, посвященной служению. Существуют, однако, семь действий смирения, к которым нужно дать небольшой комментарий.

Первый акт смирения — это перед Троицей Богом. В начале каждого дня мы смиряемся перед Отцом, Сыном и Святым Духом, предаемся в тишине. Первыми словами нашего дня должны быть, как у Фомы Кемпийского: „Как Ты хочешь, что Ты хочешь, когда Ты хочешь".⁶ Мы предаем Богу тело, разум и дух для Его целей. Точно так же и день должен быть прожит в делах смирения, перемежающихся восклицаниями внутренней отдачи себя Богу. И как первые слова дня, так и последние слова — это слова смирения и покорности перед Богом. Мы отдаем тело, разум и дух в руки Божьи, чтобы Он делал, что Ему угодно, с нами и во время долгой темноты.

Второй акт покорности — это Священному Писанию. Как мы предаем себя Слову живущему, так должны себя предавать и Слову написанному. Мы предаем себя слушанию Слова, принятию Слова и исполнению Слова. Мы взираем на Дух, вдохновлявший Писание, чтобы Он же объяснил нам его и дал возможность применить в жизни. Слова Писания, одухотворенные Святым Духом, живут в нас на протяжении всего дня.

Третье действие смирения — это перед семьей. Указание здесь звучит так: „Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других" (Фил. 2:4). Свободно и милостиво члены семьи уступают друг другу. Первейшее дело смирения здесь — это готовность слушать других членов семьи. Восполнением готовности слушать является готовность поделиться, что само по себе уже есть поступок смирения.

Четвертое — это смирение перед ближним и теми, кого мы встречаем в течение дня. Нам нужно жить перед ними жизнью простой доброты. Если они в нужде, поможем им. Мы совершаем маленькие поступки, говорящие о нашем расположении: поделиться едой, посидеть с детьми, скосить траву на их лужайке, навестить, поделиться инструментом. Ни один труд здесь не является слишком малым, потому что каждая услуга требует для ее оказания покорности и смирения.

Пятое — это по отношению к общине верующих — телу Христа. Если там имеются какие-то нужды, надо что-то сделать, рассмотрите внимательно: не приглашает ли вас Бог к смирению через этот труд? Мы не можем всего сделать, но что-то мы все-таки можем. Иногда это вопросы организационные, но чаще всего — это возможности небольшого труда служения. Иногда это зов на служение в церкви, и если это служение подтвердилось в нашем сердце, нужно взяться за него с уверенностью и уважением.

Шестое проявление смирения — это при встрече с презируемыми и с разбитыми сердцами. В каждой культуре есть свои „вдовы и сироты“, то есть беспомощные и беззащитные (Иак. 1:27). Наша первейшая обязанность — быть среди них. Как Франциск Ассизский в XIII веке и как Кагава в XX веке, мы должны находить пути искренне отождествляться с униженными и оскорбленными. Мы должны жить жизнью Креста.

Седьмое — это смирение перед миром. Мы живем в обществе, а не в изоляции от него. Наша ответственность за наше окружение (или же нехватка ее!) оказывает влияние не только на людей, живущих в мире, но и на поколения людей, еще не родившихся. Голодающие народы воздействуют на нас. Проявление нашего смирения — это решимость жить, как ответственный член все более безответственного мира.

Последний звук

В наше время в отношении смирения возникла особая проблема: как соотносить его с властью. Недавно я обнаружил следующее явление, которое собираюсь описать. Когда люди начинают жить в Духе, они видят, что учение Иисуса о власти совершенно противоположно мышлению современного мира. Они начинают понимать, что власть не состоит ни в положении, ни в дипломах, ни в титулах — ни в чем внешнем. Путь Христа — это путь духовной власти. Это власть, Богом назначенная и Богом поддерживаемая. Человеческие учреждения могут признавать ее или не признавать, это не имеет никакого значения. Человек с духовной властью может занимать соответствующее положение, а может и не занимать, и это тоже не имеет значения. Духовная власть отмечена состраданием и силой. Ходящие в Духе увидят ее сразу. Они знают, что смирение — в слове, сказанном в духовной власти.

Но здесь есть и трудность. Как относиться к людям, которые имеют высокое положение, но не имеют духовной власти? Иисус ясно выразил мысль, что положение не дает власти, — так нужно ли таким людям повиноваться? Не лучше ли пренебречь любыми назначенными властями и повиноваться только духовным? Вопрос законный и заслуживает внимательного ответа.

Ответ непростой, но и не невозможный. Мы должны жить в подчинении человеческим властям, пока оно не станет разрушительным.* И Петр, и Павел призывали повиноваться языческому государству, потому что они понимали великое благо этого учреждения. Я обнаружил, что человеческие власти имеют много мудрости, и опасно ими пренебрегать.

К этому можно добавить еще одну причину, которую я сам открыл. Нам нужно повиноваться властям еще и из сострадания к их трудному положению. Я сам бывал в их положении. Это очень трудно — занимать верховное положение, не имея достаточно глубоких корней в Божественной жизни. Я знаю это безнадежное состояние, когда пытаешься втиснуть людей в повиновение. Поэтому я не могу смеяться над властями, а скорее — плакать над ними, потому что я знаю эту внутреннюю боль и страдание от жизни, полной противоречий.

Наконец, мы можем молиться за таких людей, чтобы они были наполнены новой силой и властью. Мы можем стать их друзьями и помогать, чем можем. Если мы будем жить перед ними жизнью Креста, они могут обнаружить, что их духовная сила увеличивается, но то же самое почувствуем и мы.

9. Дисциплина служения

„Выучите тот урок, что, если вы должны исполнять труд пророка, вам нужен не скипетр, а мотыга“.

Как крест — знак покорности, так полотенце — знак служения. Когда Иисус собрал Своих учеников на Тайную Вечерю, то среди них возник спор, кто из них больше. Эта тема была для них не новой: „Пришла же им мысль: кто бы из них был больше?“ (Лк. 9:46). Всегда, когда возникает вопрос о том, кто больше, тут же является и вопрос о том, кто меньше. В этом-то и вопрос, не так ли? Большинство из нас знает про себя, что мы никогда не будем великими, просто мы себе не допускаем быть меньшими.

Ученики, собравшиеся на Вечерю, ясно видели, что кто-то должен омыть ноги другого. Весь вопрос был в том, что этот человек должен быть меньшим. Так они и сидели, с ногами, покрытыми пылью и грязью. И настолько болезненной была эта проблема, что они даже не собирались о ней и говорить. Никто не хотел, чтобы на него смотрели как на меньшего. Тогда Иисус взял полотенце и умывальницу и таким образом дал новое определение тому, что есть величие.

Живя перед ними жизнью служения, Он призывал их на этот путь: „Итак, если Я, Господь и Учитель, омыл ноги вам, то и вы должны омыwać ноги друг другу“ (Ин. 13:14). В каком-то смысле мы даже предпочли бы слушать слово Христа о том, что мы должны оставить дом, отца и мать и землю ради Евангелия, чем Его слово об омовении ног. Радикальное самоотречение дает чувство необыкновенного приключения. Если мы все оставим, то мы даже имеем возможность выглядеть, как славные мученики. Но в служении мы как бы сосланы в земное, обычное, тривиальное.

В дисциплине служения есть тоже великая свобода. Служение делает нас способными сказать „нет!“ мирским играм в продвижение и власть. Оно уничтожает „клеветательный порядок“, в котором мы оказываемся, как малые цыплята, которые никак не успокоятся, пока не выяснится, кто из них больший, кто — меньший, а кто — посередине. Никакая группа людей не может находиться длительное время вместе, пока не установлен этот „клеветательный порядок“. Мы это легко видим в том, как люди сидят и каковы они в своих отношениях друг к другу, кто уступает дорогу, кто первый замолкает, если начали говорить вместе, кто отступает назад, когда требуется сделать какой-то труд, а кто выступает вперед. (В зависимости от вида труда это может быть знаком либо господства, либо рабства). Все это написано на лице человеческого общества.

Дело не в том, что мы должны вообще отказаться от всякой идеи власти и руководства. Любой социолог быстро докажет невозможность этого. Даже в той группе Иисуса и Его учеников факт руководства и власти легко прослеживается. Все дело в том, что Иисус дал совершенно иное определение лидерству и перестроил организацию власти.

Иисус никогда не учил, что каждый имеет одну и ту же власть. В действительности, у Него было много что сказать о настоящей духовной власти и о том, что многие ею не обладают. Но власть, о которой говорит Иисус, это не „клеветательный порядок“. Нам нужно ясно понимать, насколько радикально Иисус изменил все учения человеческие по этому вопросу. Он не просто „перевернул“ существующую систему, как многие думают. Он уничтожил ее. Власть, о которой Он говорил, не была властью для того, чтобы контролировать людей и направлять их. Это была власть действия, а не положения, статуса.

Иисус заявил: „Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так“. Он совершенно и полностью отбросил „клеветательные“ системы того времени. Как же тогда должно быть между ними? „Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою“ (Мф. 20:25-26). Поэтому духовная власть, о которой Иисус говорил, была властью, которую можно найти не в положении и не в титуле, но в полотенце.

Самоправедное служение против истинного служения

Чтобы понять и осуществлять истинное служение, нужно его отличать от самоправедного.

Самоправедное служение осуществляется человеческими усилиями. Для него требуется огромное количество энергии, особенно при его организации. Целый ряд социологических трудов предназначен для того, чтобы „помочь таким людям". Истинное служение проистекает из связи с Божественным глубоко внутри нас. Мы служим, потому что тихий голос говорит в нас, нежное побуждение. Для этого служения тоже требуется энергия, но это не бешеная энергия плоти. Томас Келли пишет: „Я вижу, что Он никогда не вводит нас в состояние лихорадочного труда, чтобы мы задохнулись в нем".¹

Самоправедное служение всегда ставит перед собой „великие цели". Оно наслаждается служением титаническим. Истинное служение не умеет различать малое и большое служение. Когда же это различие делается заметным, оно предпочитает именно малое. Это происходит не от ложной скромности, а от искреннего убеждения, что это и есть большое и важное служение. Здесь приветствуются все возможности служить.

Самоправедное служение требует внешнего вознаграждения. Для него является существенно важным, чтобы люди видели его и оценили. Оно ищет человеческих аплодисментов, но, конечно, с религиозной скромностью при этом. Истинное служение охотно покоится в укрытии. Оно не боится яркого света внимания, но оно и не ищет его. Так как оно живет в благоговении перед Божественным центром, то ему совершенно достаточно малейшего знака Его одобрения.

Самоправедное служение в высшей степени озабочено результатами. Оно ожидает отдачи и отплаты в том или ином виде. Оно огорчается, когда не получает ожидаемого. Истинное служение свободно от этого расчета и подсчитывания. Оно наслаждается самим служением. Оно может служить врагам столь же свободно, как и друзьям.

Самоправедное служение выбирает, кому послужить. Иногда оно оказывается именно богатым и обладающим властью, потому что в таком случае известные преимущества обеспечены. Иногда оно оказывается бедным и беззащитным, потому что это обеспечивает смиренный образ служащего. Истинное служение в этом смысле неразборчиво. Оно восприняло заповедь Иисуса — быть „всем слугою" (Мк. 9:35). Франциск Ассизский писал в письме: „Будучи всем слугою, я обязан всем служить словами моего Господа, наполненными бальзамом".²

Самоправедное служение находится под сильным влиянием настроений и прихотей. Служение может оказываться только тогда, когда к этому есть внутреннее расположение (называемое „движением Духа"!). Недомогание или недосып сильно влияют на желание служить. Истинное служение происходит верно и просто всякий раз, когда в нем имеется нужда. Оно знает, что „чувство побуждения служить" часто может оказаться препятствием к служению. Оно отказывается позволить чувствам руководить служением. Скорее наоборот, служение дисциплинирует чувства.

Самоправедное служение — временное. Оно действует только тогда, когда совершаются конкретные действия служения. После этого можно быть на свободе и отдыхать. Истинное служение — это образ жизни. Оно действует по выработанным привычкам жизни. Оно возникает само, навстречу человеческой нужде.

Самоправедное служение не имеет чувствительности: оно требует действия даже тогда, когда оно может оказаться разрушительным. Оно требует возможности помогать. Истинное служение может удержаться от служения столь же свободно, как проявить его. Оно умеет слушать с нежностью и терпением, прежде чем действовать. Оно умеет служить, ожидая в молчании. „Служат также и те, кто только стоит и ожидает".³

Самоправедное служение разделяет общину. В конечном счете, когда все религиозные прикрытия удалены, оно сконцентрировано только на прославлении личности. Поэтому все остальные оказываются как бы в долгу, и это разрушает общину.

Истинное служение, напротив, соединяет общину. Оно спокойно и без всяких претензий заботится о нуждах других. Никто совершенно не чувствует себя обязанным оплачивать служение. Оно соединяет, привлекает людей друг ко другу, исцеляет, созидает. В итоге возникает единство общины.

Служение и смирение

Благодать смирения выражается в нашей жизни через дисциплину служения больше, чем каким-либо иным образом. Смирение, как мы знаем, это добродетель, которую никогда нельзя найти, если ее ищешь. Чем больше мы за ней гоняемся, тем дальше она от нас. Считать, что у нас она есть, — это вернейший признак того, что ее у нас нет. Поэтому большинство из нас считает, что мы совершенно ничего не можем сделать, чтобы получить эту драгоценную христианскую добродетель, поэтому мы ничего и не делаем.

Однако есть нечто, что мы можем сделать. Нам не нужно идти по жизненному пути с одной лишь слабой надеждой, что когда-нибудь смирение снизойдет на нас. Из всех классических духовных дисциплин служение является самым способствующим росту смирения. Когда мы сознательно выберем такое направление нашей жизни, при котором акцент будет сделан на пользе для других и на незаметном труде, то глубокое изменение произойдет в нашем духе.

Ничто так не дисциплинирует наши беспорядочные плотские желания, как служение. Ничто так не преображает их, как служение незаметное. Плоть скулит против служения, но против служения незаметного она просто вопит. Она жаждет чести, славы и признания. Она будет советовать тонкие, религиозно приемлемые средства, чтобы привлечь внимание к оказанным услугам. Если мы решительно откажемся от этого, мы распнем плоть. Всякий раз, когда мы распинаем нашу плоть, мы распинаем нашу гордость и честолюбие.

Апостол Иоанн пишет: „Все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего" (1 Ин. 2:16). Мы не можем понять силу этого текста из-за нашей склонности приписывать все сказанное только сексуальным грехам. Между тем похоть плоти — это неспособность контролировать наши человеческие страсти, похоть очей — это наша склонность очаровываться внешним и показным, а гордость житейская — это наш эгоизм с претензиями выглядеть лучше, чем мы есть. Во всем этом мы видим одно и то же: обольщение естественными человеческими возможностями и способностями без всякой зависимости от Бога. Это плоть в действии, а плоть — это смертельный враг смирения.

Необходима строжайшая ежедневная дисциплина, чтобы держать под контролем все эти страсти.⁴ Плоть должна выучить болезненный урок, что у нее нет ее собственных прав. Труд незаметного служения как раз и способствует этому.

Уильям Лоу оказал большое воздействие на Англию XVIII века своей книгой „Серьезный призыв к благочестивой и святой жизни". В ней он утверждал, что каждый день мы должны рассматривать как день смирения. Как это можно сделать? Только научившись служить другим. Лоу понимал, что именно дисциплина служения приводит смирение в наши жизни. Если мы хотим иметь смирение, то он советует следующее: „Снисходите ко всем слабостям и неутвержденности своих собратьев, покрывайте их, любите их способности, ободряйте их в их добродетелях, облегчайте их в их нуждах, радуйтесь их благосостоянию, сострадайте их переживаниям, принимайте их дружбу, не обращайтесь внимания на то, что они бывают недобрыми, прощайте их злобу, будьте

слугою слуг, снисходите к самому низкому служению для самых низких людей в человечестве".5

В результате такой ежедневной дисциплины в отношении плоти возникает благодать смирения. И мы даже не осознаем ее присутствия. Однако мы почувствуем свежий интерес к жизни, радость жить. Мы будем удивляться новому для нас чувству доверия во всей нашей деятельности. Хотя требования жизни остаются такими же высокими, как и обычно, мы живем в состоянии неспешности и покоя. Мы сострадаем тем, на кого раньше смотрели с завистью. Мы видим теперь не только их высокое положение, но и их боль. Мы обращаем внимание на тех, мимо кого раньше проходили, не замечая их, и находим их теперь восхитительными личностями. Мы видим свое сходство с отверженными, „прахом" земли (1 Кор. 4:13).

Но еще больше мы осознаем не только эти внутренние изменения, но и глубокую любовь и радость в Боге. Наши дни теперь отмечены моментами стихийно возникающего восторга и благодарности Богу. Неприметное служение другим становится для нас молитвой благодарения. Мы как будто находимся под воздействием Божественного центра, — и это поистине так.

Да... но

Естественное и понятное колебание сопровождает любое серьезное обсуждение смирения, служения. Это колебание хорошо, потому что мудр тот, кто сядет и подсчитает расходы, прежде чем углубляться в ту или иную дисциплину. Мы испытываем страх, который можно было бы выразить таким образом: „Если я буду так поступать, люди сядут мне на голову".

Тут мы должны видеть разницу между тем, избираем ли мы служение или же хотим быть слугой. Когда мы избираем первое, то мы сами решаем, кому и когда мы будем служить. И в таком случае мы, конечно, будем беспокоиться о том, чтобы кто-нибудь не воспользовался нами, не взял нас под свой контроль.

Но когда мы избираем другое — быть слугой, мы отказываемся от права решать. В этом — большая свобода. Если мы добровольно избираем то, чтобы люди пользовались нами, то нами нельзя манипулировать, как куклами. Когда мы избираем — быть слугой, то мы отказываемся от права решать, кому и когда мы будем служить. Мы становимся доступными и уязвимыми.

Посмотрите на положение раба. Раб смотрит на всю жизнь с точки зрения рабства. Он не видит себя как человека, обладающего теми же правами, как свободные мужчины и женщины. Пожалуйста, поймите меня, когда это рабство недобровольно, то оно жестоко и бесчеловечно.* Когда рабство, однако, добровольно избрано, все меняется. Добровольное рабство — это великая радость.

Представление о рабстве может оказаться очень трудным для нас, но оно не было таковым для апостола Павла. Он часто хвалился тем, что он — раб Христа, широко используя учение I века о „рабстве по любви", то есть когда раб из любви добровольно выбирает так и оставаться рабом. Мы стараемся в наших переводах как-то смягчить язык Павла, переводя слово „раб" как слово „слуга". Но какое бы слово мы ни использовали, будем понимать, что Павел имел в виду именно такое состояние, когда он по своей воле сам отказывается от всяких своих прав.

Поэтому страх, что „нам сядут на голову", вполне оправдан. Именно это и случится, может случиться. Но кто может повредить тому, кто сам на это согласен? Фома Кемпийский наставляет нас быть „столь подчиненными, чтобы все люди могли взять верх над тобою и считали тебя как бы грязью на земле".6

В книге „Цветочки Франциска“ рассказывается чудная история о том, как Франциск учил Брата Льва значению совершенной радости. Когда они шли вместе под дождем и ледяным ветром, Франциск напомнил Льву обо всех вещах, в которые мир верил, что они приносят радость, включая сюда и религиозные переживания, и каждый раз он заканчивал одним и тем же: „Совершенная радость не в этом“. Наконец, в отчаянии Брат Лев спросил: „Умоляю тебя именем Бога сказать мне, в чем же состоит совершенная радость и где ее найти!“ Тогда Франциск начал перечислять все, что только есть в мире унижительного и самоунижающего, завершая каждый раз словами: „О, Брат Лев, запиши, что совершенная радость пребывает здесь“. Чтобы объяснить и покончить с этим вопросом, он сказал: „Выше всех милостей и даров Святого Духа, которые Христос дает Своим друзьям, является победа над самим собой и добровольное перенесение страданий, оскорблений, унижений и трудностей — ради любви Христовой“.7

Нам трудно сегодня принять эти слова. (Вы должны понять, что и я сам с великим трудом заставлял себя даже просто слушать учителей благочестия в этом вопросе). Мы боимся, что такая позиция неизбежно прославляет аскетизм и самоуничижение. В церквях мы едва только начали выходить из „червячного богословия“, которое ужасно унижало человека, его способности и возможности. Не вернемся ли мы к этому? Нет, конечно, нет. Хотя мы должны быть настороже против подобной опасности. Как сказал Бонхоуфэр: „Если в нашей жизни нет элемента аскетизма, если мы позволяем плотским желаниям править нами, то нам будет действительно трудно служить Христу“.8

Служение при рыночной экономике

Служение — это не список того, что мы должны делать, и не этические нормы, а образ жизни. Совершать отдельные поступки служения не есть то же самое, что жить в служении. Поступать, как слуга, — это одно, а быть слугой — это совсем другое. Как и во всех областях духовной жизни, механике служения, возможно научиться не переживая внутреннего изменения, не живя в служении.

Однако недостаточно просто подчеркнуть внутреннюю природу служения. Служение должно осуществляться в условиях того мира, в котором мы живем. Поэтому постараемся познать, как выглядит служение в рыночных условиях нашей повседневной жизни.

Прежде всего, существует служение сокрытия. Если все наше служение проходит на глазах других, то мы просто пустые люди. Послушайте духовное наставление Иереми Тейлора: „Любовь надо скрывать и мало уважать: будьте довольны недостатком похвалы, никогда не огорчайтесь, когда вами пренебрегают и вас недооценивают...“.9 Скрытость служения — это смертельный удар по гордости.

Сначала может показаться, что тайна служения сохраняется только ради того, кому эту услугу оказывают. Но дело не в этом. Анонимное служение оказывает действие даже на тех людей, которые о нем ничего не знают. Они ощущают более глубокую любовь и сострадание среди людей, хотя не могут дать отчета в этом чувстве. Если тайное служение совершается ради них, они вдохновляются к более глубокому благочестию, потому что знают, что источник служения находится гораздо глубже того, что видимо. Это служение, к которому способны все люди, от него происходят радость и праздничное настроение в любой общине.

Существует также служение в малом. Как Тавифа, мы можем находить пути делать „рубашки и платья для вдов“ (Деян. 9:39). Я хочу рассказать одну правдивую историю. Когда я находился в последней горячке написания моей докторской диссертации, мне позвонил друг. Он интересовался, не поеду ли я с ним на некоторые посещения. Пойманный, я согласился, проклиная в душе такую неудачу. Выбегая из двери, я схватил книгу Бонхоуфэра — „Жизнь вместе“, думая, что по дороге я ее почитаю. Я очень сожалел о потере времени, столь для меня драгоценного. И вот наконец мы

оказались на центральном рынке. Мой друг вышел, и я помахал ему рукой, говоря, что подожду его в машине. Я взял свою книгу, открыл ее и прочитал следующие слова: „Второе служение, которое один должен оказывать другому, в христианской общине — это активная помощь. Это означает прежде всего простую помощь в мелких, внешних делах. Таких вещей полно везде, где только люди живут вместе. Ни для кого этот труд не является слишком низким. Тот же человек, который беспокоится о потере времени, связанной с этими мелкими услугами, просто придает слишком важное значение своей собственной карьере".10

Франциск Сальский говорит, что великие добродетели и мелкие услуги — это как сахар и соль. Сахар вкуснее, но он требуется не так часто. Соль же — везде и всегда. Великие добродетели требуются редко, а служение в малом — это наша повседневная жизнь. Великие задачи требуют великой жертвы в данный момент, а мелочи требуют постоянной жертвы. „Маленькие возможности для служения возникают каждый момент. И если мы хотим быть верными в малом, то нашей плотской природе некогда будет и вздохнуть, и мы должны будем умереть для собственных наклонностей. Мы бы скорее предпочли великие жертвы ради Бога, пусть даже болезненные, при условии, что в остальное время мы будем свободны в следовании своим вкусам и привычкам во всех мелочах".11

В области духа мы вскоре обнаруживаем, что все действительно серьезное и важное оказывается в самых незначительных уголках жизни. Наше обольщение „великим" сделало нас слепыми к этому факту. Служение в мелочах потребует наступления на нашу лень и медлительность. Мы начнем видеть мелочи как нечто главное. Фенелон сказал: „Презрение к мелочам вовсе не говорит о духовном величии. Напротив, именно из-за узости наших взглядов мы считаем мелким то, что имеет столь далеко идущие последствия".12

Есть служение сохранения репутации других. Или, как называл это Бернад Клервосский, служение милосердия. Как необходимо это служение, если мы хотим спастись от сплетен и ответных укусов! Апостол Павел учил нас „никого не злословить" (Тит. 3:2). Мы можем прикрыть свой острый ответ какой угодно религиозной благонаравностью, но он останется смертельным ядом. Есть дисциплина языка, удерживающая нас от праздных и вредных слов, и она может творить чудеса в нашем внутреннем человеке.

Не следует нам также принимать участие в тех разговорах, где люди злословят друг друга. У нас в церкви заведено правило — не принимать жалоб на пасторов, а лучше предлагать пойти прямо к тому, на кого имеется жалоба. Наши члены церкви оценили это правило. Оно имело оздоравливающее действие на всю общину.

Бернард Клервосский предостерегал нас, что злой язык „наносит тяжелый удар по милосердию всех тех, кто слышит такие слова, разрушает корень и ветви не только непосредственных слушателей, но и всех тех, кому злые слова потом передаются".13 Беречь репутацию других людей — это глубокое и длительное служение.

Есть также особое служение — принимать служение других. Когда Иисус начал мыть ноги тем, кого Он любил, Петр отказался. Он никак не мог согласиться с тем, чтобы его Учитель выполнял для него такой низкий труд. Это звучит как смирение, но на деле это завуалированная гордость. Служение Иисуса было вызовом тому, как Петр понимал власть: если бы Петр был учителем, он никогда не мыл бы ноги своим ученикам! Позволить другим служить нам — это акт покорности и служения. В этом — признание власти Царствия над всеми нами. Мы принимаем служение, никогда при этом не чувствуя, что мы обязаны за это отплатить. Те, которые из гордости отказываются принимать служение, не могут ни понять, ни принять Богом назначенный порядок в Царствии Его.

Есть служение простой вежливости. Наше время — это время трудное для вежливости. Но мы, дети света, никогда не должны презирать те нормы поведения, которые есть в каждой культуре. Это один из немногих оставшихся в обществе способов выразить признание ценности друг друга. Как Павел советовал Титу: „... быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам" (Тит 3:2).

Миссионеры знают цену вежливости. Они никогда не будут вторгаться в какую-нибудь деревню и требовать, чтобы их слушали: они сначала пройдут через все обычные в данном месте формы знакомства и представления. Но в своей собственной культуре мы склонны нарушать эти правила и в то же время требовать, чтобы нас принимали и слушали. А потом мы удивляемся, что никто не хочет делать ни того, ни другого.

„Но все эти правила такие бессмысленные, такие лицемерные", — жалуемся мы. Это сказки. Правила хорошего тона полны смысла и ни в коей мере не лицемерны. Надо преодолеть свое эгоцентрическое самолюбие, говорящее нам: „Люди спрашивают: „Как вы поживаете?" и при этом вовсе не интересуются этим вопросом в действительности!" Нам нужно признать, что это американский способ признания вашего присутствия. Мы можем тоже признать их присутствие, вовсе не обязанные давать отчет в том, что у нас болела голова сегодня утром. Слова „спасибо", „да", „пожалуйста" являются служением вежливости. Правила вежливости могут меняться от культуры к культуре, но цель их всегда одна и та же: признать других и их ценность. Служение вежливости особенно необходимо в нашем обществе, где происходит быстрое падение ценности личности при общей компьютеризации.

Есть служение гостеприимства. Петр побуждает нас: „Будьте страннолюбивы друг ко другу без ропота" (1 Петр. 4:9). Павел делает то же самое и даже требует гостеприимства как необходимого качества для служения епископа (Римл. 12:13; Тит 1:8). Сегодня существует острая нужда в домах, которые были бы открыты. Старая идея о доме для гостей сейчас совершенно извращена существованием отелей и ресторанов. Я побывал в испанских миссиях в Калифорнии и дивился той милости, какую там оказывали посетителям.

Я знаю пару, которая сделала служение гостеприимства центральным в своей жизни. Каждый месяц они принимали не менее семидесяти человек, одного за другим. Они верят, что Бог призвал их именно к этому служению. Может быть, большинству из нас это не под силу, но все же кое-что мы можем сделать. Мы можем начать это делать.

Иногда мы сами себя ограничиваем, потому что делаем свое гостеприимство очень сложным. Я помню, как одна хозяйка просто с ног сбилась, искренне желая, чтобы каждому было удобно. Мой друг потряс нас всех, обратившись к ней: „Елена, я не хочу кофе, я не хочу чаю, я не хочу пирожков, мне не нужна салфетка! Я просто пришел повидаться. Не посидите ли вы с нами и не поговорите ли?". Просто возможность побыть вместе и поделиться — вот сущность гостеприимства.

Есть служение слушания. „Это самое первое служение, которое мы должны выполнять по отношению к другим в нашем с ними общении: слушать их. Как любовь к Богу начинается со слушания Его Слова, так и любовь к братьям состоит в том, что мы научаемся слушать их".¹⁴ Мы отчаянно нуждаемся в той помощи, которая приходит к нам через внимательное слушание друг друга. Нам для этого вовсе не надо быть опытными слушателями. Здесь больше всего требуются сострадание и терпение.

Нам не надо иметь правильных ответов, чтобы научиться хорошо слушать. В действительности часто именно правильные ответы являются препятствием к слушанию, потому что мы начинаем более заботиться об ответе, чем о том, чтобы слушать. Нетерпеливый полуслушатель — это просто оскорбление для того, кто хочет поделиться.

Слушание других успокаивает и дисциплинирует ум, чтобы слушать Бога. Оно создает такой внутренний труд в сердце, который изменяет как наши чувства, так и шкалу ценностей. Когда мы отупели, чтобы слышать Слово Божие, мы очень хорошо сделаем, если будем слушать других в молчании и смотреть, не услышим ли мы при этом Бога. „Кто думает, что его время слишком дорого, чтобы тратить его на слушание, тот скоро не будет иметь времени и для Бога, но только для себя и своих глупостей".¹⁵

Есть служение — носить бремена друг друга. „Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов" (Гал. 6:2). Закон Христа — это закон любви, „закон царский", как называл его Иаков (2:8). Любовь осуществляется, когда мы несем страдания и боль друг друга, плача с теми, кто плачет.

Если мы любим, то мы научимся нести скорби других. Я говорю „научимся", потому что это тоже дисциплина, которой надо овладеть. Большинство из нас считает, что все, что от нас требуется, — это принять решение носить бремена других, и мы, конечно, можем это сделать. Затем мы начинаем так поступать, и вскоре радость жизни покидает нас, мы обременены печалью других. Этого вовсе не нужно. Мы можем нести бремена других, не разрушая при этом самих себя. Иисус, Который понес на Себе бремена всего мира, мог сказать: „Бремя Мое легко" (Мф. 11:30). Можем ли мы научиться понимать печаль и боль других и отдавать в нежные руки Иисуса так, что облегчается при этом и наше собственное бремя? Конечно, можем. Для этого требуется некоторая практика, поэтому не будем спешить взять на себя бремена всего мира, а начнем более смиренно. Начнем с малого, Иисус будет нашим Учителем.

Наконец, есть служение — делиться Словом Жизни друг с другом. В „Пустынях", устроенных Кэтрин де Хек Догерти, есть следующее правило: когда кто-нибудь удалялся в пустыню молчания и одиночества, делал это для всех других. И какое бы Слово Божие он ни получил, он должен был потом им поделиться с другими. Это милостивое служение, потому что нет такого человека, который мог бы слышать все, что Бог хочет сказать. Мы зависим друг от друга, чтобы получать Божий совет. Самый малый член общины может принести нам Слово, и мы не смеем осуждать его служение.

Здесь, конечно, есть опасность. Тот факт, что Бог говорит нам, не гарантирует того, что мы правильно понимаем послания. Мы часто смешиваем свои слова со Словом Божьим: „... из тех же уст исходит благословение и проклятие" (Иак. 3:10). Это предостережение смиряет нас и направляет в полную зависимость от Бога. Но мы не должны отстраняться от этого служения, потому что оно сегодня чрезвычайно нужно.

Воскресший Христос призывает нас к служению полотенцем. Такое служение, вытекающее из нашего внутреннего человека, — жизнь, и радость, и мир. Может быть, вы захотите начать с той молитвы, которую многие из нас уже использовали: „Господь Иисус, я бы так хотел, чтобы Ты привел ко мне кого-нибудь, кому я могу послужить!"

III. ГРУППОВЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

10. Дисциплина исповеди

„Исповедание злых дел — это первое начало дел добрых".

Блаженный Августин

В сердце Божьем есть желание прощать и давать. Именно поэтому Он начал весь этот искупительный труд, кульминацией которого был Крест, а подтверждением — Воскресение. Бытующее мнение о том, что содеял Иисус на Кресте, состоит в следующем: люди были такие плохие и злые и Бог так разгневался на них, что не мог

простить их, пока Некто, достаточно великий и достойный, не примет наказания за всех них.

Ничто не может быть дальше от истины. Любовь, а не гнев, привела Иисуса на Крест. Голгофа явилась результатом великого желания Бога — прощать, а не Его нежелания. Иисус видел, что Своим священническим страданием Он сможет в действительности вобрать в Себя все зло человечества и таким образом исцелить его, простить его.

Вот почему Иисус отказался от обычного болепритупляющего средства, когда Ему его предложили. Он хотел совершить Свой великий труд искупления в полном сознании. Глубоко таинственным образом Он готовился войти в ту, общую всему человечеству, бессознательность. Так как Иисус живет в Вечном ныне, этот труд был совершен не только для окружавших Его, но Он вбирал в Себя всю жестокость, весь страх, весь грех всего прошедшего, настоящего и будущего. Это был Его высочайший и святейший труд, труд, который соделал возможным исповедание и прощение грехов.

Некоторые, кажется, думают, что, когда Иисус воскликнул: „Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?“, это был момент слабости (Мк. 15:34). Вовсе нет. Это был момент Его величайшей победы. Иисус, Который ходил в постоянном общении с Отцом, теперь полностью отождествил Себя с человечеством, так что стал действительным воплощением греха. Апостол Павел писал: „Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех“ (2 Кор. 5:21). Иисусу удалось вобрать в Себя все темные силы этого злого века и победить каждую из них светом Своего присутствия. Он настолько отождествил Себя с грехом человечества, что испытал богооставленность. Только так Он мог искупить наш грех. Это был действительно Его величайший триумф.

Исполнив этот великий труд, Иисус вкусил уксуса. „Совершилось!“ — сказал Он. То есть труд искупления был завершен. Он мог чувствовать, как последние капли страдания человечества протекают через Него и предаются Отцу. Последние приступы зла, враждебности, страха и гнева осушались из Него, и Он был способен снова вернуться в свет Божьего присутствия. „Совершилось“. Труд закончен. Вскоре после этого Он был свободен предать дух Свой Отцу.

„Для постижения наших грехов Он был в крови;
Он закрыл Свои очи, чтобы явить нас Богу;
Пусть весь мир падет и знает,
Что никто, как только Бог, может так любить“.

Бернард Клервосский

Этот процесс искупления является великой тайной, сокрытой в сердце Бога. Но я знаю, что это правда. Я знал, что это правда, не только потому, что Библия говорит об этом, но потому, что я видел его проявления в жизни многих людей, включая меня самого. На основании этого мы можем знать, что исповедь и прощение являются теми реальностями, которые нас преображают. Без Креста дисциплина исповеди была только психологической терапией. Но она бесконечно больше. Она включает в себя реальное, объективное изменение в наших отношениях с Богом и субъективное изменение в нас. Это средство исцеления и преображения внутреннего духа.

Вы можете сказать: „Но я думал, что Христос на Кресте и искупление связано со спасением“. Да, связано. Но спасение, как о нем говорит Библия, означает нечто большее, чем то, кто попадет в небеса или кто станет христианином. Павел сказал, обращаясь к верующим: „Со страхом и трепетом совершайте свое спасение“ (Фил. 2:12). В своей проповеди на тему „Покаяние верующих“ Джон Веслей говорил о том, как христианину необходимо все более входить в прощающую благодать Божию. Дисциплина исповеди поможет верующему возрастать „в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова“ (Еф. 4:13).

„Но разве исповедь — это дисциплина, а не благодать?" Это и то, и другое. Если Бог не даст благодати, не может быть и искренней исповеди. Но это также и дисциплина, потому что есть вещи, которые мы должны делать. Это сознательно избранное направление действий, которое приводит нас под сень Всемогущего.

„А почему исповедь отнесена к числу общих дисциплин? Я думал, это частное дело между человеком и Богом". И снова ответ — и то, и другое. Мы благодарны за библейское учение, раскрытое Реформацией, что „един и посредник между Богом и человеками, человек Иисус Христос" (1 Тим. 2:5). Мы так благодарны за библейское учение, получившее заново высокую оценку в наше время, — „признаваться друг перед другом в проступках и молиться друг за друга..." (Иак. 5,16). И то, и другое находится в Писании, и одно не исключает другого.

Исповедь так трудна для нас еще и потому, что мы склонны рассматривать общину как собрание святых скорее, чем собрание грешников. Мы готовы признать, что любой другой гораздо дальше продвинулся в святости и что мы сами изолированы и одиноки в своем грехе. Нам невыносима мысль о том, чтобы открыть свои падения и недостатки другим. Мы воображаем, будто только нам одним никак не встать на дорогу, ведущую в небеса. Поэтому мы прячемся друг от друга и живем в завалуированной лжи и лицемерии.

Но если мы знаем, что Божий народ — это прежде всего собрание грешников, то мы свободны и слышать зов Божьей любви, и открыто исповедовать свою нужду перед братьями и сестрами. Мы знаем, что мы не одиноки в своем грехе. Страх и гордость, прилипшие к нам, липнут также и к другим. Мы все вместе грешники. В актах взаимной исповеди мы высвобождаем силу, способную исцелять. Наше человеческое не отрицается более, а трансформируется.

Власть прощать

Последователям Иисуса Христа была дана власть принимать исповедание греха и прощать во имя Его. „Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся" (Ин. 20:23). Какая чудная привилегия! Почему мы стесняемся такого жизнедающего служения? Если нам не по каким-либо нашим заслугам, а из чистой милости была дарована власть освобождать других, как мы осмеливаемся удерживать этот дар? „Наш брат был дан нам, чтобы помочь нам. Он слушает исповедание наших грехов вместо Христа и прощает наши грехи во имя Его. Он хранит тайну исповеди, как Бог хранит. Когда я иду исповедаться перед моим братом, я иду к Богу" (Дитрих Бонхоуфэр, „Жизнь вместе").¹

Такая власть ни в коей мере не уменьшает ни ценности, ни эффективности тайной исповеди перед Богом. Это чудесно, что у человека есть доступ к новой жизни на Кресте и без всякого человеческого посредничества. Эта истина ворвалась, как струя свежего воздуха, в дни Реформации. Она стала трубным звуком свободы от того рабства и подтасовки, которые вкрались в церковную систему исповеди. Но нам нужно также помнить и о том, что Сам Лютер верил во взаимную братскую исповедь. Он писал в „Большом катехизисе": „Когда я увещал вас исповедоваться, я увещал вас быть христианином".² Нам также не нужно забывать, что, когда исповедальная система была впервые введена в церкви, она побудила к личному благочестию и святости.

Человек, который через исповедь испытал прощение и освобождение от неотвязного греха, должен чувствовать огромную радость от очевидности Божией милости. Но есть и другие, с которыми этого не произошло. Я опишу, как это бывает. Мы молили, умоляли о прощении, и, хотя мы надеемся, что мы были прощены, мы не испытали освобождения. Мы усомнились в своем прощении и отчаялись в своей исповеди. Мы боимся, что, возможно, мы исповедались только сами перед собой, а не перед Богом. Преследовавшие нас печали и раны прошлого не были исцелены. Мы пытались убедить себя, что Бог прощает только грех, Он не исцеляет память, но глубоко внутри себя мы

знаем, что должно быть нечто большее. Нам говорят, что нам нужно верой принять прощение и не звать Бога лжецом. Не желая называть Бога лжецом, мы изо всех сил стараемся взять это верой. Но так как в нашей жизни остаются и страдания, и горечь, то мы снова отчаиваемся. В итоге мы начинаем верить либо в то, что прощение — это только пропуск в небеса и никак не отражается на нашей сегодняшней жизни, либо же в то, что мы не заслуживаем прощающей благодати Божией.

Те из нас, которые в какой-то степени имеют подобные переживания, могут радоваться. Мы не истощили ни свои ресурсы, ни Божию благодать, когда мы решились на личное исповедание. Мы читаем следующие ободряющие слова одного пастора, вслед за призывом к испытанию самого себя и покаянию: „Если есть тот, кто не найдет в этом успокоения своей совестью, но нуждается в дальнейшем утешении или совете, пусть он придет ко мне или к любому другому служителю Божьего Слова и откроет свою печаль...”.³ Бог дал нам наших братьев и сестер, которые стоят, как Христос, перед нами и делают Божие присутствие и прощение реальным для нас.

Писание учит нас, что все верующие являются священниками перед Богом. „Вы — г род избранный, царственное священство” (1 Петр. 2:9). Во время Реформации это называлось „всеобщим священством верующих”. Одной из функций священников Ветхого Завета было осуществлять прощение грехов через святую жертву. В Послании к Евреям, конечно, объясняется, что Иисус — это последняя и достаточная жертва. Но Он дал нам Свое священство, служение, назначенное к тому, чтобы делать эту жертву реальной в сердцах и жизни других человеческих существ. Именно через голос наших братьев и сестер слово прощения услышано и укоренено в наших сердцах. Бонхоуфэр писал: „Человек, исповедующий свои грехи в присутствии брата, знает, что он более не одинок, не оставлен сам с собой; он испытывает присутствие Бога в реальности другого человека. Пока я сам по себе в исповедании моих грехов, все остается во тьме, но в присутствии брата грех выводится на свет”.⁴

Формально этот вид помощи был назван исповедью или таинством покаяния. Хотя многие из нас, включая и меня самого, чувствовали бы себя неловко в такой форме исповеди, она все-таки имеет некоторые преимущества. Во-первых, определенная форма напечатанной исповеди не оставляет места ни для извинений грехов, ни для смягчающих обстоятельств. Человек должен признать, что он согрешил по собственной вине, по собственной весьма горькой ошибке. Наши грехи не могут быть названы ошибками суждения, нельзя винить в них наше воспитание, семью или плохих соседей. Это высшего сорта лечение реальностью, потому что мы так склонны обвинять в своих грехах всех и все, прежде чем возьмем на себя личную ответственность за них.

Вторым преимуществом формальной исповеди является то, что слово прощения ожидается и дается в отпущении грехов. Слово Писания или же слово, подобное ему, действительно произносится вслух. „Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды” (1 Ин. 1:9). Кающемуся тогда ясно и авторитетно сказано, что он полностью прощен и освобождается от своего греха. Уверенность в спасении запечатлевается в духе, когда это вслух произнесено нашим •братом или сестрой во имя Христа.

Есть и третье преимущество установленной исповеди, а именно — раскаяние. Если раскаяние рассматривается как способ получения прощения, это, конечно, опасно. Но если оно рассматривается как возможность на мгновение остановиться и поразмыслить над серьезностью своего греха, тогда оно имеет истинное достоинство. Мы сегодня очень легко относим все свои грехи на счет Божьей любви. Если бы у нас была хоть слабая тень того отвращения ко греху, которое чувствует Бог, мы бы подвинулись к более святой жизни. Бог умоляет нас: „Не делайте этого мерзкого дела, которое Я ненавижу” (Иер. 44:4). Цель — помочь нам глубже понять греховность греха.

Все это, конечно, может быть достигнуто и без формальной исповеди. В действительности, когда мы знаем, чего мы хотим, это огромное преимущество —

видеть, что исповедь является общим достоянием Божьего народа. Как это сделать? Возможно, живой пример поможет сделать это учение более конкретным.

Дневник исповеди

Хотя я читал в Библии о служении исповеди в христианском братстве, я никогда не испытывал его, пока не стал пастором моей первой церкви.

Я сделал этот трудный шаг по обнажению своей внутренней жизни перед другими вовсе не оттого, что чувствовал тяжесть греха. Я не чувствовал ни малейшего угрызения совести, кроме одного момента. Я жаждал иметь больше силы для совершения Божьего труда. Я ощущал, что не отвечаю многим отчаянным нуждам, которые вставали передо мной. Во мне должны были быть гораздо более богатые духовные ресурсы, чем те, которые у меня были (а они у меня были! Назовите что хотите из духовного опыта, у меня оно было!). „Господи, хочешь ли Ты принести что-то большее в мою жизнь? — молился я. — Я хочу, чтобы Ты победил меня и правил мною. Если в моей жизни есть какое-либо препятствие для Твоей силы, открой это мне". И Он открыл. Не было никакого голоса, не говорил Он мне и через людей, но просто во мне росло ощущение, что, возможно, в моем прошлом было нечто, препятствующее потоку Его жизни. Итак, я разработал план. Я разделил свою жизнь на три периода: детство, юность, взрослый период. Относительно первого я пришел к Богу в молитве и размышлении, с карандашом и бумагой в руке. Приглашая Его открыть мне что-то в моем детстве, что нуждалось либо в прощении, либо в исцелении, либо в том и другом, я ожидал в полном молчании минут десять. Все, что только приходило мне на ум относительно моего детства, я записывал. Я не пытался ни анализировать, ни осуждать. Я был уверен, что Бог откроет мне все то, что нуждается в Его целительном прикосновении. Закончив, я отложил эту бумагу на день. На следующий день я сделал то же самое с годами моей юности, и на третий день — с периодом моей взрослой жизни.

С бумагой в руках я затем отправился к дорогому брату во Христе. Я ему сообщил об этом за неделю, так что он понимал цель нашей встречи. Медленно, и иногда с болезненным чувством, я читал свои листы, добавляя только те комментарии, которые бы делали мой грех яснее. Когда я кончил, я начал складывать свои бумаги в портфель. Но как мудро сделал мой советник-исповедник: он мягко остановил мою руку и взял эти листы. Без единого слова он достал мусорную корзину, порвал бумаги и бросил их туда. Это безмолвное прощение грехов было потом сопровождено простым словом отпущения. И я знаю, что мои грехи были удалены от меня, как восток от запада.

Затем мой друг, возложив на меня руки, помолился молитвой об исцелении всех печалей и ран прошлого. Сила этой молитвы пребывает со мной и сегодня.

Я не могу сказать, что я пережил нечто драматичное. Нет. Собственно, весь этот опыт был чистым повиновением, без какого-либо возбуждения чувств. Но я убежден, что это дало мне такую свободу, какой я прежде не знал. Похоже было на то, что я получил способность гораздо полнее пользоваться Духом. Именно вслед за этим событием я начал входить в некоторые из описанных в этой книге дисциплин, и это тоже стало моим новым опытом. Была ли здесь случайная связь? Я не знаю и, откровенно говоря, не хочу знать. Достаточно повиноваться внутреннему побуждению, пришедшему свыше.

Был при этом и интересный побочный эффект. Моя откровенность со всей очевидностью явилась некоторым „зажиганием" и для моего друга-советника и его освобождением, потому что вслед за его молитвой за меня он оказался в состоянии исповедать свой собственный глубокий и тревожащий его грех, чего он не мог сделать раньше. Свобода зажигает свободу.

Совет относительно исповеди

Истинным является не только то, что мы любим, „потому что Он прежде возлюбил нас“, но и то, что нам дана способность исповедоваться только и особенно потому, что Он первый возлюбил нас (1 Ин. 4:19). Свидетельство милости и благодати сокрушает сердце и вызывает поток исповеди. Мы привлечены к нему „узами человеческими, ... узами любви“, как говорит это Осия (11:4). Мы приходим к Нему с сердцами, полными надежды, потому что Тот, к Кому мы приходим, ожидает нас, как отец — блудного сына. Завидевший сына, когда он был еще очень далеко, в сострадании поспешил к нему и обнял его и радовался его возвращению (Лк. 15:20). Прощать — это Его величайшая радость. Он созывает Своих полных света ангелов, чтобы вместе с Ним возрадовались, всякий раз, как кто-то исповедует Ему свой грех.

Что мы делаем? Святой Альфонсо Лугори пишет: „Для хорошего исповедания необходимыми являются следующие три вещи: исследование совести, скорбь и желание избавиться от греха“.5

„Исследование совести“.* Это время, по определению Дугласа Стира, „когда душа является пред очи Божьи и когда в Его молчаливом и любовном присутствии эта душа пронзена, и оживает, и сознает в себе то, что должно быть прощено, чтобы быть оправданной и снова продолжать любить Того, чья любовь так постоянна“.6

В этом опыте раскрывания самих себя „пред очами Божьими“ мы должны быть готовы иметь дело с конкретными грехами. Общая исповедь избавляет нас от унижения и стыда, но она не несет с собой внутреннего исцеления. Люди, которые приходили к Иисусу, приходили с очевидными и конкретными грехами, и каждый из них был прощен. В общей исповеди очень легко избежать признания своей действительной вины. В исповеди мы приносим конкретные грехи. Называя их конкретными, я, однако, не имею в виду грехи внешние. Я говорю о грехах вполне определенных, грехах сердца: гордость, скупость, гнев, страх, а также грехах плоти: неряшливость, обжорство, похоть, убийство. Мы можем использовать метод, описанный выше. Возможно, нам больше подойдет метод Лютера, когда он стремился исследовать себя на основании десяти заповедей. Нас может привлечь и какой-нибудь еще подход.

В своем желании назвать определенные грехи мы не должны, однако, впадать в противоположную крайность, стремясь вырвать все, до последней мелочи, из нашей жизни. С большим здравомыслием Франциск Сальский советует: „Не беспокойтесь, если вы в своей исповеди не вспомните все ваши мелкие проступки, потому что, когда вы падаете незаметно для себя, вы часто и поднимаетесь столь же незаметно“.7

„Скорбь“ необходима в хорошей исповеди. Когда речь идет об исповеди, то скорбь не является эмоцией, хотя эмоции могут быть вовлечены. Это отвращение к совершенному греху, глубокое сожаление, что сердцу Отца нанесено такое оскорбление. Скорбь — это вопрос воли, прежде чем стать делом чувств. Фактически скорбеть эмоционально без скорби „ради Бога“ значит разрушать исповедь.

Скорбь — это серьезное отношение к исповеди. Это противоположно тому священнику (и, конечно, раскаивающемуся), которого высмеял Чосер в „Кентерберийских рассказах“:

„Как нежно слушал он исповедь,
И как приятно было отпущение грехов“.8

„Решимость отвергнуть грех“ — это третий существенный момент хорошей исповеди. В дисциплине исповеди мы просим Бога дать нам жажду святой жизни, ненависть к нечестивой жизни. Джон Веслей сказал однажды: „Дайте мне сотню проповедников, которые ничего не боятся, кроме греха, и ничего не желают, кроме Бога... одно это потрясет врата ада и установит Царство Небесное на земле“.9 Это воля к тому, чтобы действительно освободиться от греха, именно этого мы ищем у Бога, когда готовимся к исповеди. Мы должны желать того, чтобы Бог победил нас и правил нами. Если у нас

нет этого желания, то нам нужно желать иметь его. Подобное желание — это милостивый дар Божий. Искать, желать этого дара — это подготовка к исповеди перед братом или сестрой.

Не звучит ли это слишком сложно? Не боитесь ли вы, что, пропустив тот или иной момент, вы нарушите целое, сделаете исповедь неэффективной? Обычно при анализе все выглядит гораздо сложнее, чем на практике. Помните об отцовском сердце; Он похож на пастыря, который пойдет на любой риск, чтобы только найти одну потерявшуюся овцу. Нам не нужно побуждать Бога простить нас. Фактически не мы, а Он трудится над тем, чтобы побудить нас искать Его прощения.

Еще одно замечание о подготовке к исповеди. В процессе самоизучения должен существовать определенный завершающий момент. Иначе мы можем легко впасть в привычку бесконечного самоосуждения. Исповедь начинается со скорби и кончается радостью. Прощение грехов — это праздник, потому что оно ведет к действительному изменению жизни, к новой жизни.

Следующий практический вопрос — к кому нам идти исповедоваться. В богословском плане, безусловно, верно сказать, что каждый христианин может принять исповедь другого христианина. Но не у каждого христианина будет достаточно понимания и сострадания. Это, конечно, очень жаль, но таковы факты, что некоторые люди совершенно не могут ничего хранить в тайне. А другие придут в ужас при исповедании некоторых грехов. А третьи, не понимая природы и значения исповеди, попытаются отмахнуться от нее со словами: „Это не так уж и страшно!“ К счастью, многие люди понимают, что такое исповедь, и будут счастливы послужить таким образом. Как найти таких? Попросите Бога, чтобы Он вам их открыл. Открытие того человека, кому нам должно исповедаться, может само по себе быть милостивым даром в дисциплине молитвы.

Но что, если есть такой грех, который мы никак не можем решиться открыть? Что, если нам не хватает мужества открыть какой-то особый уголок нашей жизни? Тогда все, что нужно сделать, это сказать нашему брату или сестре: „Помоги мне. Есть грех, в котором я не решаюсь исповедоваться“. Наш друг-исповедник тогда облегчит нам вытаскивание из укрытия того дикого животного, которое готово было нас пожрать. Все, что вам только нужно будет делать, — это отвечать „да“ или „нет“ на его расспросы. И вот и временный, и вечный ад исчезли, милость Божия восстановлена, и в совести царит мир.¹⁰

Советы по принятию исповеди

Как и в любом другом духовном служении, здесь тоже | требуется известная подготовка, чтобы быть в состоянии правильно выслушать исповедь брата или сестры.

Нам нужно научиться жить под Крестом. Бонхоуфэр сказал: „Всякий, живущий под Крестом и видящий в Кресте Иисуса вершину нечестия всех людей и своего собственного сердца, поймет, что не существует такого греха, который был бы чужд ему. Всякий, кто хоть раз пришел в ужас от своего собственного греха, пригвоздившего Иисуса ко Кресту, не будет более ужасаться самым мерзким грехам брата".¹¹ Это первое, что спасет нас от оскорбления от исповеди другого. Это навсегда освобождает нас от того, чтобы принимать позу превосходства. Мы знаем лукавство человеческого сердца, и мы знаем благодать и милость Божию и то, что Он принимает нас. Как только мы увидели ужас греха, мы узнали, что, независимо от поступков других людей, мы — самые большие грешники.

Поэтому другой человек не может сказать нам ничего такого, что бы нас смутило. Ничего. Находясь под Крестом, мы в состоянии услышать самые ужасные вещи от самых лучших людей, не моргнув глазом. Если это реальность для нас, то мы и другим передадим тот же дух. Они будут знать, что свободно могут прийти к нам. Они будут

знать, что мы можем принять все, что только они нам откроют. Они будут знать, что мы поймем их, а не „снизойдем“.

Когда мы живем в таком духе, нам не нужно говорить другим, что мы сохраним их тайну. Они будут знать, что мы никогда не обманем их доверия. Нам об этом даже не надо им говорить. У нас и соблазна не будет предать их, потому что мы знаем, какая святая печаль подвигла их на этот трудный шаг.

Живя под Крестом, мы свободны от опасности духовного превосходства. Мы уже были там, где сейчас находится наш брат, и поэтому у нас исчезает всякое желание использовать его исповедь против него. У нас также не возникает желания контролировать его и выправлять. Все, что мы чувствуем в отношении его, — это понимание и принятие.

Во время подготовки к этому священному служению мы проявим мудрость, если будем регулярно молиться, чтобы свет Христов в нас увеличился и осиял бы тех, с кем мы находимся. Мы хотим научиться жить так, чтобы само наше присутствие говорило о любви и прощающей благодати Божией. А также нужно молиться об увеличении в нас способности различения. Это особенно важно для нашей молитвы после исповеди. Нам надо иметь способность понять, что именно нуждается в исцелении в глубинах духа.

Важно, чтобы тогда, когда другие открывают нам свои скорби, мы бы оставались в покое. Мы будем испытывать огромный соблазн — облегчить напряжение ситуации каким-нибудь бесцеремонным комментарием. Это отвлекает от исповеди и даже может оказаться разрушительным для святости этого момента. А также не надо стараться выпытать больше подробностей, чем это необходимо. Если мы чувствуем, что из страха или смущения они о чем-то умалчивают, лучше всего ожидать в молчании и молитве.

Однажды душа исповедовала передо мной и Господом свою печаль. Когда она закончила, я почувствовал потребность помолчать, ожидая. И тогда она начала говорить о своем глубоком внутреннем грехе, о котором она никогда не могла никому рассказать. Позднее она мне сказала, что, когда я молча ожидал, она посмотрела на меня и „увидела“ в моих глазах глаза Другого, Который излучал такую любовь и готовность принять ее, что она смогла облегчить свое сердце. Я сам ничего подобного не чувствовал и не „видел“, но не могу сомневаться в ее переживании, потому что ей было дано чудесное внутреннее исцеление.

Эта история говорит и еще об одном важном моменте принятия исповеди. Часто бывает полезно поставить между собой и кающимся Крест. Это делается через молитву и воображение. Это защищает их от того, чтобы принять от вас просто человеческое чувство, и защищает вас от опасных влияний их исповеди. Все проходит через свет Креста. Ваше человеческое сострадание оживляется и возвышается Божественной любовью. Вы молитесь за них силой Креста.

Едва ли нужно говорить о том, что, когда они исповедуются, вы молитесь за них. Внутренне, незаметно (не показывая внешне свою молитву, это не было бы добром с вашей стороны) вы изливаете в них молитвы любви и прощения. А также вы молитесь о том, чтобы они поделились своим „ключом“, открывающим ту внутреннюю область, которая нуждается в целительном прикосновении Христа.

Наконец, чрезвычайно важно, чтобы вы молились за человека, а не просто давали ему совет. До или во время молитвы мы должны объявить им, что прощение Иисуса Христа теперь реально и действительно для них. Мы можем сказать это словами и тоном подлинного авторитета, потому что все силы небесные стоят за этим разрешением от грехов (Ин. 20:22-23).*

Молитва идет на исцеление внутренних ран, причиненных грехом. Лучше всего сопровождать ее возложением рук, что является одним из начальных учений Библии и

средством передачи Божией жизнедающей силы (Евр. 6:2). Пригласите Бога войти в глубокий внутренний разум и исцелить скорби прошлого. Воображайте при этом исцеление. Благодарите Его за него. Об этом молитвенном служении один из богословов пишет: „Этот вид молитвы очень глубок. Вы чувствуете чувства того человека, за которого вы молитесь; тем более, что часто из самой глубины нашего существа льются слезы сострадания. И, однако, это слезы не свои, а страдающего нам Христа, Духом Своим носящегося над этой потерянной овцой, и радость Христа, что наконец-то Ему был дан допуск в сердце, и Он может достигнуть того, кого Он любит".¹²

Дисциплина исповеди кончает со всякими нашими претензиями быть не тем, что мы есть. Бог вызывает к существованию такую Церковь, которая может открыто признать свою хрупкую человечность и знает прощающую милость Бога, предназначившего нам Свою силу. Честность ведет к исповеди, а исповедь — к изменению. Да даст Господь церкви милость снова обрести дисциплину исповеди.

11. Дисциплина богопоклонения

„Поклоняться Богу — это значит оживлять совесть Святостью Божией, питать ум Истиной Божией, очищать воображение Красотой Бога, открывать сердце для Его Любви, посвящать свою волю целям Божьим".

Уильям Темпл

Поклоняться Богу — это значит переживать реальность, прикасаться к жизни. Это означает знать, чувствовать, испытывать присутствие воскресшего Христа среди собравшейся ради Него общины. Это означает — прорваться в сияющую славу Божию, а еще лучше сказать — быть его наполнением.**

Бог активно ищет Себе поклонников. Иисус заявил: „Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе" (Ин. 4:23). Это именно Бог ищет, влечет, убеждает. Поклонение — это человеческий ответ на Божественную инициативу. В Библии Бог ходил в саду, ища Адама и Еву. В распятии Иисус привлек мужчин и женщин к Себе (Ин. 12:32). Писание полно примеров Божественных усилий проявить инициативу, восстановить и поддержать общение со Своими детьми. Бог похож на отца блудного сына, который издали увидел своего сына и побежал ему навстречу, чтобы приветствовать его возвращение домой.

Поклонение есть наш ответ на откровение любви из сердца Отца. Реальность этого поклонения находится „в духе и истине". Оно загорается в нашем сердце только тогда, когда Дух Божий касается нашего человеческого духа. Формы и обряды не создают поклонения, а так же точно не создает его отказ от таковых. У нас может быть самая замечательная литургия, мы можем использовать самые правильные формы богослужения, но мы не поклоняемся Господу, пока Дух не коснется духа. Слова хора „Освободи мой дух, чтобы я мог поклониться Тебе" обнажают основу поклонения. Пока Бог не коснется и не освободит наш дух, мы не можем войти в эту реальность. Пение, молитва, славословие могут вести к поклонению, но оно само больше, чем все они. Наш дух должен быть зажжен Божественным огнем.

В результате мы равнодушны к вопросу о правильной форме богослужения. Вопрос о высшей и низшей литургии, о той или иной форме — это вопрос скорее второстепенный, а не главный. В этом равнодушии нас ободряет тот факт, что нигде в Новом Завете не предписана определенная форма богослужения. Фактически, что мы там находим, так это свобода, невероятная для народа с такими глубокими корнями в синагогальной литургической системе. У них была реальность богослужения. Когда Дух коснулся духа, формы перестали что-либо значить.

Объект нашего поклонения

Иисус дал на все времена ответ на вопрос, кому мы должны поклоняться. „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи" (Мф. 4:10). Единый истинный Бог — это Бог Авраама, Исаака и Иакова; Бог, Которого открыл для нас Иисус. Бог ясно выразил Свою ненависть ко всякому идолопоклонству, поместив острые требования в самом начале десяти заповедей: „Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим" (Исх. 20:3). Идолопоклонство состоит не только в том, чтобы кланяться перед видимыми объектами поклонения. „Сущность идолопоклонства состоит в развлекательности мыслей о Боге, недостойных Его".¹ Думать о Боге правильно — это значит все иметь правильным. Думать о Боге неверно — это значит, в известном и очень важном смысле, все иметь неправильным.

Мы отчаянно нуждаемся в том, чтобы видеть, Кто есть Бог: читать о Его откровении Своему древнему народу Израиля, размышлять о Его качествах, смотреть на откровение Его природы в Иисусе Христе. Когда мы видим Господа духов „высоко превознесенного", размышляем над Его бесконечной мудростью и знанием, удивляемся Его неизменной милости и любви, мы не можем не славить Его.

„Счастливы исповедовать Твои качества,
Славные и бесчисленные".²

Когда мы видим, Каков наш Господь, это вызывает в нас потребность в исповеди. Когда Исайя узрел Славу Божию, он воскликнул: „Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа" (Ис. 6:5). Всепроникающая греховность человеческих существ становится очевидной по контрасту с сияющей святостью Бога. Наша изменчивость становится исключительной, как только мы видим Божью верность. Понимать Его благодать — это значит понимать свою вину.

Мы поклоняемся Господу не только потому, что Он есть, Какой Он есть, но и потому, что Он для нас сделал. Бог Библии есть, прежде всего, Бог действующий. Его милость, доброта, верность, справедливость видны в том, как Он поступает со Своим народом. Его милостивые поступки не только отмечены в древней истории, но они вырезаны в наших собственных судьбах. Как сказал апостол Павел, единственный разумный ответ на это — поклонение. Мы славим Бога за то, Кто Он есть, и благодарим Его за то, что Он сделал. „Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего" (Римл. 12:1).

Первостепенное место богопоклонения

Если Господь есть действительно наш Господин, то поклонение Ему должно занимать первое место в нашей жизни. Первая заповедь гласит: „Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумием твоим, и всею крепостию твоею" (Мк. 12:30). Самым важным является поклонение, а служение — вторым. Таков Божественный порядок. Наша жизнь должна быть отмечена хвалой, благодарением и поклонением. Служение вытекает из поклонения. Служение как замещение поклонения, — это идолопоклонство. Активная деятельность может стать врагом поклонения.

Бог объявил, что самой первой обязанностью левитских священников было „приближаться ко Мне, чтобы служить Мне" (Иез. 44:15). Для ветхозаветного священства служение Богу должно было предшествовать всякому другому труду. И это столь же верно по отношению ко всеобщему священству Нового Завета. Серьезное искушение, с которым мы все сталкиваемся, — это откликаться на многие призывы к служению, не служа Самому Господу.

Подготовка к поклонению

Поразительной чертой библейского поклонения является то, что люди собирались в некоем, как мы теперь назвали бы, „святом ожидании“. Они верили, что они действительно услышат глас Божий. Когда Моисей входил в скинию, он знал, что он входит в присутствие Божие. То же самое можно сказать о ранней Церкви. Для них не было удивительным, что здание, в котором они встречались, колебалось силою Божией (Деян. 2:2, 4:31). Когда кто-то падал мертвым, а другие были воскрешаемы из мертвых Словом Божиим, то люди знали, что Бог среди них (Деян. 5:1-11; 9:36-43; 20:7-10). Когда эти первые верующие собирались, они ясно сознавали, что завеса порвалась надвое и что они, как Моисей и Аарон, входят во святая святых. Не было нужды ни в каких посредниках. Они входили в ужасное, славное, милостивое присутствие живого Бога. Они собирались с этим предвкушением, зная, что Христос присутствует среди них и будет их учить и прикасаться к ним Своею живительной силой.

Как мы заботимся о том, чтобы иметь это святое ожидание? Оно начинается в нас, когда мы входим в свет и славу сердца. Отвечая требованиям повседневной жизни, мы полны внутренним поклонением и благодарением. Мы работаем и играем, едим и спим, и, однако, мы прислушиваемся, всегда прислушиваемся к нашему Учителю. Все писания Франка Лаубаха полны этим ощущением жизни под покровом Всевышнего. „Изо всех чудес самое великое — это знать, что вернее всего я нахожу Тебя, когда нахожусь в труде слушания... Благодарю Тебя также, что привычка к постоянной беседе с Тобой становится легче с каждым днем. Я действительно верю, что все мысли могут быть беседой с Тобой".³

Брат Лоренс знал то же самое. Так как он испытывал присутствие Божие в кухне, он знал, что встретит Его и во время причастия. Он писал: „Я не могу вообразить себе, как религиозные люди могут довольствоваться жизнью без ощущения присутствия Божия".⁴ Те, кто хоть раз испытал свет славы Божией в повседневной жизни, никогда не смогут удовлетвориться жизнью без Божьего присутствия.

Восприняв видение Брата Лоренса и Франка Лаубаха, я недавно посвятил целый год тому, чтобы научиться, как постоянно открывать свое сердце Иисусу как присутствующему здесь Учителю. Я принял решение научиться Его языку: обращается ли Он ко мне через пение птиц или через это печальное лицо? Я старался дать Ему двигаться в каждом своем действии: когда пишу, когда говорю. Моим желанием было — отметить каждую минуту внутренним шепотом поклонения, хвалы, благодарения. Часто я пропускал часы и даже дни. Но каждый раз я возвращался и делал новые попытки. Этот год дал мне очень много, но главным было то, что очень возросло мое чувство ожидания во время общего богослужения. В конце концов Он милостиво говорил ко мне десятками различных способов в течение недели. Он, конечно, обратится ко мне и здесь. Кроме того, мне стало гораздо легче различать Его голос среди разных жизненных обстоятельств и нужд.

Когда двое или трое приходят на собрание в этом святом ожидании, это может изменить всю его атмосферу. Люди, которые придут в спешке и рассеянном состоянии духа, быстро ощутят это молчаливое присутствие. Сердца и умы возвысятся. Воздух будет напоен ожиданием.

Вот как практически используется эта идея. Живите всю неделю как наследник Царствия, слушая Божий голос, повинувшись Его Слову. И так как вы слышали Его голос всю неделю, вы знаете, что вы услышите Его и на собрании. Придите на собрание на десять минут раньше. Вознесите свое сердце в восторге к Царю славы. Созерцайте Его величие, славу и нежность, открытые нам в Иисусе Христе. Представьте себе то чудное видение, которое было у Исаяи, когда он узрел Господа, высокого и превознесенного, или же то величественное откровение, которое было Иоанну, когда он увидел Христа, и очи Его были, как пламень, и голос, как шум многих вод (Ис. 6, Откр. 1). Просите Бога, чтобы Он проявил Свое присутствие, наполнил помещение Своим светом.

Далее, поднимите в свет Христа своего пастора и других лиц, ответственных за богослужение. Представьте, как Божье сияние окружает их. Внутренне побудите их смело возвещать истину в силе Господа.

К тому времени начнут собираться люди. Посмотрите вокруг, найдите того человека, который нуждается в вашей ходатайственной молитве. Может быть, у него понурый вид, или же он кажется печальным. Поднимите его в славный, животворящий свет Его присутствия. Представьте, как ноша сваливается с его плеч, как у пилигрима в аллегории Буньяна. Не забывайте этого человека (или людей) в течение всего собрания. Если бы только несколько человек в каждом собрании так поступали, это сделало бы глубокий духовный опыт всех присутствующих.

Другой жизненно важной особенностью первохристианской общины было их чувство соединенности друг с другом во время богослужения. Во-первых, они были собраны вместе действительно как группа, и во-вторых, они были вместе в единстве духа, превосходящем индивидуализм.

В противоположность восточным религиям христианская вера сильно подчеркивает совместное богослужение. Даже в чрезвычайно опасных обстоятельствах ранняя церковь имела сильное побуждение не оставлять своих собраний (Евр. 10:25). Послания часто характеризуют общину верующих, как Тело Христа. Так же, как человеческая жизнь немыслима без головы, рук и ног, для первых христиан было немыслимо жить в изоляции друг от друга. Мартин Лютер свидетельствовал о том факте, что „дома, в моем собственном доме, во мне нет ни теплоты, ни крепости, но в церкви, когда множество верующих собирается вместе, в моем сердце зажигается огонь и прорывается наружу".⁵

Кроме того, когда Божий народ собирается вместе, часто возникает чувство согласия, единомыслия (Фил. 3:15).

Томас Келли сказал: „Животворящее присутствие наполняет нас, разрушает перегородки, которыми мы огораживаем свой частный внутренний мир, изолируя его от других, и соединяет наш дух в сверхиндивидуальной жизни и силе. Объективно существующее, динамическое присутствие обнимает нас всех, питает наши души, радует нас, дает несказанный покой, утешение, животворит нас в тех глубинах, которые до того были безжизненно вялыми".⁶ Когда мы действительно все вместе пребываем на собрании, происходит нечто такое, чего никогда не происходит в одиночестве. Возникает единая психология собравшейся группы, но это и гораздо больше, это Божественное взаимопроникновение. Это то, что библейские авторы выражали особым словом, означающим глубокое общение в силе Духа.

Этот опыт далеко превосходит психологическое ощущение единства. Он ни в коей мере не зависит от однородности собравшихся, как не зависит от степени информированности друг о друге. Происходит Божественное сплавление нашей отдельности. В силе одного Духа мы становимся как бы „обернутыми в чувство такого единства и присутствия, которое успокаивает все слова и создает внутри нас невыразимый покой и взаимосвязанность".⁷ Такое общение во время богослужения делает формальное, обрядовое, с таинствами служение — безвкусным.

Руководитель богопоклонения

Настоящее поклонение имеет только одного Руководителя — Иисуса Христа. Когда я говорю об Иисусе как Руководителе, я прежде всего имею в виду, что Он жив и находится среди Своего народа. Его голос можно слышать в их сердцах, так же, как и Его присутствие. Мы не только читаем о Нем в Писании, мы можем знать Его откровение. Он хочет учить нас, руководить нами, выговаривать нам, утешать нас.

Во-вторых, Христос жив и присутствует во всех Своих служениях. Во время поклонения Богу мы можем видеть Христа в Его служении как Священника, как Спасителя и Искупителя. Но Он находится среди нас и как наш Пророк. То есть Он будет учить нас праведности и давать нам силу делать то, что правильно. Джордж Фоке сказал: „Встречайтесь во имя Иисуса... Он ваш Пророк, ваш Пастырь, ваш Епископ, ваш Священник среди вас, чтобы вам открываться, вас освящать и питать вас жизнью, и животворить вас жизнью".⁸

В-третьих, Христос жив и присутствует во всей Своей силе. Он спасает нас не только от последствий греха, но и от власти греха. Он даст нам силу исполнять все то, чему Он нас учит. Если Иисус — наш Руководитель, надо ожидать чудес во время богослужения. Исцеления, как внешние, так и внутренние, будут правилом, а не исключением. Книга Деяний апостолов будет не тем, что мы читаем, а что переживаем.

В-четвертых, Христос является Руководителем в богослужении еще и в том смысле, что Он один решает, какие человеческие дарования будут использованы. Люди проповедуют, пророчествуют, поют или молятся, когда они вызваны своим Руководителем. На этом пути нет места для вознесения частных репутаций. Один Иисус прославляется. Когда наш Небесный Глава вызывает того или другого, любые дары Духа могут свободно использоваться и с радостью приниматься. Возможно, будет дано слово знания, в котором откроются намерения сердца, и мы знаем, что это — от Царя Иисуса. Возможно, есть пророчество или наставление, которое заставляет нас ерзать на своем месте, потому что это Иегова говорил. Проповедь и учение, через которые Живой Глава говорит, вдыхают жизнь в богослужение. Сердечная проповедь зажигает дух поклонения; проповедь от головы гасит горящие угли. Нет ничего более животворящего, чем сказанная в Духе проповедь, и нет ничего более иссушающего, чем человеческая проповедь.

Пути вхождения в богопоклонение

Одна из причин, почему поклонение Богу должно считаться духовной дисциплиной, это то, что оно в упорядоченном образе действия и жизни ставит нас перед Богом, чтобы Он мог нас изменить. Хотя мы только отвечаем на освободительное прикосновение Святого Духа, есть определенные, Богом назначенные пути в эту область.

Первый путь — это утишить нашу человеческую активность. Успокоение это является образом жизни, а не тем, что требуется от нас только на собрании. Нам нужно жить в постоянном внутреннем прислушивающемся молчании, так чтобы наши слова и действия имели своим источником Бога. Если мы привыкли вести свои дела в человеческой силе и мудрости, мы то же самое будем делать и в собрании. Если же, однако, мы выработали привычку к тому, чтобы Бог побуждал нас к каждому нашему разговору, каждому делу, то этот же образ нашей внутренней жизни волеется и в общественное богослужение. Франсуа Фенелон сказал: „Счастлива та душа, которая в искреннем самоотвержении постоянно пребывает в руках Творца, готовая сделать все, что Он хочет, которая никогда Не перестает говорить сама в себе сто раз в день: „Господи, что повелишь мне делать?..."⁹

Звучит ли это невероятно? Единственная причина, почему это может казаться свыше наших сил, — это то, что мы не понимаем Иисуса как нашего Учителя. Когда мы хоть какое-то время побыли под Его опекой, мы видим, что вполне возможно, чтобы каждое движение нашей жизни коренилось в Боге. Вот утром мы просыпаемся и тихо лежим в постели, славя Господа и поклоняясь Ему. Мы говорим Ему, что желаем жить под Его водительством и правлением. Направляясь на работу, мы просим нашего Учителя: „Скажи, как обстоят дела со мной?" Тут же, немедленно нам приходит на память едкое замечание, которое мы сделали жене за завтраком, равнодушный взгляд, который мы бросили на детей, выходя из двери. Мы понимаем, что жили по плоти. Это исповедание, восстановление и новое смирение. Вот мы останавливаемся у бензозаправки и чувствуем Божественное побуждение — познакомиться с обслуживающим человеком, увидеть в нем личность, а не автомат. Мы продолжаем

путь, радуясь этому открытию Духом вызванной деятельности. И так продолжается весь день: побуждение здесь, и потеря — там, иногда рывок вперед, иногда хромающее движение за нашим Водителем. Как дитя, которое учится ходить, мы тоже учимся через успех и падения, уверенные в том, что у нас есть Учитель, Который через Святого Духа приведет нас к полной истине. Именно таким образом мы приходим к пониманию того, что имел в виду апостол Павел, когда он наставлял нас ходить „не по плоти, но по Духу" (Римл. 8:4).

Когда мы умириваем деятельность плоти так, что преобладает активность Святого Духа, то это воздействует на общественное богослужение, это становится каким-то образом известным. Иногда это проявляется в полном молчании. Конечно, самое лучшее — приходиться к Богу в молчании, в поклонении и восхищении, благоговении перед Святым и Вечным, чем врываться в Его присутствие с перекошенными сердцами и умами, и языками, полными слов. Писание напоминает нам: „Господь — во святом храме Своем: да молчит вся земля пред лицом Его!" (Авв. 2:20). Отец-пустынный Аммонес писал: „Вот, мои возлюбленные, я показал вам силу молчания, как оно полностью исцеляет, как оно угодно Богу... Именно в молчании возрастают святые..., и по причине молчания сила Божия обитала в них и тайны Божий открывались им".¹⁰

Славословие вводит нас в богослужение. Псалмы посвящены Богу, и их главной чертой является хвала. „Хвалите Господа!" — этот зов мы слышим во всей Псалтири, от начала до конца. Пение, восклицания, радость, преклонение — все это язык хвалы.

Писание побуждает нас „приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его" (Евр. 13:15). Ветхий Завет требовал жертвоприношения волов и козлов. Новый Завет требует жертвы хвалы. Петр говорит нам, что, являясь новым царственным священством Христа, мы должны приносить „духовные жертвы", что значит „возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет" (1 Пет. 2:5, 9). Петр и Иоанн покинули синедрион с кровоточащими спинами и славящими Бога устами (Деян. 5:41). Павел и Сила наполнили тюрьму в Филиппах своими псалмами хвалы (Деян. 16:25). В обоих случаях они приносили жертву хвалы.

В наши дни Церковь Иисуса Христа все больше сознает, насколько важна хвала, чтобы ввести нас в богослужение.

Именно в хвале мы видим, как наши чувства должны быть полностью вовлечены в богослужение. Оно не должно быть только умственным, это заблуждение. Чувства являются законной частью человеческой личности, и их нужно использовать в богослужении. Это, конечно, не значит пренебрегать нашими мыслительными способностями, но это значит, что нельзя опираться только на них. Как советовал Павел, мы должны молиться духом и молиться умом, петь духом и петь умом (1 Кор. 14:15).

Пение назначено к тому, чтобы ввести нас в славословие. Оно играет роль посредника для выражения эмоций. Через музыку мы выражаем нашу радость, нашу благодарность. Не менее чем сорок один псалом требуется от нас „петь Господу". Если пение и славословие происходят не бездумно, то они способствуют концентрации нашего внимания. Наше разорванное сознание соединяется в единое целое. Мы успокаиваемся пред Богом.

Бог призывает к такому поклонению, которое требует всего нашего существа. Тело, разум, дух и чувства — все должно быть положено на алтарь поклонения. Мы часто забываем о том, что и тело наше должно в этом участвовать.

Библия описывает поклонение Богу в физических терминах. Само значение слова „поклоняться" означает быть простертым перед Богом. Слово „благодарить" буквально означает „колени преклонить". „Благодарение" означает „простереть руку". Во всем Писании мы находим большое разнообразие физических положений в связи с

поклонением: простереться, стоять, преклонить колени, поднять руки, поднять голову, склонить голову, разодрать одежды, посыпать голову пеплом, носить рубище. Это говорит о том, что мы должны предлагать Богу наши тела так же, как и остальное наше существо. Поклонение Богу должно иметь и физическое выражение.

Мы должны представлять перед Богом во время богослужения в той внешней позе, которая соответствует внутреннему духу поклонения. Вставать, воздевать руки, поднимать голову — это соответствует духу хвалы. Сидеть спокойно, иметь кислый вид — это явно не подходит к хвале. Стоять на коленях, склонив голову, простираться — это позы, соответствующие духу смирения.

У нас обычно сразу находится много возражений на подобные поучения. „У людей различные темпераменты, — возражаем мы. — Все это относится к людям эмоциональным, но я обычно спокоен и сдержан. Это не тот тип богослужения, который отвечал бы моим нуждам". Однако главное, что мы должны видеть в богослужении, — это не то, что „отвечает моим нуждам", но то, к чему нас призывает Бог. Ясно, что Бог призывает нас служить Ему всем сердцем. Поэтому разумно ожидать, что служение всем сердцем будет также и служением как интеллектуальным, так и физическим.

Очень часто то, что мы называем своим „сдержанным темпераментом", — это всего лишь страх, что другие о нас подумают, а также нежелание смирить себя перед Богом и другими. Конечно, у людей разные темпераменты, но это не должно мешать нам поклоняться Богу всем своим существом.

Надо помнить также и то, что мы можем производить все описанные действия и никогда не достичь действительного поклонения Богу, однако они могут стать путями, идя которыми мы станем перед Богом так, чтобы наш внутренний дух был освобожден.

Постепенное вхождение в поклонение Богу

Поклонение — это нечто, что мы делаем. Изучение богословия богослужения и обсуждение его видов — это хорошо, но сами по себе они не соответствуют нашей цели. В конечном акте мы научимся поклоняться Богу, поклоняясь Ему. Позвольте мне указать на несколько простых шагов, которые, я надеюсь, помогут пережить истинное поклонение Богу.

Прежде всего, старайтесь ежедневно пребывать в присутствии Бога и испытывать это. То есть действительно постарайтесь следовать словам Павла: „Непрестанно молитесь" (1 Фее. 5:17). Пусть каждый момент вашей жизни будет отмечен внутренним шепотом поклонения, хвалы и благодарения. Имейте свое собственное время для внутреннего поклонения и исповеди, для изучения Библии и внимания ко Христу, своему Учителю. Все это будет способствовать вашему внутреннему ожиданию присутствия Божьего на церковном богослужении, потому что оно станет продолжением и усилением того, что вы старались иметь в течение всей недели.

Во-вторых, испытайте разные виды поклонения Богу. Поклоняйтесь Ему, когда вы одни. Имейте домашние группы не для изучения Библии, но для собственно этого поклонения. Собирайтесь вдвоем или втроем и учитесь приносить жертву хвалы. Много может случиться в малых группах такого, чего просто не может произойти в больших собраниях. Весь этот опыт поклонения в малых группах обогатит многолюдное воскресное собрание и воздействует на него.

В-третьих, постарайтесь действительно подготовиться к этому собранию. В субботу вечером ложитесь спать пораньше, предварительно окунувшись в свой внутренний мир и исповедовавшись, перечитав те гимны и те отрывки из Писания, которые будут использованы в воскресенье. Встаньте пораньше перед собранием, и пусть ваша комната наполнится присутствием Божиим, а всякая рассеянность и все, что отвлекает

от богослужения, да удалится, чтобы вы действительно могли участвовать в богослужении.

В-четвертых, имейте желание собраться в силе Божией. То есть я, как отдельный человек, должен научиться отпускать все мысли о себе, своих заботах и своем желании быть благословленным, быть слушающим голос Божий. Язык собрания должен выражаться местоимением „мы“, а не „я“. Должно покориться Божьим путям. Покориться друг другу в христианском общении, иметь желание, чтобы Божья жизнь возникла не в отдельной личности, но во всем собрании. Если вы молитесь о проявлении духовных даров, то они вовсе не должны проявиться именно в вас, но в любом члене этого собрания, если это угодно Богу. Будьте единомысленны, единомысленны.

В-пятых, развивайте в себе святую зависимость. Это означает, что вы полностью и в высшей степени зависите от Бога во всем, что имеет для вас значение. Это внутренний труд, чтобы зло ослабело, а добро поднялось бы и укрепилось. Ожидайте, что Бог будет действовать, и учить, и привлекать, и завоевывать. Это труд Божий, а не ваш.

В-шестых, воспринимайте то, что отвлекает от богослужения, с благодарностью. Если возникает какой-то шум или помеха, не сердитесь, научитесь принимать это и побеждать. Если маленькие дети бегают вокруг, благословите их. Благодарите Бога, что они живы и полны энергии. Имейте желание расслабиться с этими помехами — они могут быть Господним посланием для вас. Когда я проповедую, я люблю, чтобы в собрании были маленькие дети и даже младенцы, потому что иногда только в отношении них я могу быть уверен, что они живые! Научитесь просить принимать все, что бы ни случилось во время собрания, это лучше, чем ощущать, будто помехи отделяют вас от поклонения Богу.

В-седьмых, научитесь приносить жертву поклонения. Бывают времена, когда вы не расположены поклоняться. Может быть, у вас было столько неприятных переживаний, что вы просто не можете этого делать. Бывает, что вы не чувствуете силы Божией. Очень немногие пришли на собрание соответствующе подготовленными. Но вам нужно вести это собрание в любом случае. Вам нужно принести жертву поклонения. Вам нужно быть с народом Божьим и сказать: „Это мой народ. Как бы ни были мы жестокосерды, упрямы и грешны, мы приходим к Богу“. Бывает так, что у меня нет желания поклониться Богу, и тогда я должен преклонить колени и сказать: „Господи, мне не хочется поклониться тебе, но я желаю дать Тебе это время. Оно принадлежит тебе, я истрачу его на Тебя“.

Айзек Пеннингтон говорит, что, когда люди собираются для действительного богослужения, „они похожи на груды потухших и горящих углей, друг друга разогревающих, пока великая сила жизни не разольется по всем им“. Одно полено не может долго гореть само по себе, но когда положено много дров, пусть даже и плохих, от них может произойти большой огонь. Помните совет, данный в Притчах 27:17, что „железо железо острит, и человек изощряет взгляд друга своего“, и даже вялые, скучные люди могут помочь друг другу, если они хотят постараться.

Итак, продолжайте, даже если вам не хочется. Идите, даже если служение было прежде сухим и разочаровывающим. Идите, молясь. Идите, надеясь. Идите, взирая на Бога, Который может совершить новый и живой труд среди вас.

Результаты богослужения

Если богослужение не произвело в нас никаких перемен, то это вовсе и не было богослужением. Стоять перед Святым и Вечным — это значит изменяться. Огорчения не могут иметь над нами той же власти, когда мы входим в полной милости в свет Божьего присутствия. Как сказал Иисус, нам нужно оставить дар свой у жертвенника и исправить свое положение (Мф. 5:23-24). Во время поклонения в глубину сердца

входит возросшая сила, в душе возрастает сострадание. Поклоняться — означает изменяться.

Если богослужение не направило нас на путь большего послушания, это не было богослужение. Точно так, как оно начинается со святого ожидания, оно кончается святым послушанием. Если бы не возникало этого послушания, то богослужение могло бы превратиться в некое убежище от давления на нас современной жизни, в некое обезболивающее средство. Поклонение Богу делает нас способными ясно слышать призыв к служению, так что мы отвечаем: „Вот я, пошли меня" (Ис. 6:8). Истинное богослужение побуждает нас присоединиться к войне Агнца против демонических сил повсюду, на личном уровне, социальном, организационном. Иисус, Агнец Божий — наш Командующий. Мы принимаем Его приказы и идем исполнять их в могущественной силе Господа: „Побеждать и победить, не как князь этого мира... плетью и тюрьмами, пытками и мучениями, убийством и разрушением... но Словом Истины, воздавая любовью за ненависть, сражаясь с враждебностью молитвами и слезами день и ночь, постом, скорбью и плачем, в терпении, верности, в истине, в любви, долготерпении, со всеми плодами Духа, которые могут победить зло добром", — писал Джеймс Найлер.¹²

Уиллард Сперри заявил: „Богопоклонение — это добровольное и дисциплинированное реальное приключение".¹³ Оно — не для боязливых и любящих комфорт. Оно требует открыть самих себя опасной жизни Духа. Оно делает незначительными все эти громоздкие религиозные сооружения из храмов, священников, обрядов и церемоний. Оно требует готовности позволить Слову Христа действовать в нас: „Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью;.. научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу" (Кол. 3:16).

12. Дисциплина руководства

„Пребывайте в любви и силе и мудрости Божией, в единстве друг с другом и с Богом; и мир, и мудрость Божий да наполняют ваши сердца, чтобы ничто не могло царствовать в вас, кроме жизни, которая стоит в Господе Боге".

Джордж Фокс

В наше время небеса и земля ожидают появления таких людей, которые были бы Духом водимы, Духом пронизаны, Духом могущественны. Все творение следит с надеждой за появлением дисциплинированных, добровольно собирающихся вместе жертвенных людей, которые уже в этой жизни знают жизнь и силу Царствия Божия. Так случалось раньше. Это может случиться снова.

Там и здесь можно найти отдельные личности, чьи сердца горят Божественным огнем. Они подобны горящим факелам, разбросанным в ночи. Но все еще нет целого собрания людей Духа.

О да, слышались возгласы: „Вот там! Вот здесь", — как об этом предупреждал Иисус (Мф. 24:26). Но эти возгласы — всего лишь временные вспышки человеческого фейерверка, а не Божественный огонь с неба. Наш век еще должен увидеть, как пробьется жизнь в Духе, жизнь апостольской Церкви.

Такие люди появятся не раньше, чем в нас всех возникнет более глубокое переживание того, что Бог с нами, Эммануил Духа, сознание, что в силе Духа Иисус пришел, чтобы вести Самому Своему народу, переживание Его водительства, которое столь же явно и определено, как облако днем и огонь ночью, одного знания прямого, активного, непосредственного водительства Духа будет недостаточно. Индивидуальное водительство должно уступать совместному. Должно прийти знание такого же прямого, активного и непосредственного водительства Духа — для группы людей, вместе взятых. Я вижу не организационную структуру, но органическую и в единстве действующую.

Церковные советы и деноминационные решения к этому не относятся, ременные учения о Божественном водительстве не группы, а только индивидуальности. У нас есть прекрасные наставления, как Бог проводит нас через Писание и через обстоятельства и как действуют в сердце человека побуждения Духа. Но мы очень мало слышали о Божиим водительстве через Его народ, Тело Христа. На эту тему у нас есть только глубокое молчание.

По этой причине я решил причислить водительство к групповым дисциплинам и подчеркнуть именно общественную его сторону. Да, Бог руководит отдельным человеком, и это руководство богато и глубоко, но Он также руководит группами людей и может наставлять отдельно взятую личность через групповые переживания.*

Возможно, наша озабоченность именно личным водительством является продуктом нашего западного индивидуализма. Но не всегда Божий народ был таковым.

Бог вел народ израильский из плена как народ. Каждый видел облачный и огненный столп. Это не было собрание отдельных личностей, идущих в одном и том же направлении; это был народ под теократическим правлением Бога. Он Духом Своим носился над ними, и Его присутствие было поразительным и безо всяких посредников. Народ, однако, вскоре обнаружил, что такое Божие присутствие слишком ужасно, слишком славно, и он стал молить Моисея: „Говори ты с нами..., но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть" (Исх. 20:19). Итак, Моисей стал для них посредником. Таким образом началось великое служение пророков, чьим делом было — слушать Божье Слово и передавать его народу. Это было шагом в сторону от группового водительства Духом Святым, но осталось чувство, что они — народ, собранный вместе и находящийся под правлением Божьим. Но пришел день, когда Израиль отверг даже пророка в пользу царя. С этого момента пророк стал чужаком. Он стал „гласом вопиющего в пустыне", иногда его слушались, иногда убивали, но он так и оставался чужим.

Бог терпеливо готовил народ, и при полноте времени пришел Иисус. И с Ним занялся новый день. Еще раз снова собрался народ, который будет жить под непосредственным теократическим правлением Духа.

Со спокойной настойчивостью Иисус показывал им, что это означало — жить в ответ на голос Отца. Он учил их, что они тоже могут слышать Богом посланный голос, и особенно отчетливо слышать его, когда они вместе: „Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них" (Мф. 18:19-20).

Этими словами Иисус дал Своим ученикам как уверенность, так и власть. Уверенность в том, что, когда люди искренне собрались во имя Его, они распознают Его волю. Наблюдающий за всем Дух использует ограничения и колебания различных верующих, чтобы уверить их, что когда они в единстве друг с другом, то они находятся в том же ритме, что и отцовское сердце. А уверившись в том, что они слышали голос истинного Пастыря, они в состоянии и молиться, и действовать со властью. Его воля, плюс их воля, плюс единство равняется власти.

Хоть Иисус был чужим для Своего народа и был распят вне стана, за городскими воротами, все же некоторые люди приняли Его правление. И они стали народом, собранным вместе: „У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее. Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа" (Деян. 4:32-33). Они стали огненной группой свидетелей, объявляя везде, что можно слышать голос Христа и нужно Ему повиноваться.

Может быть, самой удивительной чертой этого зажигательного общества было их чувство, что все оно находится под водительством. Это прекрасно иллюстрируется призыванием Павла и Варнавы пройти вдоль и поперек Римскую империю с благой вестью о Царствии Божьем (Деян. 13:1-3). Они были призваны тогда, когда группа людей находилась вместе в течение какого-то времени, и довольно долго. Они молились и постились и поклонялись Богу. Когда они были готовы к принятию Послания, оно пришло, и они приняли его вместе: „Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их" (Деян. 13:2).

Со всеми нашими современными методами миссионерской работы и привлечения людей нам было бы полезно обратить серьезное внимание на этот пример водительства Духа Святого. Нам нужно всячески ободрять те группы людей, которые имеют желание вместе поститься, молиться и поклоняться до тех пор, пока они не различат ум Божий и не услышат Его Зов.

Под групповым водительством ранняя Церковь смогла пойти навстречу самым острым проблемам и решить их (Деян. 15).

Некоторые воинственные христиане отправились в Антиохию и начали проповедовать необходимость обрезания для всех христиан. Вопрос был небезобидный. Павел тут же увидел, -что он грозит иудейским пленом для Церкви.

Назначенные пресвитеры и апостолы собрались вместе в силе Господа, не для того, чтобы спорить из-за мест или ссориться друг с другом, но чтобы услышать голос Духа. Задача была непростой. Было серьезное обсуждение. Затем мы видим прекрасный пример того, как индивидуальное водительство вызывает водительство групповое. Петр рассказал о своем опыте с римским сотником Корнилием. Когда он говорил, вечно движущийся Дух Божий явно совершал чудный труд. Когда Петр кончил, все собрание замолкло (Деян. 15:12). Наконец все они пережили особую борьбу, стремясь к тому, что должно называться славным, небом посланным единством, — отвергнуть культурно-традиционную религию и ухватиться за вечное Евангелие Иисуса Христа. Они пришли к заключению: „Угодно Святому Духу и нам..." (Деян.. 15:28). Они пошли навстречу труднейшему вопросу того времени и различили голос с небес. Это высокая отметка поднятия уровня „воды" в книге Деяний апостолов.

Это была более чем честная победа: это была победа всего метода решения проблем. Они приняли решение жить под прямым руководством Духа. Они отвергли как человеческий тоталитаризм, так и анархию. Они отвергли даже демократию, т.е. правление большинства. Они осмелились жить на основании правления Духа, не 51 % при голосовании, не компромиссы, но Духом направляемое единство. И оно работало.

Без сомнения, этот опыт в различении воли Божией группой людей внес свой вклад в то, как Павел понимал Церковь — Тело Христа. Он увидел, что дары Духа даны Духом „Телу" таким образом, что обеспечивается взаимозависимость. Нет такого человека, который владел бы всеми дарами. Даже самые зрелые нуждаются в помощи других. У самого незначительного есть чем послужить. Никто не может слышать весь совет Божий в изоляции.

Мы должны отметить с печалью, что к тому времени, как Иоанн получил данные ему откровения, общины верующих начали остывать. Ко времени Константина Церковь была готова принять другого человеческого царя. Видение, однако, не умирает, и во все века были группы людей, собиравшихся вместе под правлением Духа. Наш век ожидает такого собрания.

Некоторые примеры

Группа апостолов не совершила прыжка от нуля к головокружительным высотам духовного водительства. Не сможем сделать этого и мы. Большей частью они двигались

в направлении этой области по одному шагу в один раз, иногда немножко продвигаясь вперед, иногда отступая. Но ко времени Пятидесятницы они уже были подготовленным народом.

Однажды поняв, насколько радикальные последствия возникают, когда люди находятся под непосредственным руководством Духа Святого, было бы чрезвычайно разрушительным сказать: „Это звучит чудесно! С завтрашнего дня я буду жить именно так!" Подобные ревнители добьются только того, что сделают жизнь несчастной и для себя, и для окружающих. Поэтому, чем отправляться немедленно на завоевания духовного мира, мудрее довольствоваться более умеренными шагами. Лучше всего мы можем этому научиться на примере тех людей, которые стремились совместно услышать голос с вышины.

Один из самых восхитительных примеров — это от „бедного, миленького человека из Ассиза", Святого Франциска. Как кажется, Франциск был в „великой агонии сомнения" относительно того, должен ли он посвятить себя только молитве и размышлению, что было типичным для того времени, или же стать еще и проповедником, миссионером. Франциск поступил мудро, он искал совета. „Так как его святое смирение не позволяло ему надеяться на самого себя или на свои молитвы, он смиренно обратился к другим, чтобы знать волю Божию в этом вопросе".

Он послал письма двоим самым надежным своим друзьям, сестре Кларе и брату Сильвестру, прося их собраться каждый со своим „самым чистым и духовным компаньоном" и искать воли Божией в этом вопросе. Они немедленно приступили к молитве и оба, и сестра Клара, и брат Сильвестр, вернулись с одним и тем же ответом.

Когда вернулся посланный, Святой Франциск прежде всего омыл его ноги и приготовил ему еду. Затем, преклонив перед ним колени, Святой Франциск спросил его: „Что мой Господь Иисус Христос повелевает мне делать?" Посланный отвечал, что Христос открыл, что „Он хочет, чтобы ты шел по миру, проповедуя, потому что Бог призвал тебя не только для одного тебя, но также для спасения других". Принимая послание как необсуждаемое Слово Христа, Святой Франциск вскочил, говоря: „Так давай пойдём во имя Господне". И он немедленно начал свою миссионерскую проповедь. Это направление дало раннему францисканскому движению необыкновенное сочетание мистической созерцательности и евангелического пыла.

В этом примере Франциск не просто искал совета у мудрых советников. Он искал метода, который открыл бы ему врата небес, чтобы он мог получить указание от Христа (узнать ум Христов), и он так это и принял, к великому добру всех, кому он служил.

Другой пример группового водительства можно найти в том, что некоторые прозвали „собраниями для прояснения". Подобные собрания предназначены специально для того, чтобы искать ответа Духа на какой-либо вопрос данного человека. Недавно один одаренный молодой человек просил моего совета относительно своего будущего. Он окончил колледж и колебался, идти ему или нет на служение. Он прошел всевозможные тесты и курсы по руководству, но все еще не пришел к решению. Я искренне не знал, что было лучше для него, и потому предложил, чтобы он созвал такое „собрание по прояснению". Итак, он собрал группу людей, хорошо его знавших, имевших духовную зрелость и к тому же не боявшихся быть честными и искренними с ним. Мой друг не получил никаких особых видений, но в тот вечер, когда они вместе поклонялись Богу и делились своими откровениями, они стали поддерживающей его общиной. С течением времени дары и призвание этого молодого человека были подтверждены, и сегодня он находится на пасторской службе.

Подобный этому взгляд был впервые выработан Церковью Спасителя в Вашингтоне. Когда кто-либо из членов чувствует, что Бог призвал его или ее создать новую миссионерскую группу или же испытать себя в какой-либо области служения, они „объявляют зов". Это обычно делается в конце собрания, и брат или сестра делятся тем

видением, которое у них есть. После этого все желающие приглашаются встретиться с данным человеком и „испытать зов“. Вместе они его испытывают, молятся, спрашивают, ищут. Иногда возникает чувство, что вся идея является продуктом ложного энтузиазма, и ее отрицают. Но иногда она подтверждается молитвами и взаимодействием группы. Бывает и так, что некоторые в группе оказываются сами вовлеченными в это дело, и оно становится их собственным. Таким образом формируется „группа поддержки“.

Самые важные личные вопросы можно принести в общину верующих для того, чтобы в них духовно разобраться (для „различения“). Недавно перед нашей общиной встали двое людей, утверждая, что они почувствовали побуждение от Господа — жениться и хотели иметь подтверждение этому решению от Духом водимой группы. Попросили с ними встретиться нескольких людей, которые хорошо знали эту пару. Вот их отчет:

„Специальный комитет, назначенный для общения с Марком и Беки, относительно их брачных планов счастлив дать самый положительный ответ.

Мы встретились с Марком и Беки и имели чудесный вечер общения и молитвы. Мы поделились с ними своей озабоченностью святостью семьи, которая является сердцевинной Божьего плана для человеческих взаимоотношений. На нас произвело большое впечатление, насколько Марк и Беки чувствуют свою зависимость от Божьего водительства, как они предвидят возможные проблемы и как зрело они понимают, что успешный брак зависит от постоянной преданности друг другу и Богу.

Мы счастливы подтвердить планы Марка и Беки. Мы чувствуем, что их дом будет отражать молитвенное и любовное влияние домов их детства и церковной общины, когда они соединят свои жизни в тех отношениях, которые установлены Богом.

Комитет чувствует благословенную, особую теплоту к Марку и Беки, и мы предчувствуем, что это продлится в пастырских отношениях. Мы рекомендуем таким же образом поступать и другим парам, собирающимся вступить в брачные отношения".*

Это гораздо больше, чем поставить печать на документе. Не так давно два других человека в общине решили жениться. Некоторые члены общины частным образом советовали воздержаться от этого шага, хотя пара уже приняла решение. Наконец, одна семейная пара, которых те уважали и которым доверяли, побудила их поставить вопрос перед всей церковью и просить группового водительства. Они это сделали на следующем собрании, не на воскресном.

Нежно и серьезно молодая пара делилась своими соображениями, объясняя, почему они решили вступить в брак. Когда задавались вопросы и слышались ответы, всех переполняло особое благоговейное чувство богопочтения. После собрания пресвитер и другие заинтересованные лица решили продолжить эту беседу. Это глубокое чувство нежности и молитвенного настроения продолжалось, когда группа искала ответа Господа относительно данного вопроса. Через некоторое время вся группа ощутила полное единство и с удивительным духом сострадания сказала паре, что в данное время их брак был бы немудрым.

Для нашей группы это было совершенно новое переживание, и нам было очень трудно советовать молодой паре против их желаний. Однако мы ясно чувствовали, что мы действительно правильно различили волю Божью. Многие из нас ожидали их ответа со страхом и трепетом. В наших умах бродили вопросы: „Не поступаем ли мы, как законники, были ли мы достаточно чувствительны к их переживаниям?“

Приняв решение церкви, пара в искреннем поступке духовной зрелости перенесла свой брак. Позже они передумали жениться. Время подтвердило мудрость их решения. (Оба они дали согласие на то, что мы расскажем их историю. Они до сих пор не женаты, однако оба продолжают „возрастать в благодати и познании нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа“).

Эта история подчеркивает, как важно решать подобные вопросы в любовной атмосфере общины. Без чувства поддержки и заботы все это может превратиться в убивающее душу законничество.

Можно также принимать и деловые решения в том же духе группового водительства. Квакеры поступали так годами и продемонстрировали успешность такого подхода. Деловые собрания должны рассматриваться как богослужение. Доступные факты могут предъявляться и обсуждаться с желанием услышать голос Христов. Факты являются только одной стороной процесса принятия решения, и сами в себе его не содержат. Дух может повести против предлагаемых фактов или же в согласии с ними. Он создаст дух единства, когда избран верный путь, и Он будет нас беспокоить, если мы неверно Его услышали. Правление единства, а не большинства — это принцип группового водительства. Единство Духа превосходит все другие человеческие соглашения. Чувство единства удостоверяет нас, что мы верно услышали голос Божий.

Классическая и драматическая иллюстрация этого произошла в 1758 году. Джон Вульман и другие тревожили совесть Общества Друзей (квакеров) за то, что они участвуют в демоническом деле — установлении рабства. Когда в Филадельфии собралось годовое собрание квакеров, то вопрос о рабстве был главным. Он обсуждался очень горячо, слишком многое с ним было связано. Джон Вульман во время всех заседаний сидел молча, наклонив голову и со слезами на глазах. Наконец после долгих часов мучительной молитвы он встал и заговорил. „Мой разум сознает чистоту Божественного Существа и справедливость Его суда, и поэтому моя душа в ужасе... Многие рабы на этом континенте угнетены, и их крики дошли до слуха Превознесенного... Сейчас не время для отсрочек. Будем ли мы сейчас чувствительны к тому, чего Он требует от нас, или же, уважая частные интересы и в угоду дружбам, не стоящим на недвижимом фундаменте, будем пренебрегать своим долгом быть твердыми и верными... Бог может ужасными вещами ответить нам в Своей праведности".²

Все годовое собрание слилось воедино в результате этого страстного свидетельства. Единогласно они отвечали согласием удалить рабство из своей среды. Есть мнение, что эти заседания можно рассматривать как самые важные религиозные собрания в истории христианской Церкви.³

Это единогласное решение особенно впечатляет, когда мы осознаем, что квакеры были всего лишь одной-единственной организацией, которая требовала от рабовладельцев возместить своим рабам за все время их рабства.* Столь же поразительно сознавать, что, по действию Духа, квакеры добровольно сделали нечто такое, чего не сделал и не хотел сделать никто из борцов за освобождение рабов: ни Джордж Вашингтон, ни Томас Джефферсон. Столь влиятельно было это решение 1758 года, что ко времени подписания Декларации Независимости квакеры уже полностью освободились от рабовладения.

Многие новообразованные во всем мире христианские общины открыли для себя реальность и практичность деловых решений, принятых под руководством Духа. Такие различные общины, как „Братство в Иллинойсе", „Общество братьев" в Нью-Йорке и „Собрание сестер Марии" в Дармштадте, в Германии, — все они действуют на основе Духом направляемого единства. Проблемы рассматриваются в полной уверенности, что ум Духа сможет быть узан. Они собираются во имя Христа, веруя, что Его воля осуществится в их среде. Они ищут не компромисса, но Богом данного согласия.

Однажды я находился на деловом заседании, где присутствовало около двух сотен человек и горячо обсуждался один очень спорный вопрос. Хотя было резкое расхождение во мнениях, каждый член искренне желал слышать волю Божию и ей повиноваться. Через некоторое время большинство начало ощущать, что возникает общее чувство направления, в котором надо двигаться. Большинство, но не все. Наконец один из несогласных встал и сказал: „Я не чувствую, что это направление верно, но я надеюсь, что вы, все остальные, будете любить меня достаточно, чтобы

трудиться со мной, пока у меня не возникнет того же чувства Божьего водительства, как у всех вас, или же пока Бог не откроет нам другой путь".

Хотя я был сторонним наблюдателем, меня очень тронуло, как нежно ответила группа на этот призыв. Во всей аудитории стали образовываться маленькие группы, чтобы пообсуждать, послушать, помолиться. К тому времени, как они пришли к согласию, я имел возможность в высшей степени оценить то, каким образом христиане должны поддерживать „единство духа в союзе мира" (Еф. 4:3). Подобные проявления группового водительства сегодня являются одними из самых здоровых признаков духовной жизнеспособности.

Духовный руководитель

В средние века даже самые великие святые не рисковали отправляться в глубины внутреннего духовного путешествия без помощи духовного руководителя. Сегодня это едва ли кто понимает, не говоря уж о практике, разве только в римской католической монастырской системе. Это трагедия, потому что идея духовного руководителя в высшей степени приложима к современности. Это прекрасное выражение Божественного водительства с помощью наших братьев и сестер.

Духовное руководство имеет исключительную историю. Многие из первых духовных руководителей были отцами-пустынниками и пользовались особым уважением за их способность „различать духов". Люди часто совершали далекие путешествия в пустыню просто для того, чтобы услышать краткое слово совета, „слово спасения", в котором были выражены воля Божия и суд Божий для них в их конкретных обстоятельствах. „Высказывания отцов" — это красноречивое свидетельство простоты и глубины этого духовного руководства. А также многие цистерцианцы в Англии XII века отличались своей способностью понимать души („читать их") и руководить ими.

Какова цель духовного руководителя? Бенедиктинский мистик XVII века Дом Августин Бейкер пишет: „Короче говоря, он является только Божьим придверником и должен вести души Божьим путем, а не своим собственным".⁴ Его руководство — это просто и ясно вести нас к нашему настоящему Руководителю. Он является Божьим средством, чтобы открыть путь внутреннему учению Святого Духа.

Его деятельность является чисто харизматической. Он ведет души только силой своей личной святости. Он не является кем-то высшим по положению или назначенным церковью. Его отношения с людьми — это отношения советника к другу. Хотя руководитель продвинулся дальше во внутренние глубины, оба они учатся и возрастают в духовной области.

Все эти разговоры о „душе" и „духе" могут внушить мысль, будто это духовное руководство имеет дело только с каким-то уголком нашей жизни. То есть мы идем к духовному руководителю так, как мы пошли бы к главному врачу: тот заботится о нашей душе, а этот — о глазах. Это ошибочный взгляд. Духовное руководство озабочено всей личностью и всеми ее жизненными связями. Томас Мэртон рассказывает о русском духовнике, которого осуждали за то, что он столько времени тратил на старую крестьянку, горячо советуя ей, как должно заботиться о своих индюшках. Но тот отвечал: „Что вы! Вся ее жизнь — в этих индюшках".⁵ Духовное руководство начинается с конкретных ежедневных переживаний и придает им священное значение. Мы учимся „таинству каждого данного момента", как выразил это Жан-Пьер де Кусад.⁶ „Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию" (1 Кор. 10:31).

Духовное руководство возникает прежде всего из естественных человеческих отношений. Иерархическая или даже организационная система совершенно не важна для него и часто даже разрушительна. Обычные формы заботы друг о друге, желание поделиться, что-то обсудить естественны для христианской общины и являются

начальной точкой духовного руководства. Именно отсюда течет „власть Царствия" через взаимное подчинение и служение.

Духовный руководитель должен быть человеком с развитым чувством принятия себя самого. То есть истинная зрелость должна преобладать во всей жизни такого человека. На таких людей не действуют изменения окружающей обстановки. Они могут принять в себя эгоизм и посредственность, царящие вокруг них, и их преобразить. Они не склонны судить других, но также не склонны и колебаться. У них должны быть сострадание и полная посвященность Богу. Как апостол Павел, который думал о Тимофее как „возлюбленном сыне", они должны быть готовы брать на себя родительскую ответственность. Их любовь должна быть суровой любовью, которая отказывается одобрять каждую прихоть. Они также должны иметь некоторые познания по психологии, чтобы не укрепить случайно бессознательную и детскую потребность в авторитарности.

Духовные руководители должны сами пребывать во внутреннем духовном путешествии и быть готовыми поделиться своими собственными борьбой и сомнениями. Должно быть ясное сознание того, что они вместе учатся у Иисуса, вечно присутствующего Учителя.

Как возникают подобные отношения? Как и во всем другом в Царствии Божием, все устраивается молитвой. Принося свою нужду и полагая ее перед Богом, мы терпеливо ждем, когда проявится Его путь. Если Он пригласит нас поговорить с кем-то или договориться о встрече, мы с радостью повинемся. Эти отношения могут быть формальными, как в некоторых монашеских орденах, но это совсем не обязательно. Если у нас есть смирение, чтобы верить в то, что мы можем научиться у наших братьев и сестер, а также есть понимание, что некоторые из нас больше продвинулись по направлению к Божественному центру, чем другие, тогда мы ясно увидим необходимость в духовном водительстве. Как говорит Верджил Вогт из „Братства Реба", „если вы не можете слушать своего брата, вы не можете слушать и Духа Святого".⁷

Также полезно понять, что есть много форм духовного руководства. Проповедь — это форма духовного руководства, точно так же, как и работа с малыми группами. Джон Веслей организовал „классные собрания" и „группы" как формы духовного руководства. Сама Библия действует как духовное руководство, потому что, когда мы ее молитвенно читаем, мы более и более уподобляемся образу Христа.

Размышляя о ценности этого служения в течение многих веков христианства, Томас Мэртон говорит, что духовный руководитель был чем-то вроде „духовного отца, который „зачинал" совершенную жизнь в душе своего ученика прежде всего своими наставлениями, но также и своей молитвой, своей святостью, своим примером. Он был... некоторым „тайнством" Господнего присутствия в церковной общине".⁸

Пределы группового руководства

Как мы все знаем, в групповом руководстве существуют опасности, так же как и в индивидуальном. Возможно, самой угрожающей является попытка руководителей манипулировать собранием и контролировать его. Если групповое руководство осуществляется не в духе всепроникающей благодати, оно превращается в успешный способ выправления всяких отклонений в поведении верующего. Оно становится своего рода магической формулой, через которую руководители могут проводить свою волю через отдельных людей, становится также системой, с помощью которой все различающиеся мнения могут быть сведены к одному общему.

Такие извращения удушают свежую духовную жизнеспособность. Пророк Исаия говорит нам, что грядущий в мир Мессия „трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит" (Ис. 42:3; Мф. 12:20). Сокрушать слабого человека или гасить малейшую надежду — это не путь Иисуса. Нежное отношение к каждой конкретной ситуации укрепляет наши свободы.

Однажды Джордж Фокс имел спор с Натанаэлом Стефенсом и победил его совершенно. Потрясенный Стефенс заявил: „Джордж Фоке пришел в солнечном свете и хочет угасить мой звездный свет". Фоке пишет: „Но я сказал: „Натанаэл, дай мне свою руку", и потом я сказал, что не хотел бы угасить ни в ком ни малейшего света Божия, и тем более свет его звезды".

Есть также опасность противоположного рода. Люди с жестоким сердцем могут создать препятствия для исполненных Духом руководителей. Они, конечно, нуждаются в советах общины и в ее способностях различения, но им также нужна свобода руководства. Если Бог призвал их к руководству, им не нужно всякую мелочь обсуждать с общиной. Нам не надо соблазняться идеалами западной демократии, будто каждый член общины имеет право высказываться обо всех деталях общинной жизни. Бог назначает авторитетное руководство в Своей Церкви, чтобы Его труд совершался на земле.⁹

Есть и еще одна опасность: групповое руководство может отойти от библейских норм. Писание должно наполнять и пропитывать все наши мысли и действия. Дух никогда не поведет нас против Слова, Им вдохновленного. Всегда должен существовать вовне авторитет Писания, а внутри — авторитет Святого Духа. Фактически само Писание — это форма группового водительства. Бог говорит через опыт народа Божьего. Это одна из сторон „общения святых".

И наконец, мы должны признать, что групповое руководство ограничено конечностью нашей жизни. Мы — человеческие существа, склонные к падению, и бывают времена, когда, несмотря на все наши усилия, наши собственные предрассудки и страхи удерживают нас от исполненного Духом единства. Иногда мы просто по-разному смотрим на вещи. Павел и Варнава, например, не могли прийти к согласию относительно того, брать ли им с собой Иоанна Марка в их второе миссионерское путешествие. Лука говорит об „огорчении", происшедшем между ними (Деян. 15:39). Нам не надо удивляться, если в нашем служении мы имеем такие же переживания.

Когда такое случается, мой совет: будьте добры друг ко другу. Бывает, что расходятся пути служителей, иногда и церкви раскалываются. Давайте сделаем все возможное, чтобы это отделение прошло как можно мягче. Давайте молиться и просить Божьего благословения друг для друга. Давайте доверимся апостолу Павлу, который говорит: „Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться" (Фил. 1:18).

Даллас Виллард утверждает: „Цель Бога в истории — создать всеобъемлющую общность людей, любящих Его и друг друга, принимающих Его Самого как Того Главного, Кто все содержит и Своей славой обитает среди них".¹⁰ Такая община живет под непосредственным и полным правлением Духа Святого. Это люди, слепые ко всему, кроме величия Божия, сострадательная община, воплощающая в себе закон любви, как это видим в Иисусе Христе. Они являются послушной армией Агнца Божия, живущей под духовной дисциплиной, общиной, находящейся в процессе полного внутреннего изменения, выражающегося вовне, людьми, решившимися жить в этом мире по требованиям Евангелия. Они нежно наступательны, кротко могущественны, страдающие и побеждающие. Такая община, вылепленная по апостольскому образу, составляет новое собрание Божьих людей. Да продолжит Всемогущий Бог собирать таких людей и в наши дни.

13. Дисциплина прославления

„Христианин должен быть аллилуйей с головы до ног!"

Блаженный Августин

Прославление занимает центральное место на Христовом пути. Он вошел в мир на радостной ноте: „Я возвещаю вам великую радость, — восклицал ангел, — которая будет всем людям" (Лк. 2:10). Он покинул этот мир, завещая Свою радость ученикам: „Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна" (Ин. 15:11).

Андре Трокма в своей книге „Иисус Христос и ненасильственная революция", а позднее Джон Хауард Йодер в „Политике Иисуса" в какой-то степени показывают, что Иисус начал Свое общественное служение с объявления Юбилейного года (Лк. 4:18-19). Этот взгляд имеет глубокие социальные последствия.* Столь же пронизательным является осознание того, что мы призваны в постоянный юбилей Духа. Такая радикальная, Богом данная свобода от имени и перестройка общественных отношений не может не принести с собой прославления. Когда бедный узнает о Доброй весте, когда пленные освобождаются, слепые прозревают, измученные отпускаются на свободу, — кто удержится от радостного восклицания юбилея?

В Ветхом Завете все общественные условия юбилейного года — отмена всех долгов, освобождение рабов, отсутствие посевных работ, возвращение собственности первоначальному владельцу — были прославлением милостивых постановлений Божьих. Можно доверять Богу, что Он даст нам все, что нам нужно. Он сказал: „Я пошлю благословение Мое на вас" (Лев. 25:21). Свобода от озабоченности образует основу для прославления. Так как мы знаем, что Он заботится о нас, мы можем все свои заботы возложить на Него. Бог превратил нашу скорбь в радость.

Свободный дух радостной праздничности в современном обществе отсутствует. Апатия, даже меланхолия господствуют над всем. Харви Кокс говорит, что современный человек настолько вдавлен „в полезный труд и рациональные расчеты, что он забыл радость экстатического празднования..."¹

Прославление придает жизни силу

Праздник вносит в жизнь радость, а радость делает нас сильными. Писание говорит нам, что „радость пред Господом — подкрепление для вас" (Неем. 8:10). Мы не можем долго без этого обходиться. Женщины переносят труд деторождения потому, что перед ними стоят радости материнства. Молодые семьи проводят первые годы своей жизни в трудах по налаживанию взаимных отношений, потому что они ценят надежность долгой жизни вместе. Родители терпеливо проходят сквозь подростковый возраст своих детей, зная, что они вскоре повзрослеют.

Мы способны начать учиться играть в теннис или на пианино одним лишь усилием воли, но мы не сможем продолжить наши занятия без радости. Фактически единственной причиной того, что мы начали эти занятия, является наша уверенность в том, что потом у нас будет радость. Именно это поддерживает всех новичков; они знают, что умение приносит с собой чувство радости и наслаждения.

Чувство радости является центральным во всех духовных дисциплинах. Без радостного духа праздничности дисциплина становится унылым, несущим дыхание смерти орудием в руках современных фарисеев. Каждая дисциплина должна характеризоваться беззаботной веселостью и чувством благодарности.

Радость входит в плод Духа Святого (Гал. 5:22). Я часто склонен думать, что радость вообще является двигателем жизни. Без радости, пронизывающей все дисциплины, мы раньше или позже их оставим. Радость производит энергию. Радость делает нас сильными.

Древнему Израилю было велено собираться вместе три раза в год, чтобы прославлять - милость Божию. Это были праздничные дни в самом высоком значении слова. Они были так полны радости, что давали новую силу и связь друг с другом народу Израиля.

Путь к радости

В духовной жизни только одно производит искреннюю радость: это — послушание. В старом гимне поется, что нет другого пути быть счастливым с Иисусом, как только „верить и повиноваться". Автор этого гимна получил вдохновение от Самого Господа, потому что Иисус говорит нам, что нет блаженства, равного блаженству послушания. Однажды женщина из толпы возвысила голос, обращаясь к Иисусу: „Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!" Иисус отвечал: „Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его" (Лк. 11:27-28). Блаженнее жить в повиновении, чем быть матерью Мессии!

В 1870 году Ханна Витал Смит написала то, что стало классикой радостного христианства, — Христианский секрет счастливой жизни". Название лишь только намекает на глубины этой познавательной книги. Это не пустые „четыре шага к успешной жизни". Автор старательно определяет полную и изобильную жизнь, сокрытую в Боге. Каков, же христианский секрет счастливой жизни? Это лучше всего выражено в главе под названием „Радость послушания". Радость приходит через послушание Христу и является результатом этого послушания. Без этого радость пуста и искусственна.

Чтобы извлечь искреннее прославление и радость, послушание должно пронизывать всю нашу повседневную жизнь. Иначе наша праздничность будет пустой. Некоторые люди, например, живут так, что в их доме не может быть никакого счастья, но потом они идут в церковь, и поют гимны, и молятся „в Духе", надеясь, что Бог каким-то образом вдохнет в них радость, с которой они проживут этот день. Они ищут своего рода „переливания радости", которое помогло бы обойти несчастья их ежедневной жизни. Но Божье желание — не обходить стороной несчастья, а преобразовать их.

Нам нужно понять, что временами Бог действительно „вливает" в нас радость, и мы переживаем ее даже во времена горечи и ожесточения своего сердца. Но это ситуация необычная. Нормальные средства принесения радости в нашу жизнь — это Божье искупление нас и освящение обычного положения нашей человеческой жизни. Когда члены семьи полны любви и сочувствия и духом служения друг другу, тогда у них есть причина прославлять Бога и радоваться.

Есть что-то печальное в тех людях, которые бегают из церкви в церковь, пытаются получить „прививку" радости от Господа. Радость не находится ни в музыке особого рода, ни в приятных нам людях, ни даже в использовании харизматических даров Духа, как бы хороши ни были все эти вещи. Радость находится в послушании. Когда сила, которая присуща Иисусу, достигает нашего труда и игры и искупает их, то радость будет там, где раньше была скорбь. Не видеть этого — значит не понимать значения воплощения Слова.

Вот почему я поместил прославление в конце книги. Радость — это конец и результат духовных дисциплин, действующих в нашей жизни. Бог производит изменения в нашей жизни через дисциплины, и мы не познаем истинной радости, пока внутри нас не начнется труд преобразования. Многие люди стараются как можно скорее обрести радость. И мы часто стремимся „накачать" людей радостью, когда в действительности в их жизни ничего не произошло. Бог не пробился в их повседневную жизнь. Прославление и радость приходят, когда искуплены самые обычные события жизни.

Важно избегать того типа празднования, когда в действительности ничего не празднуется. А еще хуже претендовать, будто мы славим Бога, когда в нас нет духа прославления. Наши дети наблюдают за нами, когда мы благословляем пищу и быстро принимаемся ее поглощать, — благословения, которые не являются благословениями. Одна из тех вещей, которые совершенно разрушают мир ребенка, — это насильственная благодарность, когда они должны благодарить, не испытывая

благодарности. Если мы изображаем радость, наш внутренний дух оказывается в противоречии.

В настоящее время популярным считается убеждение, что надо славить Бога за различные трудности, случающиеся в нашей жизни, здесь предполагается, что в таком прославлении Бога есть огромная преображающая сила. Такое учение является в лучшем случае ободрением для нас, оно побуждает нас смотреть на наш жизненный путь очами веры и видеть будущее. Оно утверждает в наших сердцах радостную уверенность, что в руках Божьих все превращается в добро для любящих Его. Но в худшем варианте это учение отрицает порочность зла и выдает самые ужасные трагедии за волю Божью. Писание учит нас жить в духе благодарения среди самых различных ситуаций, но оно не требует, чтобы мы прославляли наличие зла.

Дух беззаботного прославления

Апостол Павел призывает нас: „Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь" (Фил. 4:4). Но как нам делать это? Павел продолжает: „Не заботьтесь ни о чем". Это негативная сторона радости. Позитивная сторона такова: „... всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом". И каков результат этого? — „И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе" (Фил. 4:6-7).

Павел наставляет нас в том, как всегда радоваться, и первым словом его совета является: „Не заботьтесь ни о чем". Иисус, конечно, дает тот же самый совет, когда Он говорит: „Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться" (Мф. 6:25). В обоих случаях используется одно и то же слово: „заботиться". Христиане призваны быть свободными от этого, но нам это кажется очень странным. Нас с двухлетнего возраста воспитывали именно заботиться. Даже своим детям, бегущим на автобус, мы кричим: „Осторожно!" То есть позаботься сам о себе!

Духа прославления не будет в нас до тех пор, пока мы не научимся „не заботиться". И мы никогда этому не научимся, если не уповаем на Бога. Вот почему юбилейный год в Ветхом Завете был таким значительным праздником. Никто бы не решился праздновать юбилей, если бы не имели глубокого доверия к Богу и Его способности восполнить все их нужды.

Когда мы доверяем Богу, мы свободны полностью положиться на Него и верить, что Он даст нам все, в чем мы нуждаемся: „В молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом". Молитва — это сила, движущая рукой Божией; поэтому мы можем жить в духе беззаботного прославления Бога.

Павел, однако, на этом не останавливается. Молитва и упование сами по себе не приносят нам радости. Павел продолжает говорить нам, чтобы мы помышляли о том, „что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала..." (Фил. 4:8). Бог установил порядок, полный прекрасных и добрых вещей, и естественно, что, когда мы обращаем на них свое внимание, мы счастливы. Это Богом назначенный путь к радости. Если мы думаем иметь радость только от молитв и пения псалмов, мы будем разочарованы. Но если мы наполним нашу жизнь простыми добрыми вещами и будем постоянно благодарить Бога за них, мы будем радостными, будем исполнены радости. А что же с нашими проблемами? Когда мы твердо решимся жить только добрым и прекрасным в жизни, мы будем иметь столько доброго, что оно сможет поглотить наши проблемы.

Решение помышлять о высоком в жизни — это акт воли. Вот почему прославление Бога есть дисциплина. Это не сваливается нам на голову. Это является результатом сознательно избранного пути — образа жизни и мышления. Когда мы изберем его, то исцеление и искупление во Христе пробьется в самые дальние углы нашего

внутреннего мира и наших отношений с людьми, и неизбежным результатом этого будет радость.

Наши преимущества от прославления

Самым важным преимуществом является то, что мы перестаем воспринимать себя слишком серьезно. Это настоятельная необходимость для всех тех, кто серьезно относится к духовной дисциплине. С истинно преданными Богу людьми случается, что они становятся невероятно скучными. Этого не должно быть. Мы должны быть самыми свободными из всех людей, живыми, интересными. Прославление вносит ноту веселости, праздничности, радости в нашу жизнь. В конце концов, Иисус с такой полнотой радовался жизни, что Его обвиняли в том, что Он ест и пьет с мытарями и грешниками. У многих из нас такая кислая жизнь, что нас вряд ли могли бы в этом обвинить.

Я вовсе не рекомендую здесь периодические впадения в различные грехи, но я предлагаю более глубокое, более земное переживание радости. Это так целительно и так освежает, когда мы развиваем в себе широкое принятие и высокую оценку жизни. Наш дух может утомиться от постоянного напряжения в нашем стремлении к Богу, точно так же, как тело может устать от избыточного труда. Прославление помогает нам расслабиться и радоваться добрым земным вещам.

Прославление также является эффективным противовесом периодическому чувству печали, давящей на сердце. Депрессия сегодня похожа на эпидемию, и прославление может помочь противостоять этому приливу. В главе „Помощь в печали“ Франсуа Фенелон советует тем, кто подавлен тяготами жизни, ободриться „доброй беседой, даже с довольством и веселостью“.2

Другим преимуществом прославления является его способность открывать перед нами перспективу. Мы можем посмеяться над собой. Мы начинаем понимать, что дело наше не такое уже великое, как мы хотели бы верить, полагая все свои силы на него. В прославлении высокий и могущественный обретает равновесие, а слабый и низкий поднимается духом. Кто может быть высоким или низким на Божьем празднике? Богатый и бедный, могущественный и беспомощный — все прославляют чудеса Божьи. Нет более сильного уравнивателя кастовых различий, чем праздничность.

Таким образом, освобожденные от преувеличенного взгляда на свою значимость, мы освобождаемся также и от духа осуждения. Другие уже не кажутся нам такими ужасными и бездуховными. Общие радости можно разделять без ханжеских оценок.

Наконец, интересной характеристикой прославления является то, что оно побуждает нас к еще большей праздничности и прославлению. Радость зачинает радость. Смех зачинает смех. Это одна из немногих вещей в жизни, которая умножается, когда ее даешь другим. Кьеркегор говорит, что „юмор всегда маскирует вещь, имеющую две стороны“.3

Практика прославления

Если прославление — это групповая дисциплина, и если оно имеет такие преимущества для народа Божьего, то как оно практически осуществляется? Это хороший вопрос, потому что современные люди стали такими механическими, что утратили почти всякую естественную, произвольную радость. Большая часть наших переживаний прославления — искусственная, как пластик.

Один из путей праздничного прославления — это петь и танцевать, и восклицать. Оттого, что Бог так добр, из' сердца вырывается песнопение — псалмы, гимны, духовные песни. Поклонение Богу, хвала, любовь исходят из глубин нашего существа.

В Псалме 150 мы видим, как народ Божий славит Бога „со звуком трубным..., на псалтири и гусях..., на струнах и органе..., на кимвалах громогласных”.

Что делают малые дети, когда они веселятся? Они шумят, очень шумят. Нет ничего плохого в шуме, в свое время конечно, так же, как и нет ничего плохого в молчании, тоже в свое время. Когда дети веселятся, они танцуют. Когда дети Израиля были избавлены от хватки фараона могущественной силой Божией, Мариамь-пророчица повела народ „с тимпанами и ликованием” в танце прославления (Исх. 15:20). Давид прыгал и плясал перед Господом изо всей силы (2 Цар. 6:14, 16). Народные танцы всегда были носителем культурных ценностей и постоянно использовались во время праздников. Конечно, у танца могут быть и плохие, злые проявления, но это уже совершенно другой вопрос.

Пение, танцы, шум вовсе не являются требуемыми формами проявления хвалы. Они являются всего лишь примерами, чтобы создать в нас действительное ощущение, что земля — Господня, и все, что наполняет ее. Как Петру, нам нужно научиться, что нет ничего нечистого, что исходит от милостивой руки Божией (Деян. 10). Мы вольны праздновать доброту Бога всеми своими средствами!

Смех — это тоже проявление праздничности. Старая поговорка, что смех — это лучшее лекарство, имеет под собой серьезное основание. И действительно, Норман Кузине в своей книге „Анатомия болезни” рассказывает, как он использовал смехотерапию, чтобы преодолеть калечащую его болезнь. На своей больничной койке он смотрел старые фильмы Братьев Маркс, и искренний смех, сотрясавший все его тело, имел, казалось, успокоительное действие и давал ему спокойный сон, без болей. Доктора подтвердили оздоровительное действие смеха даже на химическую характеристику его тела.

И почему бы нет! У Иисуса было чувство юмора — некоторые Его притчи решительно комичны. Существует даже такая вещь, как „святой смех”, частое явление при различных движениях пробуждения. Хотя я его сам не испытывал, я видел его у других, и его действия тоже были благотворны. Но независимо от того, оказывает ли нам Бог эту милость или нет, мы все можем пережить время целиком захватившего нас смеха.

Итак, посмейтесь над собой! Порадуйтесь добрым шуткам и умным каламбурам. Научитесь смеяться; этим тоже нужно овладеть. Сбросим с себя этот вечный груз необходимости выглядеть глубокими и серьезными.

Третий путь проявления праздничности — это подчеркнуть творческие дары фантазии и воображения. Харви Кокс замечает, что „способности человека праздновать, веселиться, фантазировать — атрофировались”.⁴ В другом месте он пишет: „Было время, когда ясновидцев канонизировали, а мистиками восхищались. Сейчас их изучают, им улыбаются, но вообще фантазия в наше время воспринимается с недоверием”.⁵

Мы, следующие за Христом, можем рискнуть пойти против распространенных культурных взглядов. Давайте самозабвенно предадимся детским играм воображения. Давайте видеть видения и сны. Давайте играть, петь, смеяться. Воображение может высвободить поток творческих идей, и это будет очень интересно. Только тот, кто не уверен в своей зрелости, испугается такой восхитительной формы праздника.

Давайте также оценим творческие способности других. Те, кто создает картины и пишет пьесы и музыку, являются великим даром для нас. Мы можем организовать выставку их работ. Мы можем петь песни, положенные на их музыку, и в узком кругу, и на концертах. Мы можем собрать семейную выставку детских рисунков. Почему бы не сделать этого? Это большое удовольствие, и оно созидает общину.

Еще что мы можем сделать — это превратить семейные события в праздники и дни благодарения. Это в особенности относится к таким событиям, как дни рождения, окончания школы или института, свадьбы, годовщины. Я знаю одну пару, которая сажает дерево в каждую очередную годовщину своей свадьбы. Сейчас на их ферме вырос целый лес примерно из сорока деревьев, являющихся молчаливыми свидетелями их , любви и верности.

Мы можем праздновать и менее значительные события, такие, как окончание проекта, поступление на работу, продвижение по работе. Кроме того, почему бы не проводить известное праздничное время, не связанное с особыми событиями? Проведите время вокруг пианино, как семья, пойте вместе гимны! Научитесь танцевать народные танцы и вместе им порадайтесь. Выделите постоянное время для игр, фильмов и совместного чтения книг. Превратите посещения родственников в празднование ваших добрых отношений. Я уверен, что у вас есть множество идей, осуществляющихся именно и только в вашей семье.

Пятое, что мы можем сделать, это использовать праздники, традиционные для нашей культуры, и действительно их праздновать. Какой великий праздник можно сделать из Рождества! Вовсе не обязательно делать большие затраты на него, если мы этого не хотим. Конечно, подарки — это большое дело, но они могут быть самыми разнообразными. Несколько лет назад наш младший сын Нафан, который учился играть на пианино в это время, подарил каждому члену семьи особый подарок: он сыграл песню, которую только что разучил. Но он сделал это особенным образом: принес огромные коробки, предлагая каждому догадаться, что в них находится. И когда их открыли, то нашли там записочку, что он собирается сыграть такую-то вещь им на пианино. Как восхитительно, как весело!

А как относительно Пасхи? Забудьте о празднике весны в это время, празднуйте силу воскресения. Сыграйте дома пасхальные сцены. Соберите цветы и вручите их соседям и друзьям. Порадайтесь красоте цвета и разнообразия. Наполните дом и церковь светом; пойте и прославляйте победу Христа над тьмой. Пусть дети (и взрослые) оденутся, как библейские персонажи или как святые разных времен.

В средние века был праздник, известный под названием Праздник дураков.⁶ Это был день, когда все „священные коровы" того времени могли быть осмеянными. Младшие духовные чины могли высмеивать и передразнивать высших. То же самое делалось и с политическими лидерами. Мы можем обойтись без излишеств, которые сопровождали этот праздник, но нам тоже нужны случаи, когда мы можем посмеяться сами над собой. Вместо того, чтобы смеяться над тем, над чем положено смеяться в наше время, мы можем посмеяться над самими этими положениями.

Мы ничем не ограничены в установлении праздников. Мы можем создавать и свои собственные. Одна община, например, устроила праздничный вечер, чтобы выразить свое одобрение пасторам, и, я должен сказать, это был веселый вечер. Почему мы должны ждать времени, когда наши пасторы готовятся нас покинуть, чтобы устроить вечер в их честь? Если мы чаще будем выражать им свое одобрение, они, может быть, и побудут с нами дольше.

Я знаю об одной церкви, у которой есть Праздник света в Рождество. В этот день у них музыка, драма и, главное, полно людей. Я знаю также о другой общине, которая собирается ежеквартально, чтобы праздновать разнообразие пищи на земле: то у них шведский стол, то ирландский, а то и японский.

Там, где я преподаю, есть ежегодное событие под названием „Симфония весны", и невозможно подсчитать, сколько доброго оно дает человеческому духу. Это самое ожидаемое событие года. Музыка, костюмы, краски, и все так искренне, безыскусственно. Этот праздник обходится недешево, он требует затрат времени,

энергии, денег. Но нам всем нужны такие праздники радости, когда все вместе мы ищем Царствия Божия.

Праздники хвалы дают нам силу жить во всех других дисциплинах. Когда верно исполняются все другие дисциплины, то они освобождают нас от всего, что годами делало нашу жизнь несчастной, а это в свою очередь с новой силой вызывает прославление Бога. Так образуется неразрывный круг жизни и силы.

Конец

Мы дошли к концу нашего изучения, но только к началу нашего путешествия. Мы видели, как созерцательное размышление возвышает нашу духовную чувствительность, которая в свою очередь ведет нас к молитве. Очень скоро мы обнаруживаем, что молитва включает в себя и пост как сопровождение. Наученные этими тремя дисциплинами, мы можем успешно приниматься за изучение, которое дает нам возможность разобраться в себе и в мире, в котором мы живем.

Через простоту мы живем с другими в общении. Одиночество позволяет нам действительно присутствовать среди людей, когда мы с ними. Через смирение мы живем с другими, не пытаясь ими руководить, и через служение мы являемся для них благословением.

Исповедание освобождает нас от самих себя и дает свободу для поклонения Богу. Оно открывает нам путь к водительству. И все дисциплины, свободно упражняемые, вызывают хвалу прославления.

Классические дисциплины духовной жизни возводят нас на Гималаи Духа. И вот мы стоим на краю леса, восхищенные снежными вершинами перед нами. Мы идем доверчиво с нашим Руководителем, Который проложил путь и покорил высочайшие вершины.

Прославляя «Прославление дисциплины»

В честь десятой годовщины публикации „Прославления дисциплины“ некоторых руководителей церквей и учителей попросили подумать над значением этой книги в их жизни и служении и над тем, какое влияние в целом она оказала на учение и уровень духовности в Церкви. Далее следуют их комментарии, в которых выражено глубокое одобрение этой книги и центрального положения духовных дисциплин для христианской жизни.

„Я впервые услышал о „Прославлении дисциплины“ от католического священника в республике Панама, который рекомендовал ее своей пастве. Я купил эту книгу и тут же предложил ее для обязательного чтения всем руководителям нашей церкви... С тех пор я сам иду путем этих дисциплин, и это стало образом моей жизни... Я глубоко признателен Ричарду Фостэру за то, что он ясно определил и выразил на бумаге те вещи, относительно которых Дух стучался в мое сердце“.

Джейми Букингем, издатель

„Ричард Фостэр оказал большое влияние на мою жизнь. Как у активиста, у меня всегда есть тенденция так погружаться в свои собственные „добрые дела“, что я часто пренебрегаю духовными дисциплинами, которые находятся у источников моей силы и видения. Мне так далеко надо идти, но „Прославление дисциплины“ помогает мне идти в том направлении, в котором я должен идти“.

Тоуни Камполо, автор „Семи смертных грехов“

„Ричард Фостэр — это редкий и сильный автор, чьи труды полны откровений, написаны с тщательностью, проникновенны, они возбуждают мысль и являются интеллектуально стимулирующими и в высшей степени практичными, они свободны от словесной шелухи, столь характерной для многих современных книг. Книга „Прославление дисциплины“ оказалась для меня чрезвычайно ценным и авторитетным путеводителем в моей духовной жизни. Она похожа на старого и очень дорогого друга. Я благодарен Богу за то, что Ричарду Фостэру удалось сделать этот глубокий вклад в христианскую духовность, и мне радостно думать, что эта современная христианская классика продолжает помогать поколениям читателей в их хождении со Христом“.

Гари Коллинз, профессор психологии, Евангельская богословская школа

„Прошрое десятилетие характеризовалось глубоким новым интересом к духовности во многих областях церкви. Те из нас, которые являются евангельскими протестантами, нуждались в коррективе нашей активности и в том, чтобы вернуться к нашим корням — подлинному хождению с Богом. „Прославление дисциплины“ было безусловно главной книгой этого обновления. Мне лично она чрезвычайно помогла, когда я ее впервые прочитал и всем рекомендовал. Ясный стиль Ричарда Фостэра и то ударение, которое он делает на дисциплинирующей благодати, сделали эту книгу столь „заметной в наше время. Я часто на нее ссылаюсь. Все, кто озабочен евангелизацией мира в конце столетия, должны признать, что эта огромная задача никогда не сможет быть решена без глубокого укоренения в Иисусе, без наставления Божьим Словом и без питания Его Духом. Я приветствую новое издание „Прославления дисциплины“.

Лейтон Форд

„Книга Ричарда Фостэра „Прославление дисциплины“ — одна из немногих книг нашего времени, заслуживающая названия „классической“. Говоря о христианской „классике“, мы редко имеем в виду современные труды. Мы подразумеваем, что, чтобы стать классической, книга должна быть старой. В действительности это никак не связано со временем. Книга становится классической, когда ее содержание испытано достаточным количеством людей, нашедших, что она истинна, мудра и полезна.

„Прославление дисциплины“ — это популярная книга в лучшем смысле этого слова, это книга для людей. О духовных дисциплинах часто думают, что они годятся либо для духовных гигантов, либо для тех привилегированных людей, которым не надо справляться ни с семьей, ни с работой полный рабочий день. Ричард Фостэр изымает дисциплины от специалистов и аскетов и возвращает их обычным ученикам, для которых они и были предназначены. Его видение „учащегося ученика“ включает и трудящегося, и академика, и занятую мать с малыми детьми, служащего и духовное лицо“.

Уильям Фрей, епископ, епископальный приход в Колорадо

„Следуй за Мной!“ — был призыв Христа Иакову и Иоанну на Галилейском берегу, когда Он начал Свое земное служение. „Следуй за Мной!“ — этот зов Христа обращен и к верующим нашего времени. Но обращать внимание на этот зов, находясь в культуре, которая игнорирует Христа и внимает материализму, трудно и, скорее всего, вызывает огорчение и чувство поражения. „Прославление дисциплины“ Ричарда Фостэра заботливо излагает библейские средства познания Спасителя и следования за Ним в современном обществе, а также дает верующим практические советы для повседневной жизни“.

Марк О. Хетфилд, сенатор из Орегона

„Прославление дисциплины" помогло современной Церкви глубоко понять освежающее действие духовных дисциплин. Волнение охватило всю страну, когда многие христиане стали практически применять изменяющие жизнь истины, находящиеся в этой книге".

Каролина Куне, автор „Тони" („Наше путешествие вместе" и „За пределами предательства").

„Читая „Прославление дисциплины" десять лет назад, я уже больше не чувствовала себя одинокой в духовном странствии. С годами я как писатель и учитель стала особенно ценить эту книгу. Как старый и очень дорогой друг, „Прославление дисциплины" нежно побуждает меня настойчиво идти по Божьему пути. Сила и ясность мыслей и способы их изложения у Ричарда Фостэра освещают путь даже в самые темные времена, а прозрачный стиль и точные наблюдения помогают превратить трудную личную и совместную практику духовных дисциплин в замечательно радостное переживание".

Джудит С. Лехман, автор книг „Сдаться мужеству" и „Духовность нежности"

„Книга „Прославление дисциплины" покорила меня, когда она была впервые опубликована, свежий голос реальной жизни,... а сейчас существует еще большая нужда в мудрости Ричарда Фостэра. Действительно, он предложил нам радость дисциплины, и это поможет нам искать Царствия Божьего более радостно и менее нравоучительно, чем этого требует от нас христианство конца XX века. Он поет, не впадая ни в крайность калечащей вседозволенности и самооправдания, ни в другую крайность — разрушительного законничества и страха. Пишет ли он о медитации и созерцании, или же об изучении, или о посте, Ричард Фостэр всегда дает нам духовно здоровый и счастливый взгляд на дисциплину. Если бы каждый Ц в этой стране мог прочитать (и принять во внимание) эту |х книгу, какие бы изменения она произвела на планете, — нет, в космосе!"

Маделин Л'Ингл, автор „Морщины во времени"

„Мы являемся самоправедными детьми эгоистического века. Даже как христиане, мы не приветствуем дисциплину, будь она физическая, интеллектуальная, общественная или духовная. Но именно она является вдохновением „Прославления дисциплины" Ричарда Фостэра. На основании своей собственной веры и практики он показывает, чего нам недостает: радости от духовной дисциплины и той полноты жизни, которую нам обещал Христос. В течение всех десяти лет после ее публикации я все еще ее цитирую, советую ее прочитать и практически использовать ее принципы и радуюсь, что она вовремя пополнила список долго читаемой христианской литературы.

Дейвид Л. Мак-Кенна, президент Богословской семинарии в Асбури

„Я обычно говорил, что гимн евангельских христиан — это „Изумительная милость", сожалея, что мы никогда еще не написали гимна „Изумительная дисциплина". Больше я так не говорю. Ричард Фостэр научил меня более глубокой духовности, чем я когда-либо знал. „Прославление дисциплины" — это заразительная радость, проведшая меня мимо дешевой милости к созерцательному образу жизни, который не только изменил мою жизнь, но дал мне обновленное служение в моей общине, благодарной за происшедшие изменения".

Калвин Миллер, автор трилогии „Певец" и „Легенды о Братском камне"

„Как дитя, игравшее в дождливый день на чердаке и обнаружившее старый сундук, полный сокровищ, а затем зовущее всех своих братьев и сестер, чтобы поделиться находкой, Ричард Фостэр „нашел" духовные дисциплины, которые мир отложил в сторону и забыл, и вот он взволнованно зовет нас отпраздновать эту находку. Потому

что они, как он нам показывает, являются проводниками радости, путем к зрелой христианской духовности и жизни с избытком".

Юджин Х. Петерсон, автор „Долгого повиновения в одном и том же направлении"

„Церкви сегодня больше всего не хватает самодисциплины. У нас почти нет наставления о том, что должны делать христиане после своего возрождения. Великий труд освящения только начинается при обращении. Книга „Прославление дисциплины" Ричарда Фостера была и остается самым драгоценным прославлением этого рода дисциплины, которой должен подчиняться каждый христианин, если он или она намереваются быть зрелыми христианами. Мы в высшей степени одобряем эту книгу и рекомендуем ее всем читателям".

Джон и Паула Сендфорд, авторы „Преображения внутреннего человека"

„В то время как дешевые и кричащие ценности определяют наше общество, Ричард Фостер поставил перед нами образец и прочный, и дорогой. Дисциплины, о которых он так смело и ясно пишет, являются теми, которым подчинялся Сам Христос...

Для меня лично одним из самых ценных выводов Фостера является то, что сами по себе дисциплины не имеют никакого значения, но они являются средствами достижения более великой цели — свободы... Точно так же, как физические законы (или дисциплины) дают возможность повернуться паруснику против ветра, духовные дисциплины позволяют нам повернуть свою ограниченность и неспособность к искупительной свободе и приобретениям для самих себя, наших церквей, обществ и Бога.

Мне всегда нравилась практичность Фостера. Здесь есть какая-то тайна, но все это не является чем-то недостижимым, потому что нам конкретно показано, как осуществлять эти дисциплины. Духовное здесь сплавлено воедино с физическим; слово опять становится плотью; небо и земля, кажется, соединяются в этом труде".

Люси Шоу, автор „Слушай Грина"

„Прославление дисциплины" Ричарда Фостера — это лучшая современная книга о христианской духовности. Я прочитал ее раз шесть в последние десять лет и использовал ее как учебник в классах и малых группах... Никакая другая книга, кроме Библии, не способствовала в такой мере развитию моей внутренней молитвенной жизни и духовному росту".

Роналд Сайдер, исполнительный директор движения „Евангельские христиане — за социальные изменения".

„Празднование десятилетия со дня издания великолепной книги Ричарда Фостера „Прославление дисциплины" и второго ее издания предоставляет нам случай благодарить Бога за этот дар, за книгу, которая дала новое содержание христианской жизни в нашем пресыщенном мире".

Льюис Смедес, автор „Заботы и преданности" и „Прости и забудь"

„Прославление дисциплины" помогло мне возрасти как в понимании христианской жизни, так и в практическом применении. Мне особенно нравится его внимание к жизни общины — к групповым дисциплинам, а не только частным. „Прославление дисциплины" помогает нам испытать истинную реальность церкви".

Хауард А. Сидер, профессор церковного обновления Объединенной богословской семинарии

„Прославление дисциплины" должна быть в библиотеке каждого христианина, и эту книгу нужно читать и изучать регулярно. Вся область духовного роста рассматривается с точки зрения искупления на каждой странице этой книги. Ричард Фостэр соединяет традиционный классический и библейский материал с современным видением, что делает эту книгу книгой сегодняшнего дня. Каждый раз чтение этой книги вызывает заново желание подчинить всю свою жизнь личности Иисуса Христа".

Томми Тисон, евангелист

„Большинство книг, признаваемых классическими, — это книги, написанные вовремя. Ричард Фостэр написал свою книгу тоже вовремя, и многие ее уже называют классикой. Это время было — конец 70-х годов, когда Бог только начинал вводить церковь в Америке и в других местах в новую эпоху подъема духовной жизни... Ричард Фостэр был одним из первых, кто услышал, что Дух говорит церквам, и сообщил остальному миру через свою книгу, что именно он услышал. Эта книга была как бы петлей на двери, открывающейся в новую Божию эру. Ее послание широко распространилось и помогло христианам всех направлений установить более близкие отношения с их Небесным Отцом".

С. Питер Вагнер, профессор роста церквей, Фуллер, Богословская семинария Мировой миссии

„В течение последних двадцати лет мое собственное духовное странствование увело меня прочь от рационалистического склада ума, ориентированного на интеллектуальные доказательства и удаляющего от христианской жизни и христианского переживания.

„Прославление дисциплины" Ричарда Фостэра призывает всех нас к этому типу веры. В ней говорится, что недостаточно просто верить. Бог хочет, чтобы мы осуществляли на практике поклонение Богу, духовную дисциплину, опыт веры. Я твердо верю, что эта книга — для нашего времени! Это оазис в пустыне, который может дать нам, современным людям, пить чистое духовное питье из вод духовности, глубоко укорененной в христианской традиции".

Роберт Веббер, профессор богословия, Витон колледж

„В „Прославлении дисциплины" Ричард Фостэр сделал нам ценный подарок. Эта книга помогла мне заново принять те истины, которые я знаю, но имею склонность забывать. Она снова привлекла меня к сокровищу, которое моя монастырская жизнь всегда побуждала меня исследовать, то есть к моей внутренней жизни. Ричард Фостэр приглашает меня в глубины с обещанием, что это вовсе не требует тяжелого труда горького и мрачного аскетизма, разбивающего мой дух, но что это — радость, открывающая двери в свободу и становящаяся прославлением. Я всегда подозревала, что лучший путь к истинной радости — через послушание. Послушание, однако, — это слово, звучащее в наших устах сегодня весьма банально. Как же чудесно в таком случае обнаружить книгу, которая дает нам свежий образ послушания. И действительно, сила этой книги в том, что послушание традиционным христианским дисциплинам, таким как молитва, пост, размышление, простота, духовное водительство и так далее, представлено нам не как закон, а как праздник... Ричард Фостэр предложил нам сделать нашу обыденную жизнь более глубокой. Прославление каждой дисциплины в этой книге дает нам в руки орудие, которое поможет нам соединить нашу внутреннюю и внешнюю жизнь".

Макрина Видеркер, автор «Дерева, полного ангелов»

„Прославление дисциплины" уже спокойно утвердилось в жизни многих людей земного шара и заняло свое место гида в высшие области духовной жизни в конце XX века. Куда бы я ни поехал, я встречаю людей, чьи жизни изменились после встречи с этой

книгой. Она ставит нас на путь жизни вместе с теми, кому уже удалось следовать за Иисусом в любых обстоятельствах, и показывает нам такое направление наших действий, которое приводит нас наверняка к взаимодействию с Его Царством. В этом секрет силы этой книги. Если вы хотите сами познать реальность благодатной жизни Божией, видимой в Библии, вы не найдете лучшего советника, чем Ричард Фостэр".

Даллас Виллард, автор „Духа дисциплин“

„В 1978 году была издана первая книга Ричарда Фостэра „Прославление дисциплины“, и она не вызвала шумного одобрения. Ее покупали неохотно. Немногие специалисты по рынку считали, что книга, призывающая к дисциплине и благочестию, будет иметь успех у самодовольного, занятого самим собой поколения. В конце концов это были вовсе не пещерные монахи, способные на двухнедельные посты, а хиппи, любящие мчаться на машинах, потягивая при этом какие-либо напитки.

Так вот, специалисты ошиблись. Эти первые немногие читатели книги „Прославление дисциплины“ начали о ней говорить; они называли истинной дверью к освобождению во Христе — духовные дисциплины. Фостэр, обдумывая наследие квакеров, пишет о внутренней жизни благочестия и воздержания, которые и достижимы, и желанны. Это все может осуществиться!

С 1978 года сотни тысяч людей во всем мире прочитали и перечитали „Прославление дисциплины“. Я — среди них, и эта книга очень помогла мне в моей молитвенной жизни. Книга входит в свое второе десятилетие, и есть надежда, что новое поколение откроет для себя главное послание „Прославления дисциплины“: развивая личные отношения с Иисусом Христом, мы вступаем на истинный путь духовного роста“.

Джон Вимбер, пастор и основатель общины „Христианский виноградник“

Примечания

Глава 1

Джон Вулман, *The Journal of John Woolman*, стр. 118.

2. Томас Мэртон, *Contemplative Prayer*, стр. 37.

3. Найни Арнольд, *Freedom from Sinful Thoughts: Christ Alone Breaks the Curse*, стр. 94.

4. Там же, стр. 64.

5. Там же, стр. 82.

6. П. Дэвис, *Encyclopedia of Religious Quotations*, стр. 400.

Глава 2

1. Мортон Кэлси, *The Other Side of Silence: A Guide to Christian Meditation*, стр. 83.

2. Мадам Тайон, *Experiencing the Depths of Jesus Christ*, стр. 3.

3. Тимоти Уэар, *The Art of Prayer: An Orthodox Anthology*, стр. 110.

4. Джереми Тэйлор, *The House of Understanding: Selections from the Writings of Jeremy Taylor*, стр. 106.
5. Дитрих Бонхоуфэр, *The Way to Freedom*, стр. 57.
6. Гайон, стр. 32.
7. Томас а Кэмпис, *The Imitation of Christ*, стр. 85.
8. Томас Мэртон, *Contemplative Prayer*, стр. 59.
9. Мортон Кэлси, *The Other Side of Silence*, стр. 1, 57, 98 и 121.
10. Томас Мэртон, *Spiritual Direction and Meditation*, стр. 68.
11. Томас Мэртон, *Contemplative Prayer*, стр. 39.
12. Вильям Рэнн, *No Cross, No Crown*, стр. xii.
13. Томас Мэртон, *Contemplative Prayer*, стр. 29.
14. А. У. Тоузер, *The Knowledge of the Holy*, стр. 20.
15. Элизабет О'Коннор, *Search for Silence*, стр. 95.
16. Томас Мэртон, *Spiritual Direction and Meditation*, стр. 98.
17. Там же, стр. 47.
18. Александер Уайт, *Lord, Teach Us to Pray*, стр. 249.
19. Лин Дж. Рэдклиф, *Making Prayer Real*, стр. 214.
20. Сайт Фрэнсис де Сэйлз, *Introduction to the Devout Life*, стр. 84.
21. Томас Мэртон, *Contemplative Prayer*, стр. 59.
22. Томас Мэртон, *Spiritual Direction and Meditation*, стр. 75.
23. Дитрих Бонхоуфэр, стр. 59.
24. Александер Уайт, стр. 249-250.
25. Там же, стр. 251.
26. Эвелин Андерхил, *Practical Mysticism*, стр. 90.
27. Томас Мэртон, *Spiritual Direction and Meditation*, стр. 88-89.

Глава 3

1. И. М. Баундз, *Power Through Prayer*, стр. 23.
2. Там же, стр. 38.

3. Там же, стр. 38, 77.
4. Там же, стр. 41, 54.
5. Там же, стр. 13.
6. Томас Мэртон, *Contemplative Prayer*, стр. 11.
7. Сёрэн Киркегард, *Christian Discourses*, стр. 324.
8. Майстер Экарт, *Meister Eckhart*, стр. 59.
9. Линн Дж. Радклиф, *Making Prayer Real*, стр. 214.
10. Фрэнк Лобэк, *Prayer the Mightiest Force in the World*, стр. 31.
11. Фрэнк Лобэк, *Learning the Vocabulary of God*, стр. 33.
12. И. М. Баундз, стр. 83.
13. Томас Р. Келли, *A Testament of Devotion*, стр. 124.
14. Там же, стр. 35.
15. И. М. Баундз, стр. 35.

Глава 4

1. Джон Уэсли, *The Journal of the Reverend John Weley*, стр. 147
2. Дэвид Р. Смит, *Fasting: A Neglected Discipline*, стр. 6.
3. Артур Уоллис, *Corf's Chosen Fast*, стр. 25.
4. Дитрих Бонхоуфэр, *The Cost of Discipleship*, стр. 47.
5. И. М. Баундз, *Power Through Prayer*, стр. 25.
6. Джон Уэсли, *Sermons on Several Occasions*, стр. 301.
7. Смит, стр. 39.
8. Томас Р. Кэлли, *A Testament of Devotion*, стр. 35.
9. Артур Уоллис, стр. 66.
10. Элизабет О'Коннор, *Search for Silence*, стр. 103,104.
11. Джон Уэсли, *Sermons on Several Occasions*, стр. 297.

Глава 5

1. Мартин Бубер, *Tales of the Hasidim: Early Masters*, стр. 111.
2. Аидре Гайд, // *It Dies*, стр. 83.

3. Эвелин Андерхил, *Practical Mysticism*, стр. 93-94.
4. Федор Достоевский, *The Brothers Karamazov*, стр. 167.
5. Чарльз Ноэл Дуглас, *Forty Thousand Quotations*, стр. 1680.

Глава 6

1. Ричард Э. Бёрд, *Alone*, стр. 19.
2. Артур Дж. Гиш, *Beyond the Rat Race*, стр. 21.
3. Там же, стр. 20.
4. Серен Крикегард, *Christian Discourses*, стр. 322.
5. Там же, стр. 27.
6. Джон Уэсли, *The Journal of the Reverend John Wesley*, ноябрь 1767
7. Рональд Дж. Сайдер, *Rich Christians in an Age of Hunger*, стр. 18.
8. Серен Киркегард, стр. 344.
9. Джон Улман, *The Journal of John Woolman*, стр. 144-145.
10. Там же, стр. 168.
11. Джордж Фоке, *Works*, стр. 126,

Глава 7

1. Элизабет О'Коннор, *Search for Silence*, стр. 132.
2. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 77, 78.
3. Кэтрин де Хаск Дотерти, *Poustinia: Christian Spirituality of the East for Western Man*, стр. 23.
4. Томас а Кэмпис, *The Imitation of Christ*, стр. 18.
5. Джон Улман, *The Journal of John Woolman*, стр. 11.
6. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 79.
7. Кэтрин де Хаск Догерти, стр. 212.
8. Святой Джон Креста, *The Collected Works of St. John of the Cross*, стр. 2%.
9. Там же, стр. 363.
10. Там же, стр. 295.
11. Там же, стр. 364.

12. Там же, стр. 365.
13. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 80.
14. Томас Мэртон, *The Sign of Jonas*, стр. 261.
15. Кэтрин де Хаск Догерти, стр. 216.

Глава 8

1. Томас а Кэмпис, *The Imitation of Christ* в *The Consolation of Philosophy*, стр. 139.
2. *Hymns for Worship*, стр. 248.
3. Джон Хауэрд Йоудер, *The Politics of Jesus*, стр. 181-182.
4. Там же, стр. 181.
5. Там же, стр. 186.
6. Томас а Кэмпис, стр. 172.

Глава 9

1. Томас Р. Кэлли, *A Testament of Devotion*, стр. 124.
2. Сант Фрэнсис Асиси, *Selections from the Writings of St. Francis of Assisi*, стр. 25
3. Джон Мильтон, *The Complete Works of John Milton*, стр. 614.
4. К. Х. Додд, *The Letters of John and Jude*, стр. 68, 69.
5. Вильям Ло, *A Serious Call to a Devout and Holy Life*, стр. 26.
6. Томас а Кэмпис, *The Imitation of Christ* в *The Consolation of Philosophy*, стр.211.
7. Брат Уголино ди Монте Сайта Мариа, *The Little Flowers of St. Francis*, стр. 58-60.
8. Дитрих Бонхоуфэр, *The Cost of Discipleship*, стр. 188.
9. Джереми Тэйлор, *The Rule and Exercises of Holy Living* в *Fellowship of the Saints: An Anthology of Christian Devotional Literature*, стр. 353.
10. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 99.
11. Франсуа Фенелон, *Christian Perfection*, стр. 34.
12. Там же, стр. 36.
13. Бернард Клево, *St. Bernard on the Song of Songs*, стр. 70.
14. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 97.
15. Там же, стр. 98.

Глава 10

1. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 112.
2. Там же, стр. 118.
3. Агнес Санфорд, *The Healing Gifts of the Spirit*, стр. 110.
4. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 116.
5. Сант Альфонсус Лигори, *To Any Christian*, стр. 192.
6. Дуглас Стир, *On Beginning from Within*, стр. 80.
7. Лигори, стр. 193.
8. Джефри Чосер, *The Canterbury Tales*, стр. 23.
9. И. М. Баундз, *Power Through Prayer*, стр. 77.
10. Лигори, стр. 195.
11. Дитрих Бонхоуфэр, *Life Together*, стр. 118.
12. Сэнфорд, стр. 117.

Глава 11

1. А. У. Тоузер, *The Knowledge of the Holy*, стр. 11.
2. Там же, стр. 21.
3. Фрэнк Лобэк, *Learning the Vocabulary of God*, стр. 22-23.
4. Брат Лоренс, *The Practice of the Presence of God*, стр. 32.
5. Дуглас Стир, *Prayer and Worship*, стр. 36.
6. Томас Р. Келли, *The Eternal Promise*, стр. 72.
7. Там же, стр. 74.
8. Джордж Фоке, „Epistle 288" в *Quaker Religious Thought*.
9. Франсуа Фенелон, *Christian Perfection*, стр. 4.
10. Томас Мэртон, *Contemplative Prayer*, стр. 42.
11. Д. Элтон Трублад, *The People Called Quakers*, стр. 91.
12. Джеймс Нэйлер, *A Collection of Syndry Books, Epistles, and Papers, Written by James Nayler*, стр. 378.
13. Бильярд Спэрри, „Reality in Worship" в *The Fellowship of Saints: An Anthology of Christian Devotional Literature*, стр. 685.

Глава 12

1. Брат Уголино ди Монте Сайта Мариа, *The Little Flowers of St. Francis*, стр. 74-78.
2. Руфус М. Джоунс, *The Quakers in the American Colonies*, стр. 517.
3. Джон Дж. Виттиер, *The Journal of John Woolman*, стр. 13.
4. Томас Мэртон, *Spiritual Direction and Meditation*, стр. 12.
5. Там же, стр. 8.
6. Жан-Пьер де Косэйд, *The Sacrament of the Present Moment*.
7. Дэйв и Нэта Джэксон, *Living Together in a World Falling Apart*, стр. 101.
8. Мэртон, *Spiritual Direction and Meditation*, стр. 9.
9. Джордж Фоке, *The Journal of George Fox*, стр. 184.
10. Даллас Виллард, *Studies in the Book of Apostolic Acts: Journey into the Spiritual Unknown*.

Глава 13

1. Гарви Кокс, *The Feast of Fools*, стр. 12.
2. Франсуа Фенелон, *Christian Perfection*, стр. 102.
3. Д. Элтон Трублад, *The Humor of Christ*, стр. 33.
4. Гарви Кокс, стр. 11.
5. Там же, стр. 10.
6. Там же, стр. 3.

1988 by Richard J. Foster. Originally published in English under the title *Celebration of Discipline*

© 1994 for the Russian edition by Operation Mobilisation.

Библиотека сайта Quakers.ru